

Израилю и Украине — мужества и веры в успех!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3 (31) 2024

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 3 (31) 2024

Бостон
2024

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
МИХАИЛ МИНАЕВ	(США)
АЛЕКСЕЙ НИКИТИН	(УКРАИНА)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

Published by **M•GRAPHICS** | Boston, MA

ISSN 2575-9558

Copyright © 2024 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For obtaining permission to reproduce selections from this publication
email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778
or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем подписку на журнал на 2024 год (4 номера), начавшуюся в ноябре прошлого года. По просьбе наших читателей и в связи со значительным увеличением стоимости печати и, особенно, почтовой доставки, мы приняли решение о выпуске журнала с 2024 года также и в **электронной версии**, которая будет рассылаться нашим подписчикам (вместо печатной версии) по электронной почте в формате PDF.

Для получения всех номеров журнала за текущий год выпишите чек на имя компании-издателя: **M•Graphics**:

- на сумму **75** (семьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой по США**)
- на сумму **85** (восемьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой в европейские страны — возможность доставки в Украину, Израиль и некоторые другие страны пока неясны**).
- на сумму **50** (пятьдесят) долларов — **для получения всех выпусков журнала в электронном виде (PDF) в любой стране мира**.

Обязательно укажите полное имя, точный почтовый адрес, включая страну доставки, адрес электронной почты (для получения электронной версии) и телефон получателя (если отправка бумажной версии идет за пределы США).

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97–07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646–270–9615**.

Для тех из вас, кто предпочитает электронные методы оплаты, подписку также можно оформить на нашем вебсайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

СОДЕРЖАНИЕ

США: ГОД ВЫБОРОВ

Полемика читателей

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ВИДЕТЬ ТРАМПА В БЕЛОМ ДОМЕ? 6

ИЗРАИЛЬ ПОСЛЕ 7 ОКТЯБРЯ

СТРАШНАЯ СТАТИСТИКА 30

УКРАИНА: О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

Михаил ДУБИНЯНСКИЙ

ПРЕДЧУВСТВИЕ КАТАКЛИЗМА 37

Валерий ПЕКАР

ЧЕМ ОПАСНО ЗАМОРАЖИВАНИЕ ВОЙНЫ 41

ПРОЗА

Михаил ГОНЧАРОК

СИМБИОЗ, НЕС ПА? 44

Андрей ОРЕДЕЖ

ОШИБОЧНЫЙ ДИАГНОЗ 53

Семён КАМИНСКИЙ

РАССКАЗЫ 71

Игорь ЩЕПЁТКИН

НОВЕЛЛЫ 106

Михаил ЛЕБЕДЕВ

АДИЙ (ПЬЕСА) 118

Владимир ВЛАДМЕЛИ

ПАРАСЕЙЛИНГ 229

ПОЭЗИЯ

Виктор ФЕТ	60
Марк ВЕЙЦМАН	83
Игорь Джерри КУРАС	96
Валерий СЛУЦКИЙ	256
Александр ДИМИДОВ	287

СУДЬБЫ

Давид ГАЙ <i>ШОЛОМОХАЙ-ШАРИФ-САШКА (ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ)</i>	154
--	-----

ПЕРЕВОДЫ

Галина ИЦКОВИЧ <i>ОТВРАЩАЯ НЕОТВРАТИМОЕ</i>	210
Константин ГУЛИСАШВИЛИ <i>АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ — ГЕНИЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ</i>	216

ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Ксения ГАМАРНИК <i>ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ</i>	236
<i>ПАМЯТЬ, ОБОЖЖЁННАЯ ВОЙНОЙ...</i>	246

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Михаил ГОНЧАРОВ <i>ИЗ ЗАПИСОК АРХИВАРИУСА</i>	267
Фрима Иосилевич <i>КОМАНДИРОВКА</i>	296

Полемика читателей

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ВИДЕТЬ ТРАМПА В БЕЛОМ ДОМЕ?

В предыдущем номере журнала — № 2 (30) 2024 — были опубликованы острые, полемические статьи Якова Фрейдина и Александра Пумпянского, связанные с предстоящими выборами президента Соединённых Штатов. Мы пригласили читателей высказаться по поводу прочитанного, дать свои оценки, мнения, суждения в связи с возможной победой представителя Республиканской партии. Вот некоторые полученные нами отклики — от небольших по объёму до пространных комментариев.

АНАТОЛИЙ СУХОРУКОВ, НЬЮ-ЙОРК:

Прочитал статьи Фрейдина и Пумпянского.

Что понравилось в первой? Подробный анализ прошлой деятельности Трампа и относительная объективность. Предсказания будущей внутренней политики Трампа в случае избрания президентом тоже понравились. Предложенные варианты внешней политики будущего президентства Трампа несколько ходульны и агрессивны. Ожидать, что условный Запад во главе с США сможет сразу победить всё зло и при этом избежать мировой ядерной войны — утопия. Конечно, зло нужно побеждать, но постепенно. Мы помним, как в недалёком прошлом, чтобы победить Гитлера, пришлось объединиться со Сталиным. А потом победили коммунистический режим в «холодной войне».

Сейчас у США три разных враждебных силы, с которыми предстоит бороться: путинская Россия, Китай и экстремистский мусульманский мир. Трамп уже неоднократно высказывался за объединение с Россией для более успешной борьбы с остальными. Конечно, Трамп может резко поменять своё отношение к России, если Путин не захочет идти

в его фарватере. И окончание войны в Украине ключевой момент. Фрейдлин указывает два крайних решения окончания этой войны: отдать Путину территории Украины или силой заставить уйти с этих территорий. Оба варианта считаю нереальными. И даже, если они осуществятся, война на этом не закончится. Возможен компромисс, который могут принять обе стороны, скрипя зубами, дабы избежать в ближайшее время новой войны.

Вот один из вариантов, который может предложить Трамп — уход российских войск с территории Украины и федерализация Украины по образцу США, без права выхода из состава Украины. Одесса и Донбасс не обязаны жить как Львов. По Крыму может быть особый Договор. И конечно, Россия должна будет заплатить за разрушения, но после снятия санкций. Ведь российские войска уйдут со всей территории Украины. Почему такой компромисс может принять Россия? Выполнена основная задача, которая ставилась — русскоязычные области в Украине смогут жить как считают нужным в обыденной жизни и поддерживать экономические, культурные, научные и спортивные связи с Россией, конечно, соблюдая все федеральные законы Украины.

Почему руководство Украины может согласиться на такой компромисс? Потому что смогут считать себя победителями. Все российские войска покинут территорию Украины, и Россия заплатит репарации за разрушения. Для Трампа всегда примером был Рейган. А Рейган делал ставку на мирные методы борьбы и победил в «холодной войне». И решающим в этой победе было изменение общественного мнения в СССР в пользу западной демократии. Разве в СССР ненавидели Рейгана? Этого же будет добиваться и Трамп. Постоянная конфронтация с враждебным российским народом может привести только к ядерной войне.

На Ближнем Востоке возможен только временный мир с дальнейшей кропотливой работой. Удалось же Израилю заключить соглашения с Египтом и Иорданией, почти удалось с Саудовской Аравией. А в Иране тоже относительно недавно был шах. Профукали, придётся восстанавливать. И Россия здесь может сыграть свою роль, если будет на стороне Трампа. А представьте, насколько трудней будет воевать с Ираном, если Россия будет на его стороне? А в Газе, после уничтожения верхушки Хамас, нужно постоянное присутствие миротворцев с участием Израила для полного контроля. Наладить нормальную жизнь там сейчас нереально.

Автор второй статьи, Александр Пумпянский, иногда передёргивает. Показывает только плохое в Трампе. Про каждого человека можно

так написать. Да, у Трампа плохого больше, чем у обычного человека, но и достижений значительно больше. А давайте только коротко перечислим плохое при Байдене. Самое ужасное — начались две войны. И поведение Байдена в них сомнительное. Количество нелегальных эмигрантов превысило все пределы, начался настоящий разбой во многих точках страны. Высокая инфляция. Левые идеи и лозунги захлестнули страну. Байден и его сына тоже обвиняли в коррупции. И это всё правда. Но правда и в том, что экономика достаточно крепкая, американцы живут неплохо. И при Трампе жили неплохо.

Очень трудно сравнивать будущее возможное президентство Байдена и Трампа. Байден — это застой. Трамп — непредсказуемость. Хотите вы, чтобы жизнь внутри страны ухудшалась постоянно, но медленно? Тогда Байден. Но может ли обыденная жизнь резко поменяться в ту или другую сторону? Тогда Трамп. Войны в Украине и Палестине могут длиться ещё долго, но американцев это мало коснётся? Тогда Байден. Эти войны могут закончиться быстро, но, возможно, с не устраивающим вас результатом? Тогда Трамп. Он может стать новым Рейганом, а может и не получиться. А Байден точно не станет новым Рузвельтом.

ВЛАДИМИР БРОМБЕРГ, ЧИКАГО:

Короткое отступление от темы.

Мне посчастливилось дважды проехать на машине по штатам Среднего Запада и в автобусных экскурсиях по шести штатам Юго-Запада США. Везде встречались улыбающиеся, доброжелательные люди, готовые помочь. Скажем, поняв, что ты не очень хорошо понимаешь английский, он или она поможет попасть на нужную дорогу. Но не везде была такая благодать. В центральных или окраинных районах городов-миллионников, типа Детройта, я видел злых, неприкаянных жителей.

В разговорах, в частности, речь заходила о том, что людям неприятно, до тошноты, слышать, что дети, оказывается, не имеют пола, данного природой и богом. Такие «нововведения» они полностью отвергают. И они не допустят, что человек, попавший на высшую должность, разрушит их жизнь.

Полагаю, что я намного лучше увидел Америку, чем Ильф и Петров 90 лет назад...

...Я внимательно прочитал обе статьи. Они прямо противоположны по смыслу. Во многом авторы правы, во многом слишком категоричны. Не вдаваясь в анализ статей, выскажусь без обиняков. В течение последних 30–40 лет приверженцы социалистических идей захотели

руками университетских профессоров (не точных наук) выровнять мозги молодёжи. Многое им удалось. Но пришёл Трамп. Он начал разворачивать гигантский корабль под названием «Америка» в ином направлении, используя личные качества и опыт предыдущей жизни, позволявший ему многое. Он попытался управлять страной как бизнесом. Однако, не обладая дипломатическим чутьём и политическими навыками, наделал много серьёзных ошибок. Он оттолкнул (притом грубо) компетентных людей, сделал из них недругов.

Но то, что Трамп успел сделать, заслуживает внимания.

Он не смог завершить задуманное, и мы обязаны дать ему шанс.

Других Трампов у нас нет.

При Байдене и демократическом правлении возник хаос. Инфляция, дороговизна. Беспредел нелегальных эмигрантов. Позорное бегство из Афганистана. Потери престижа армии и страны. Выламывание рук израильскому руководству, требование изменить план справедливой войны-возмездия ХАМАСу. Администрация Белого Дома поражает непоследовательностью своих решений. С одной стороны, требует от Израиля поставить во главу угла заботу о беженцах-палестинцах, прекратить обстрелы и удары с воздуха Газы и других населённых пунктов, а с другой стороны — планирует передать ЦАХАЛ 25 самолётов и более 2 тысяч бомб. Вот так...

А взять Украину... Издание Financial Times узнало, что Соединённые Штаты призвали Украину не бить по российским нефтеперерабатывающим заводам и другой энергетической инфраструктуре, поскольку переживают, что это может привести к росту мировых цен на энергоресурсы, а во время предвыборной борьбы в Америке цены на бензин могут иметь особое значение.

Хочу надеяться, что при Трампе многое поменяется.

РОМАН СОЛОДОВ, НЬЮ-ДЖЕРСИ:

Статья г-на Фрейдина о том, что Америке нужен Дональд Трамп, иначе мы совсем пропадём как страна, как лидер свободного мира, в общем, придёт нам конец, произвела впечатление. Есть с чем поспорить, с чем категорически не согласиться. Статья против Трампа (г-на Пумпянского) мне понравилась много больше, ибо я разделяю мнение автора о Трампе, что это дутая фигура, за душой которой ничего нет, кроме доходящих до патологии амбиций.

Начну (и закончу) разбором первой статьи, ибо написанное Александром Пумпянским принимаю полностью. Текст очень жёсткий,

написан блестяще, иногда даже с перехлёстом, но, по-моему, весьма убедительно.

...Яков Фрейдин начинает за упокой — пишет о недостатках республиканского кандидата. Хотя какой Трамп республиканский кандидат? Республиканской партии в том понимании, которое мы вкладывали, когда говорили о партии времён Р. Рейгана, просто нет. Есть подмятая под Трампа достаточно большая группа людей. И эта группа сегодня пытается защитить своего босса всеми правдами и неправдами. Она обвиняет в этом «независимую в прошлом судебную систему». Тут же возникает вопрос: а куда и почему исчезла её независимость? Из-за Трампа, который за свою каденцию ввёл трёх консервативных судей в Верховный суд и помимо этого ещё сотни судей калибром поменьше? Вряд ли он думал о том, что подрывает тем самым независимость судебной системы. Но если не Трамп, то что тогда? Почему это «судьи нашей страны погрязли в коррупции?» Не потому ли, что суды всех инстанций отвергли все без исключения притязания Трампа на то, что выборы были у него украдены? Почему это было сделано? А ответ ужасно прост и ответ единственный — ни одного доказательства жульничества на выборах не было предъявлено.

Хотелось бы также узнать подробней, на какие такие диктаторские и социалистические режимы США тратили «баснословные суммы»? Было бы хорошо, если б автор назвал эти страны. Боюсь, что не найдёт. Но Трамп «решил с этим покончить». И покончил! И пару слов вдогонку о расходах стран НАТО на военные нужды. Начнём с Австрии — позорный уровень расходов на оборону. Меньше одного процента от ВВП. Ужас! Но есть одна тонкость: Австрия не член НАТО, нейтральная страна и является ею с момента вывода иностранных войск с её территории, где-то с пятидесятых. Автору не мешало бы это знать. Остальные подтягиваются: прогресс очевиден, если до начала войны с Украиной только четыре страны достигли 2% военных расходов, то сегодня этих стран уже 11. Но я согласен с Трампом — это недопустимо, что мы, американцы, тратим на оборону больше 2%, а остальные много меньше. Но категорически против его заявления, что он даже поддерживает Путина, если тот решит напасть на страны, тратящие меньше 2% от своего бюджета. Как можно после такого рода заявлений выступать в его поддержку, не понимаю.

С Байденом всё всем понятно, и в его оценке не возникает разногласий — даже упёртые левые либералы признают его интеллектуальную немощь и коррупционный характер, который уступает, пожалуй, лишь

семейству Клинтонов (здесь и дальше курсив мой, буду выделять фрагменты из статьи г-на Фрейдина).

Я могу заявить о себе, что являюсь упёртым левым либералом. Даже к республиканской иконе Рональду Рейгану отношусь, мягко говоря, скептически. Ему просто повезло с Горбачёвым. Хотел бы посмотреть на этого актёра и на реакцию старческого руководства СССР, если бы Рейган предложил разрушить Берлинскую стену тому же Андропову... Так вот, могу сказать, что, судя по экономическому состоянию моей страны, Байден и его администрация делают успешную работу. Я, например, даже не представлял, что увижу, как индекс Доу-Джонс поднимется до 40 000! Его недостаток — физическая немощь. Тяжко было смотреть, как он спотыкался, поднимаясь по самолётному трапу. Зато с каким удовольствием эти кадры прокручивает тот же канал ФОКС, на секундочку забыв, что один из самых умных людей в истории человечества, английский физик Хокинг вообще был парализован с головы до ног. А фактическое отсутствие ног у Рузвельта не помешало ему привести страну к атомной бомбе и победе над Гитлером.

И про коррупцию не надо... Распространяемая Кремлём клевета насчёт украинских дел сына Байдена не стоит выеденного яйца, тем более что ими (украинскими делами) занимался Джулиани, которого совсем недавно осудили за клевету на сто миллионов долларов, и он вынужден был объявить себя банкротом.

В бизнесе, которым прежде занимался Дональд Трамп (недвижимость и индустрия развлечений), он вполне соответствовал своему имени и вёл себя как козырная карта: мог побить любую масть с немалой для себя выгодой. Что и говорить, для бизнеса фамилия у него вполне подходящая — прямо по русской поговорке «Бог шельму метит».

Какой он бизнесмен, мы знаем из истории. Шесть раз банкрот!!! Наиболее известное из его банкротств — крушение игорной империи в Атлантик-Сити. И это бизнесмен? Добро бы начинал с нуля, как начинали многие сегодняшние миллиардеры. Примеров тому — тьма. Но Трампу папочка оставил кое-какие деньги, и он их благополучно профукал.

Но автор не вспоминает о его банкротствах. Он плавно переходит к его действиям в качестве Президента.

Главное, что он пытался сделать (к сожалению, безуспешно) за время своего президентского срока — осушить вашингтонское болото, где разжиревшие бюрократические жабы десятилетиями сосут соки из бюджета страны и втягивают прежде процветающую капиталистическую Америку в социалистический тупик.

Когда читаешь такую фразу, то поневоле возникает вопрос: с чего это автор решил, что «вашингтонское болото втягивает Америку в социалистический тупик»? Знает ли он, что первым и необходимым шагом к социализму является ликвидация частной собственности на средства производства. Что-то ликвидировали? Что-то обобществили? У кого-то что-то отняли и вложили в общий котёл?

Ещё одна цитата. *Куда разумнее, хотя и сложнее, попытаться сфокусироваться на целях и конечных результатах, к которым он стремится, а не на путях, по которым он к ним идёт, и не на его индивидуальных характеристиках.*

Что ж, попробуем сфокусироваться. Для этого ничего придумывать не надо. Достаточно вспомнить выступления К. Кристи, бывшего губернатора штата Нью Джерси. Он всё сказал о попытках Трампа и полном провале этих попыток. Трамп начал строить стену (Мексика, естественно, не дала ни гроша на это строительство), «воздвиг» он только несколько миль, никак не повлиявших на поток эмигрантов из южных стран. Но зато успел обвинить миллиардера-филантропа Сороса в спонсировании караванов беженцев. «Люди говорят», ответил он на вопрос журналиста, спросившего: «Откуда у Вас, г-н Президент, такие сведения?»

А вот одно из недавних выступлений Трампа. Якобы демократические евреи не только не верят в Господа Бога, но и ненавидят Израиль. Каково?!

Большой абзац статьи Якова Фрейдина посвящён достижениям Трампа во внутренней и внешней политике. Меня изумили слова о том, что во время ковида американцы, оказывается, чувствовали себя комфортно и с надеждой смотрели в будущее. Такое можно написать только для людей, не переживавших эту эпидемию. Большинство американцев испытали ковид на своей, грубо говоря, шкуре. И я испытал. И очень хорошо помню настроение моих домашних, когда я заболел. Знаю настроение тех, у кого погибали друзья, родные, включая детей — независимо от их возраста. Погибали десятки тысяч!

Да, Трамп отменил много бюрократических препятствий (особенно по охране окружающей среды). А что со стоимостью бензина на автозаправках? Дорогой? Совсем недавно я совершил круиз по странам Средиземноморья. ВЕЗДЕ литр бензина был дороже одного евро за литр. Даже в Доминиканах бензин стоил доллар за литр. Так что времена демократа Клинтона, когда я платил чуть больше доллара за галлон, ушли в прошлое очень надолго, если не навсегда. Надо надеяться,

что электромобили в конце концов вытеснят с рынка бензиновые. Но это может случиться, если к власти не придёт Трамп, уже пообещавший покончить с электромобилями.

Идём дальше. Трамповская налоговая реформа обогатила именно класс богатеев. Из казны «улетели» триллионы долларов. Я, например, только обеднел, ибо до Трампа я списывал с дохода мои местные таксы на собственность и потому денег не оставалось для уплаты федерального налога. Я его не платил. А теперь должен это делать. Никак я не разбогател от финансовых выкрутасов Трампа. А насчёт «фондовой биржи с отличной форме» могу ещё раз заметить, что индекс Дю-Джонс при Трампе болтался в пределах от 32 тысяч до 34. Начал он расти только при Байдене, и на глазах всех американцев достиг невиданного доселе уровня в 40 тысяч. Сопровождается этот рост стабильно низким уровнем безработицы.

Мне кажется, что хвалить государственного деятеля за неоконченное им дело не стоит. Как поётся в песне А. Галича «Начал дело, так уж делай, чтоб не встал». А Трамп начал строить стену и бросил это дело. Неужели он действительно думал, что Мексика окажет содействие?

Перенос столицы из Тель-Авива в Иерусалим можно поставить в заслугу Трампу. К сожалению, эффекта домино не последовало. Сколько в Иерусалиме открылось посольств? Десяток наберётся из мелких стран? И сколько стран в ООН! Из-за войны с ХАМАСом, шансы на то, что ещё какая-либо страна переведёт посольства вслед за США, исчезающе малы. Кстати, Трамп до сих пор ясно и внятно не сказал о своей позиции в этой войне.

И напоследок в абзаце, посвящённом его достижениям, — упоминание покера при «игре» с Путиным. Выдать явную измену за игру в покер, это надо уметь. Такого позора, когда руководитель великой страны на весь мир заявляет, что он больше доверяет словам Путина, нежели нашей контрразведке, не припомню. Представляю, как был доволен Путин. В такой же покер Трамп играет, когда одобрительно говорит об Орбане, венгерском стороннике российского преступного лидера. Самый большой покер был с северокорейским диктатором, которому он объяснялся в любви, при том, что Ким по поводу любви к Трампу не обмолвился. Стыдно было за страну. Вот это Трамп во всей красе.

Боюсь, придя к власти, он пойдёт на сговор с российским диктатором и весьма предсказуемо откажет Украине в поддержке. При нём Америка запятнает себя предательством идеалов демократии.

СЕМЁН РЕЗНИК, ВАШИНГТОН:

Более сорока лет назад, когда мне с женой и сыном удалось вырваться из Совдепии и приехать в Америку, первое, что нам конфиденциально объяснили в еврейской организации, которая нас опекала на первых порах, это то, что президент Рейган расист и что нам не следует появляться в «чёрных» районах, потому что там могут ограбить и даже убить.

Позднее мне довелось ближе познакомиться с проблемой «чёрных и цветных» и понять, что она в основном сводится к школьному образованию. Главное, чем «хорошие» районы отличаются от «плохих», состоит в том, что в школах «хороших» районов дети получают более или менее сносные знания, что позволяет им учиться дальше, приобрести профессию, работать и зарабатывать. Тогда как в школах «плохих» районов детей почти ничему не учат. Оканчивающие такие школы, имея на руках High School Diploma, нигде не могут работать, они «unemployable», и им некуда девать свою энергию. Они слоняются по улицам, многие втягиваются в тёмные дела, связанные с торговлей наркотиков, грабят прохожих, объединяются в банды для сведения счётов с другими бандами; когда попадают, отсиживают тюремные сроки... Так из поколения в поколение. На языке нынешних «прогрессистов» это называется «расизмом привилегированного белого большинства».

Начать реально решать эту трудную проблему попытался президент Трамп — введением системы ваучеров, позволяющей родителям выбирать школу для своего ребёнка. Свобода выбора вела к тому, что в плохих школах число учеников, а значит и их финансирование, со временем стало бы уменьшаться, а в хороших — увеличиваться. Против такой конкуренции восстал профсоюз учителей, а значит, и «прогрессисты» Демократической партии. Бороться с «расизмом привилегированного большинства» им проще и выгоднее, чем реально улучшать положение меньшинств.

Когда и почему преуспевающий предприниматель, построивший Трамп-тауэр и другие «знаковые» здания Нью-Йорка и не только Нью-Йорка, решил выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США от Республиканской партии?

До избирательной кампании 2016 года Трамп никогда и никуда не выдвигался. В прежних избирательных кампаниях он финансово поддерживал демократов, в их числе Клинтонов, и других. Однако он резко отзывался о политике Барака Обамы и даже ставил под сомнение законность его избрания, требуя документального подтверждения того,

что он родился в Соединённых Штатах. Известная история, наверняка знакомая нашим читателям... Только в 2011 году, в преддверии новой избирательной кампании, Обама обнародовал своё свидетельство о рождении — на Гавайях. Если это подлинный документ, то почему он был представлен на четвёртый год президентства Обамы, а не в начале первой избирательной кампании? Такого вопроса никто не задавал, подлинность документа, насколько я помню, никто не проверял.

Трамп резко отзывался об антиамериканской политике Барака Обамы, на что не отваживались даже его прямые политические противники, так как критиковать «первого чернокожего президента» было не политкорректно.

Когда подошёл срок следующих выборов, Трамп финансово поддержал кандидата от Республиканской партии Митта Ромни. Согласно опросам общественного мнения, Ромни значительно опережал Обаму. Но чем большим становился его перевес, тем он становился более робким и менее решительным. Он боялся сказать что-то нехорошее о чернокожем президенте, дабы не прослыть расистом. К концу избирательной кампании он совсем стушевался. В 2012 году Обама был избран на второй срок.

Так как на третий срок он избираться не мог, то его партия сделала ставку на Хиллари Клинтон. Для этого у «прогрессистов» были веские основания. В первый срок Обамы госсекретарь Клинтон играла ведущую роль в выработке и проведении в жизнь его внешней политики — от соглашений с Ираном до «перезагрузки» отношений с путинской Россией. Во внутренней политике она тоже была намерена продолжать курс Обамы.

В истеблишменте Республиканской партии оказалось 16 претендентов на президентский пост. То, что 17-м претендентом объявил себя Дональд Трамп, было полной неожиданностью. Ведь никаких шансов у него не было. Как он мог противостоять, например, Джеффу Бушу — многолетнему губернатору Флориды, сыну и брату двух недавних президентов. Другие претенденты тоже были видными и широко известными политиками. На что же рассчитывал Трамп? По СМИ гуляла версия, что он просто развлекается. Ему скучно наедине со своими миллиардами, вот он и решил покрасоваться на виду у всей страны.

Стиль выступлений Трампа тоже был каким-то несерьёзным. Они были полны иронии и сарказма. Он «одаривал» соперников уничижительными кличками, да и в свой адрес отпускал весьма рискованные шутки, словом, вёл себя «непрезидентно».

А чем можно было объяснить его заявления о том, что он воздвигнет стену на границе с Мексикой и сама Мексика её оплатит. Что он отменит Обамасаре. Что выйдет из Парижского соглашения по климату. Разорвёт договор с Ираном об атомном оружии. Заставит союзников по НАТО вносить справедливую долю в общий оборонный бюджет...

А чего стоили его обещания вернуть в страну капиталы, предприятия и рабочие места, уплывшие в Китай и ещё куда-то, где труд в пятьдесят раз дешевле, чем в Штатах. Как он их вернёт? По щучьему велению? Зачем сулить молочные реки и кисельные берега? И как он смеет говорить, что политика чернокожего президента вредна для страны? Краснобайство и расизм в одном флаконе.

А что означало его обещание перенести посольство в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим! Прежние президенты это давно обещали, ибо таково было решение Конгресса. Только вот арабские страны категорически против, а Европа с ними не хочет ссориться. Зачем же нам лезть в пекло? Трамп ничего не смыслит в мировой политике, не знает, к каким тяжким последствиям это может привести...

Между тем, из выступлений Трампа вырисовывалась президентская программа, и чем яснее она становилась, тем больше нравилась избирателям. Build the Wall! America First! Make America Great Again! Сперва это были лозунги, но они стали наполняться конкретным содержанием. Остановить или хотя бы резко сократить наплыв нелегалов, наводняющих страну наркотиками и отнимающих рабочие места у самой бедной и социально незащищённой части населения. Снизить налоги и уменьшить бюрократические препоны, чтобы стимулировать создание новых бизнесов и рабочих мест. Снять ограничения на добычу ископаемого топлива, дабы не зависеть от Ближнего Востока, где кипят неурядицы. Поднять военную мощь страны и добиваться мира не путём заискивания перед аятоллами, а с позиции силы. Не платить мультимиллиардную дань для очистки воздуха и воды в странах третьего мира. Денонсировать договор НАФТА, из-за которого предприятия и рабочие места утекают из страны. Добиваться ядерного разоружения Северной Кореи, а для начала — остановить её ядерные испытания...

Трамп выиграл номинацию от Республиканской партии.

Но это было полдела. Требовалось одолеть Хиллари Клинтон, что представлялось практически невозможным.

В своей избирательной кампании Хиллари шла тем же путём, который дважды привёл к успеху Обаму. Она не могла сойти за чёрную или

цветную, «зато» она женщина! «Сексизм» стал для неё таким же жупелом, как «расизм» для Обамы.

Косяком пошли обвинения Трампа в сексуальных домогательствах тридцати — пятидесятилетней давности. То, что такие обвинения недоказуемы, значения не имело. С презумпцией невиновности «белых привилегированных мужчин» было покончено, ибо «женщине надо верить». Для торжества equity над equality (уравниловки над равенством возможностей) первого чернокожего президента должна сместиться первая женщина-президент!

Увы, «сексизм» оказался не столь сокрушительным оружием, как «расизм». Да и «расизм» дал осечку. Трамп напомнил чернокожим, что они рутинно голосуют за демократов, а те ничего не делают для того, чтобы реально улучшить жизнь в бедных городских районах, где царят нищета, наркомания, преступность и правовой беспредел. Он задал сакраментальный вопрос: «What do you have to lose?» Заметное число чернокожих проголосовало за республиканского кандидата.

Всё же опросы говорили о значительном перевесе Хиллари Клинтон, потому в её победе мало кто сомневался. Лично я был уверен, что победит Хиллари, так что Америка и дальше будет идти по пути, гибельному для неё самой и для её союзников, в особенности для Израиля. К всеобщему изумлению, победил Трамп.

Предвыборная борьба не всегда ведётся по-джентльменски. Но когда голоса подсчитаны и победитель объявлен, противник его поздравляет, желает успеха и обещает поддержку. Такова мирная передача власти. Формально Хиллари признала своё поражение, но «прогрессисты» ринулись в бой против новоизбранного президента. Ещё до его вступления в должность в печать хлынули призывы идти на таран, что подкреплялось «стихийными вспышками народного гнева». Многим памятливы митинги, на которых голливудские звёзды призывали взорвать Белый Дом; театральные представления, где демонстрировалась отрубленная голова Трампа.

Влиятельный журнал «Vanity Fair» на второй день после выборов разместил на своём сайте статью видного деятеля Голливуда Аарона Соркина, под названием «Открытое письмо жене и дочери». Соркин звал к баррикадным боям против новоизбранного президента, а его сторонников клеймил как расистов, сексистов и куклуксклановцев.

Я послал в «Vanity Fair» ответное письмо, в котором напомнил, что Дональд Трамп избран президентом страны и потому представляет всех нас, включая тех, кому он не нравится и кто за него не голосовал.

Те, кто призывает к «борьбе» с президентом, «не уважают нашей демократии и подстрекают к уличным погромам, которые происходят в эти дни».

Редакция «Vanity Fair» моё письмо не напечатала, мне не ответила. Что и следовало ожидать. «Прогрессисты» горой стоят за разнообразие (diversity) рас, этносов, культур, даже полов (!), но не за разнообразие мнений. Нам, выходцам из Страны Советов, это до боли знакомо.¹

Несмотря на яростное сопротивление, Трамп сразу же приступил к выполнению своей программы и значительную часть её выполнил. Снижением налогов и отменой тысяч ненужных ограничений, а также введением тарифов на поставки товаров из Китая он обеспечил возвращение в страну мультимиллиардных капиталов, возрождение металлургической и некоторых других отраслей промышленности, что привело к росту числа хорошо оплачиваемых рабочих мест. Стала расти добыча ископаемого топлива, что привело к снижению мировых цен на нефть, впервые превратило США из импортёра в экспортёра нефти и газа, позволило в несколько раз увеличить стратегические резервы ископаемого топлива. Трамп заставил раскошелиться многие страны НАТО, Северная Корея прекратила ядерные испытания, разорительный для США договор НАФТА был расторгнут, наплыв нелегалов через границу с Мексикой значительно сократился, было сделано многое другое... Выразительны были успехи ближневосточной политики Трампа. Он перенёс посольство в Иерусалим, что вовсе не вызвало афронта со стороны арабских государств, но, напротив, некоторые из них признали права Израиля и заключили с ним мирные соглашения (Avraam accord).

Чем успешнее проводилась в жизнь программа Трампа, тем упорнее становилось сопротивление. Вашингтонское болото, которое Трамп обещал осушить, оказалось более глубоким и вязким, чем он ожидал.

Медийное пространство заполнилось потоками лжи, которую Трамп совершенно справедливо называл fake-news. Начались якобы независимые расследования, которые он столь же справедливо назвал Witch Hunt (охотой на ведьм).

Проблема Трампа состояла в том, что, будучи человеком со стороны в политическом истеблишменте, он не имел своей надёжной команды.

¹ Русский перевод моего Открытого письма: <https://club.berkovich-zametki.com/?p=26147>

На ведущие посты он вынужден был ставить случайных людей, которых почти не знал. Другая проблема Трампа — уже сугубо личная — в том, что на словах он бывал куда более крутым и решительным, чем на деле. Когда обнаруживалось, что человек, назначенный им на ответственный пост, не может или не хочет должным образом выполнять свои обязанности, Трамп начинал публично его критиковать вместо того, чтобы уволить без лишних слов. В качестве наглядного примера назову Джефа Сешенса (Jeff Sessions), которого он поставил на самый ответственный пост — Justice General (министр юстиции).

Республиканец Джеф Сешенс был сенатором от штата Алабамы с 1996 года, а до этого пару лет возглавлял департамент юстиции в своём штате. В ходе предвыборной кампании он поддерживал Трампа, и, не имея на примете никого другого, Трамп предложил ему этот пост.

В то время уже нарастала волна фиктивных сообщений о том, будто Трамп победил на выборах благодаря вмешательству России. Ничего более абсурдного нельзя было придумать. Никто иной, как Хиллари Клинтон, устроила «перезагрузку» отношений с Россией в 2010 году. Она же оформила продажу России контроля над значительной частью американской уранодобывающей промышленности. Барак Обама, в конфиденциальном разговоре с Дмитрием Медведевым, просил «передать Владимиру», что и впредь будет «flexible». Эта «гибкость» и убедила Путина, что он может безнаказанно захватить Крым и Донбасс, вопреки тому, что США, Великобритания и сама Россия являлись «гарантами» территориальной целостности Украины. Путин не ошибся: «гибкий» Обама «помог» Украине, послав ей партию одеял. Если бы у Путина была возможность повлиять на американские выборы 2016 года, он содействовал бы Хиллари Клинтон, а никак не Дональду Трампу.

Тем не менее, чуть ли не на следующий день после того, как Джеф Сешенс получил пост Attorney General, он официально отстранился (recused himself) от начатого «расследования» связей Трампа с российской разведкой. Вместо того, чтобы тут же отправить Сешенса в отставку, Трамп публично его критиковал, но тот два года оставался на своём посту.

Я согласен с Яковом Фрейдиным, что в кабинете Трампа была слишком большая текучка кадров. Но причины этого прямо противоположны тому, как их обрисовал автор статьи.

«Будучи президентом, — пишет Фрейдин, — он восстановил против себя всё руководство страной: госдепартамент, министерства финан-

сов, юстиции, образования, командование вооружёнными силами, ЦРУ и ФБР».

На самом деле всё было наоборот. Все эти ведомства, нашпигованные людьми Обамы, были заранее настроены против Трампа. Deep State (глубинное государство) делало всё возможное, чтобы противодействовать проведению в жизнь его программы. Прибавьте к этому противодействие Конгресса во главе со спикером Нэнси Пелоси, дважды устроившей импичмент Трампа по смехотворным поводам, постоянную травлю Трампа ведущими СМИ, на 90 процентов состоящих из «прогрессистов». Прибавьте «в основном мирные» уличные беспорядки, грабежи, поджоги, устраиваемые Antifa, Black Lives Matter и другими анархо-фашистскими группами, чтобы понять, в каких условиях оказался Дональд Трамп с первого дня своего президентства.

Национальная гвардия могла в считанные минуты погасить любые беспорядки, да так, чтобы отпала охота устраивать новые. Но, по закону, президент может задействовать подразделения национальной гвардии только по просьбе местных властей, а «демократические» губернаторы этого не желали.

Вопреки бешеному противодействию, Трамп выполнил львиную долю предвыборных обещаний. Популярность его росла, его избрание на второй срок было гарантировано. Именно поэтому было сделано всё возможное, чтобы нормальных честных выборов не допустить. Под предлогом того, что в условиях эпидемии Ковид-19 многие избиратели могут не пойти на избирательные участки, «прогрессисты» организовали беспрецедентно массовое «почтовое» голосование. Было запущено 50 миллионов почтовых бюллетеней. Сроки подачи голосов были раздвинуты на несколько недель. Задним числом менялись правила и законы голосования во многих штатах, да и эти правила не всегда соблюдались. Во многих избирательных округах «проголосовало» больше избирателей, чем числилось в списках. В ход пошли голоса умерших или давно выехавших из тех штатов и округов, где были зарегистрированы. Многие «проголосовали» дважды и трижды. Не говорю уже о «vote harvesting», когда так называемые активисты ходили по домам, больницам, общежитиям и собирали «урожай» нужных им голосов.

Не могу с уверенностью утверждать, что Трамп мог всего этого не допустить, но убеждён в том, что его противодействие было очень слабым. Скорее всего, он и его администрация не ожидали, что беспредел на выборах может принять столь масштабный характер. В последний

день перед выборами Трамп провёл три больших митинга в разных местах штата Пенсильвания, убеждая избирателей проголосовать за него, а о том, чтобы на избирательных участках той же Пенсильвании был обеспечен чёткий контроль за поступлением и подсчётом голосов, он и его сторонники не позаботились.

Это же относится к десяткам, если не сотням избирательных участков других штатов. Сбылось мудрое указание товарища Сталина о том, что важно не кто как голосует, а кто и как подсчитывает голоса.

В преддверии новых выборов против Трампа ополчилась вся «прогрессистская» рать. По всем каналам идёт бешеная травля. Судебная система, считающаяся отдельной ветвью власти, давно утратила свою девственность. Против Трампа возбуждены уголовные дела, по которым ему предъявлены обвинения, грозящие в сумме тюремным заключением до... 700 лет. В Нью-Йорке ему предъявлен и утверждён первой инстанцией гражданский иск почти на полмиллиарда долларов, причём для пересмотра этого решения в более высоких инстанциях от него потребовали внести залог в размере всей этой суммы. Позднее его адвокаты добились снижения залога «всего лишь» до 175 миллионов.

Как видим, травля Дональда Трампа идёт по многим направлениям. Его популярность среди избирателей от этого только растёт, но травля становится всё более изобретательной и изощрённой. Его пытаются лишить самой возможности избираться. Для этого возводятся новые обвинения, дабы сделать его кандидатуру нелегитимной. Иначе говоря, избирателей хотят лишить права голоса. Трамп правильно говорит, что война идёт не против него, а против народа Америки, который хочет лишить самых важных гражданских прав. Стрелы направлены в Трампа только потому, что он стоит на пути этого надругательства над базовыми свободами всех граждан.

Новая программа Трампа мало отличается от прежней. Он намерен во главу угла своей политики поставить интересы Америки, прекратить дурацкую борьбу с климатом (прошу прощения за слишком мягкий эпитет), возродить добычу «чёрного золота» («Drill, baby, drill»), остановить наплыв нелегалов. И, что наиболее важно в данном контексте, он намерен восстановить традиционную систему голосования, когда требуется личная явка на избирательный участок в установленный день. Если бы Трамп намерен был сделать *только это*, то каждому, кто хочет жить в свободной стране, а не в банановой республике, должно быть ясно, за кого голосовать.

* * *

Статья Александра Пумпянского «Новый день Трампеи» написана не без остроумия, но в ней озвучены основные fake-news, вёдрами вылившиеся на Трампа в последние пять лет. Автор внимательно следит за прессой, что очень похвально, но относится к ней со слишком большой доверчивостью.

Позиция Якова Фрейдлина более сбалансирована. В целом он положительно оценивает Трампа, ставит ему в плюс некоторые достижения его президентства. Но при перечислении минусов Трампа он куда более обстоятелен и красноречив. К фейкам лево-прогрессистов он относится с меньшим доверием, чем А. Пумпянский, но часть из них тоже воспринимает вполне серьёзно.

Значит ли это, что у Трампа нет недостатков и что, будучи президентом, он не совершал никаких ошибок? Совершал и, вероятно, будет совершать, если сможет вернуться в Белый Дом.

Надо надеяться, что в новом его кабинете не будет прежней текучки кадров, так как теперь он лучше знает, кто есть кто и на кого из своих сторонников он может положиться. Поэтому разумно надеяться, что его будущий кабинет будет работать более слаженно и эффективно.

Но и противодействие «прогрессистов», ведущих охоту на ведьм, не прекратится. Они обрушат новые каскады лжи, дабы не дать оттащить великую страну от края пропасти, в которую они так настойчиво пытаются её столкнуть. Им нужна Америка с отменённой культурой (canceled culture) и уравниловкой (equity), в которой *кто был никем, станет ничем*.

Удастся им это или нет, пока ещё в какой-то мере зависит от нас.

ЛЮДМИЛА ГОЗУН, ВЕНИАМИН ШОР, НЬЮ-ЙОРК:

Этот отклик — своего рода коллективное творчество. В вопросе о будущих выборах в Америке, как и в целом — в оценке важнейших событий и перспектив развития страны — в нашей семье нет разногласий. Так и в данном случае: наши мнения о статьях Якова Фрейдлина и Александра Пумпянского, опубликованных в том же номере журнала, совпадают.

Нам близка точка зрения А. Пумпянского о том, что Трамп по своей натуре шоумен: «живёт в альтернативной реальности своего производства», и вместе с ним его единомышленники способствуют созданию ложных представлений о действительности. Мы согласны со многими точными наблюдениями и справедливыми выводами

Пумпянского. Хотелось бы напомнить, что под театральной маской шоумена скрывается опытный демагог, спекулирующий на реальных проблемах Америки. Трамп очень умело манипулирует настроениями толпы, предлагая ложные решения существующих проблем.

Статья Якова Фрейдина «Козырной туз Трамп» привлекла наше внимание сдержанностью тона и всесторонним подходом к оценке противоречивой и неоднозначной личности Трампа. В атмосфере беспрецедентной предвыборной борьбы и крайней поляризации общества стремление к объективности само по себе заслуживает уважения. Но, прежде всего, заслуживает внимания позиция автора, которая, похоже, выражает мнение многих читателей журнала, то есть будущих избирателей, что ещё раз заставляет внимательно перечитать статью. Автор перед собой и перед читателями ставит два вопроса:

Хочет ли он (хотя бы они) видеть Трампа вновь своим президентом?

Может ли Трамп победить на выборах и вновь войти в Белый Дом? Автор предупреждает, что ответ не лежит на поверхности, а требует размышлений и анализа. С этим трудно не согласиться.

В статье добросовестно перечислены «плюсы» и «минусы» четырёхлетнего пребывания Трампа на посту президента. Не касаясь конкретной интерпретации того, что относится к каждой из названных категорий, заметим, что описание президентских ошибок в статье почти в четыре раза превышает описание достижений. Оценивая неутешительный баланс, автор признаётся: «Сегодня, почти четыре года спустя, можно по пальцам одной руки посчитать, какие полезные достижения Трампа пережили его поражение на выборах 2020 года...». В приведённом списке — всего четыре пункта. «Ну, вот, собственно, и все достижения», — признаётся автор. Несколько из перечисленных решений действительно можно назвать политическим прорывом — это достижения, которые заслуживают самой высокой оценки: «перенёс американское посольство из Тель-Авива в Иерусалим; запустил мирный процесс между Израилем и арабскими государствами — („Соглашение Авраама“) ...».

Каковы же неудачи Трампа и кто в них виноват? За ответом на вечный вопрос, *кто виноват?*, как говорится, к гадалке не ходи — демократы! Но автор статьи старается оставаться объективным — признаёт, что во многом виноват сам Трамп. Он грубоват и упрям: захотел управлять страной теми же методами, какими управлял своим бизнесом, «демократическая страна требует других методов управления». Автор считает,

что для правильной оценки политика следует отличать недостатки характера от существенных особенностей личности Трампа, он призывает «не обращать внимания на внешние атрибуты этого странного человека. А поддержать его усилия ради достижения наших с ним общих целей».

Итак — «внешние атрибуты»! Ну, допустим, личная жизнь президента нас не касается! Платил порнозвезде — дело его жены! Но ведь платил-то не из своего кошелька, а из предвыборного фонда! А махинации с недвижимостью, — мелкое враньё или что-то более существенное?

Приведу ещё одну цитату из статьи: «Вместо того, чтобы как-то с законодателями договариваться, искать компромиссы, да вообще вести себя хотя бы для видимости цивилизно, он на всех своих противников навесил оскорбительные ярлыки и грубо напал на них с поводом и без повода». Хорошо, допустим — это внешние атрибуты. Ну а то, что в отношениях с подчинёнными он исходил только из принципа личной преданности? Заявил директор ФБР Джеймс Коми, что будет следовать закону, а не выполнять указания президента — немедленная отставка; отказались руководители избирательного штаба Джорджии (кстати, убеждённые республиканцы) «отыскать» президенту недостающие для победы в штате нужные голоса — личные враги; отказался вице-президент Пенс подменить результаты выборов (слегка изменить существующую конституцию) — можно призвать разъярённую толпу вразумить непослушного слугу! Список можно продолжить... Причём, во всех конфликтных ситуациях Трамп не ограничивается отставками и оскорблениями, а переходит к шантажу, угрозам и клевете.

Примечательно, что автор статьи не поддерживает бредовую версию об «украденных выборах». Но многие в неё верят до сих пор, хотя более шестидесяти судебных исков направили сторонники Трампа в суды с обвинениями в подтасовках результатов голосования, и все обвинения были признаны бездоказательными. Нелишне напомнить, что попытка бездоказательно обвинить 60 с лишним судей в некомпетентности и ангажированности не только противоречит логике и здравому смыслу, но по сути есть шаг в направлении дискредитации судебной системы США — одной из основ американской демократии.

Завершающим аккордом первой каденции Трампа стал мятеж 6-го января 2021 г. Расследования Специального Комитета убедительно доказывают, что о планах нападения на Конгресс Трамп был хорошо информирован и непосредственно вовлечён в организацию мятежа. Об этом, например, неоднократно заявляла Лиз Чейни, которая до участия в работе Комитета постоянно поддерживала президента,

но, ознакомившись с материалами дела, резко изменила отношение к личности Трампа и откровенно предупреждает об опасности предоставления властных полномочий такому авторитарному лидеру. Отказ многих республиканцев поддержать кандидатуру Трампа (Ромни, Хейли, Болтон, Пенс и др.) убеждает в том, что личность Трампа серьёзно подрывает авторитет партии.

Признавая многие ошибки Трампа и его личные недостатки, Яков Фрейдин всё же предлагает в оценке экс-президента исходить из более важных критериев, ссылаясь на весь опыт мировой истории, когда твёрдые политики не самыми гуманными методами достигали заветных целей.

С этим позвольте не согласиться: идея «цель оправдывает средства» — это удобная демагогия, необходимая для поддержания всех диктаторских и тоталитарных режимов, это ложь, которой нас кормили в Советском Союзе! Весь опыт мировой истории убеждает: плохие дороги «к Храму» не ведут! Но автор продолжает уверять нас, что хорошая цель — это главное: «У Трампа были прекрасные идеи МАГА... Для своих целей он был прекрасным стратегом, однако плохим тактиком». Ну, что же, давайте обратимся к великим идеям и целям, во имя которых следует снова голосовать за Трампа.

Главный принцип идеологии МАГА — «Америка на первом месте» — автор считает спасительным для страны. С таким принципом можно было бы согласиться, если бы под этим лозунгом не скрывалось такое враждебное отношение к союзникам, которые кажутся Трампу страшной обузой для Америки — «никто не хотел раскошелиться на требуемые 2% ВВП на НАТО». А всё потому, что «союзники привыкли жить припеваючи под крылышком Америки». Тут в рассуждениях автора существенная ошибка: неправда, что Европа «наслаждалась мирной жизнью за счёт американских налогоплательщиков», — самой Америке понадобилась помощь союзников по НАТО после 11 сентября, и союзники поддержали Америку в военных действиях в Афганистане и в борьбе с ИГИЛ. Но зачем Трампу помнить о «старой дружбе», когда он готов предать и тех, с кем Штаты совместно действовали буквально накануне. Так он предал курдов, которые выполняли наземные операции по уничтожению ИГИЛ, но по первому требованию Эрдогана Трамп отдал курдов на растерзание турецкому диктатору, бросил американские военные базы, куда сразу же вошли российские войска. Эти действия осудили не только противники, но и ближайшие друзья Трампа.

Идею «изоляции» Америки первым предложил отнюдь не Трамп — но отсидеться в стороне не удалось ни в 1914, ни в 1941 годах. Америка прозрела, но довольно поздно. Может быть, нам стоит прозреть раньше? А чего стоит обещание Трампа в случае «недовыполнения» союзниками 2% расходов на собственные военные расходы призвать Путина «проучить» нерадивых членов военного альянса? Скажете — «пошутил»? Но ведь Трамп ни разу всерьёз не осудил Путина, ни разу не отказался от идеи мирного сотрудничества с преступным путинским режимом. Автор статьи откровенно признаёт, что «существует неясность» в намерениях Трампа относительно российской агрессии.

Скорее всего, статья г-на Фрейдина писалась до позорного поведения республиканского спикера Палаты представителей М. Джонсона, который под давлением Трампа сознательно затягивал решение о помощи Украине, а заодно — Израилю и Тайваню. Не случайно такая политика приводила в ужас европейских партнёров.

Бесспорно, существует серьёзная проблема с охраной южной границы. Но и в этом случае компромисс между демократами и республиканцами был в начале 2024 г. практически достигнут, и снова давление Трампа на республиканцев в Палате представителей заставляет отказаться от принятия законодательного решения об охране границы.

Так почему же после всего, что американцы наблюдали во время и после первой каденции Трампа, они должны снова поверить, что именно ему поручена миссия «спасения Америки»? И кстати — спасения от чего? И вот здесь мы подошли к важнейшему пункту всей статьи: сегодня Америка серьёзно больна не просто «левизной», а «раком левизны»! Позвольте привести ещё одну цитату: «Из-за болезни левизны в стране идёт деградация в самых критических областях: в образовании, науке, промышленном производстве, социальных отношениях, и даже в искусствах. Забыта Первая поправка Конституции — свобода слова, страной правит политкорректность...».

В этих рассуждениях отдельные справедливые замечания переплетаются с совершенно безосновательными обвинениями и преувеличениями. В самом деле: перегибы с политкорректностью есть? — Есть! Недостатки в образовании есть? Есть! Толпы протестующих «леваков» и в университетских кампусах, и на улицах городов есть? — Есть! Есть серьёзные ошибки у демократов? — Есть! Действительно, леворадикальное крыло демократической партии, мне кажется, представляет серьёзную угрозу для развития страны. Умеренные республиканцы, например, Никки Хейли, предлагают кропотливо и терпеливо работать

над исправлением подобных перегибов, называют конкретные пути и методы, но г-н Фрейдин, очевидно, не верит в мирные методы, он призывает к решительным силовым действиям с привлечением армии: «В США существует Акт о Мятеже (The Insurrection Act), принятый ещё в 1792 году, который даёт президенту право использовать внутри страны войска для подавления беспорядков и восстановления законности. Трамп повёл себя нерешительно и не использовал эту законную возможность, опасаясь, что демократы объявят его диктатором».

Вот с мнением о «нерешительности» Трампа позвольте не согласиться. Трамп «решительно» пытался привлечь военных к подавлению мирной демонстрации в Вашингтоне перед Белым Домом — тогда военное командование этому воспротивилось. (Напомним: для поддержания порядка во время мирных демонстраций существует полиция). Впоследствии, во время мятежа 6 января Трампу хватило «решимости» опереться на самые криминальные группировки.

Автор убеждён, что никто из кандидатов на пост президента не обладает такой «аурой вождя»! Мы сомневаемся, что большинству американцев хотелось бы видеть подобного «вождя» в Белом Доме! Америке не нужен «вождь»! Однако подождём начала ноября...

И в заключение — вопрос: почему «власти предержажные» в России так радовались избранию Трампа в 2016 году? Мы помним, как разливал шампанское в своем кабинете ныне покойный Жириновский (кстати, фигура, весьма близкая Трампу по характеру и поведению), как колесила по Москве с американским флагом небезызвестная пропагандистка Маргарита Симоньян и т.п. И не странно ли, что первое интервью западному журналисту после нападения России на Украину Путин согласился дать такому одиозному журналисту, как Такер Карлсон, которого даже протрамповский канал Fox News уволил. Приведенные факты свидетельствуют: Трамп на посту президента предпочтительнее для администрации Путина. Стоит задуматься — нужен ли Америке президент, удобный путинской России?

АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ, ФОЛКСТОУН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ:

Я с глубоким уважением отношусь к обоим авторам — и к Якову Фрейдину, и к Александру Пумпянскому. Увы, в представленных эссе нет места для компромисса, для поиска common ground, общего знаменателя, от которого можно было бы оттолкнуться для начала конструктивного диалога. Это утверждение двух абсолютно, стопроцентно несо-

вместимых позиций. Правда, Яков Фрейдин признаёт отталкивающие свойства Трампа — грубость, хамоватость и глуповатую импульсивность, проявляющуюся в неумных высказываниях и постах, но он тут же оговаривается, что недостатки эти не имеют значения, поскольку всё равно Трампу суждено вернуть страну к традиционным ценностям прошлых десятилетий и веков и стать спасителем Америки от грядущего социализма. Для Александра же Пумпянского именно личные качества Трампа — прежде всего, лживость, нарциссизм и вздорность делают его совершенно непригодным для президентской должности.

В идеале к обоим эссе нужно было бы применить факт-чекинг. Например, Яков Фрейдин пишет: *«Ненавистники Трампа применили в прошлом независимую судебную систему, которую они смогли политизировать. Идут многочисленные судебные тяжбы, цель которых лишить Трампа его финансового благополучия и даже отправить за решётку — что угодно, лишь бы не допустить появления его имени в избирательных бюллетенях и, в крайнем случае, отворотить от него потенциальных сторонников».*

Где доказательства того, что американская судебная система, отличавшаяся независимостью на протяжении всей истории, вдруг её утратила, а Трамп не совершал вменяемых ему преступлений? Если такие доказательства существуют, они не приводятся. Аргумент *is fecit cui prodest* («сделал тот, кому это выгодно») при всей своей эффектности и внешней убедительности, согласно принципам логики никоим образом не является достаточным. Некоторые из вменяемых преступлений кажутся очевидными, но презумпция невиновности требует от нас воздержаться от оценок до вынесения судебного решения. Однако по автору получается, что никаких судов над Трампом вообще не должно быть, раз это может быть выгодно его противникам. Это уже презумпция непогрешимости. Как у папы Римского.

Ещё один пример: *«(при Трампе) США процветали, экономика поднималась, рабочие места увеличивались, доходы росли, фондовая биржа была в отличной форме».* По статистическим данным из серьёзных источников, всё описанное происходит и при Байдене и, возможно, даже в больших масштабах. В чём особая заслуга именно Трампа? Это надо было бы показать.

Не менее уважаемый мной Александр Пумпянский согласен со своим оппонентом в том, что Трамп и трамписты мечтают о возвращении к прежним ценностям. Он пишет: *«Лицом нынешняя Республиканская*

партия повернута в прошлое», но для Пумпянского это безусловный минус, а для Фрейдина — столь же безусловный плюс.

Вот типичный абзац из эссе Пумпянского: *«Важна не победа, важно паблисити — уникальная возможность сверкать в софитах, что горят в тысячу солнц. Беспроигрышная игра. И тут выпадает джекпот. Остановись, мгновение! Этот момент в казино надо зафиксировать. Впервые в истории этой страны, во многих отношениях авангардной, высшую политическую позицию занял человек, для которого существо политики — пустой звук».*

Не хочу в данном случае ни поддерживать, ни опровергать смысл этого абзаца, лишь выскажу мнение, что написано это хлестко, публицистично, талантливо. Но такой стиль, на мой взгляд, не работает. Никого из «другого лагеря» так ни в чём не убедить, наоборот. Написано, чтобы порадовать своих и без того убеждённых единомышленников? Preaching to the converted это называется по-английски.

Пумпянский обильно цитирует непопулярного (ни среди левых, ни среди правых) Джона Болтона, в том числе приводит вот эту его цитату: *«Мне трудно определить какое-либо важное решение Трампа во время моего пребывания в должности, которое не было продиктовано его расчётами на переизбрание».* Но, подождите, разве то же самое нельзя сказать о многих других политических лидерах, если не о большинстве?

Пумпянский обходит стороной деструктивную роль крайне левого фланга Демократической партии. Наверно, требовалось бы показать, какую опасность она представляет для американской демократии в сравнении с правым популизмом трампистов. (Фрейдин, кстати, считает крайне левых и центристов в Демпартии единым целым и главной угрозой будущему страны).

Или вот ещё типичная цитата из эссе Пумпянского: *«Тут его (Трампа) барыжный опыт конвертировался по высшему курсу».* Это не полемика, а оскорбительный стиль.

Вывод: очевидна глубина опаснейшего раскола в Америке в целом. Касается это и русскоязычной иммиграции. С точки зрения редакции журнала ВРЕМЕНА имело смысл показать, как далеко зашло дело, какую опасность раскол влечёт, продемонстрировав в то же время независимость и объективность издания, не уклоняющегося от таких острых, злободневных тем.

Израиль

СТРАШНАЯ СТАТИСТИКА

6 МЕСЯЦЕВ ВОЙНЫ В ЦИФРАХ И ВЫВОДАХ

Вот данные, которые помогут лучше понять, что произошло с израильянами и со страной после 7 октября. Война в секторе Газа продолжается, и, казалось бы, мы знаем о ней всё. Информация поступает непрерывно, в телестудиях без умолку говорят комментаторы, пресс-служба ЦАХАЛа делает заявления, устраивают пресс-конференции политики, ООН переполняет озабоченность, соцсети переполнены картинками с мест. И тем не менее существует сомнение, что даже в Израиле полностью осознают, что происходит на самом деле. Какова это война, какой ценой даётся и насколько серьёзны её последствия.

Этот вакуум создаётся потому, что в Израиле предпочитают обходить «определённые вопросы», ссылаясь на «соображения безопасности», «сложности военного времени», «царство неопределённости» и прочие обстоятельства, которые приводятся каждый раз, когда требуется что-то скрыть. Нередко этот вакуум заполняется информацией из других источников, часто непроверенных, а то и вовсе враждебных. Но именно так оно и случается, когда пытаются работать по лекалам «времен голубиной почты»: в эпоху интернета и соцсетей такое не работает.

Есть, впрочем, объективные факторы, ограничивающие доступ к проверенной информации. Например, у ЦАХАЛа нет возможности проверять, сколько именно террористов было уничтожено. Как нет возможности перепроверять сообщения так называемого «минздрава ХАМАСа», который распространяет информацию о количестве убитых и раненых в Газе.

Все приведённые ниже данные (реальные или оценочные) призваны показать, в какой реальности пребывает Израиль после 7 октября — военной, экономической, социальной, политической и пр. Дан-

ные эти — за полгода, хотя война продолжается уже 9 месяцев. Новые данные поступят позже.

ЗАЛОЖНИКИ И УБИТЫЕ: СТАТИСТИКА ПОТЕРЬ СРЕДИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

- Число убитых 7 октября (без учёта военнослужащих) — **814**
- Число убитых в возрасте до 18 лет — **39**
- Число убитых детей до 5 лет — **5**
- Число захваченных 7 октября — **253**
- Число освобождённых в рамках сделки с ХАМАСом — **109** (в обмен на 240 палестинских заключённых)
- Число освобождённых ЦАХАЛом — **3**
- Число тел заложников, доставленных из Газы — **12**
- Число убитых, чьи тела удерживаются в Газе — **34**

ВОИНЫ: СТАТИСТИКА ПОТЕРЬ ЦАХАЛА

- Общее число потерь за полгода — **604**
- Число потерь с начала наземной операции в Газе — **256** (или 260 с учётом потерь 7 апреля)
- Число убитых в результате «дружественного огня» — **41**
- Общее количество раненых за полгода — **3188** (в том числе 319 — тяжело)
- Количество раненых с начала наземной операции — **1550** (в том числе 318 — тяжело)
- Число раненых, эвакуированных по воздуху, — **950**

СОТРУДНИКИ ПОЛИЦИИ: СТАТИСТИКА ПОТЕРЬ

- Общее число потерь за полгода — **61**
- Погибшие в боях 7 октября — **58**
- Получили ранения за полгода в боевых действиях — **260**

ДАННЫЕ О ПОТЕРЯХ СРЕДИ ПАЛЕСТИНЦЕВ

- Убитые в секторе Газы (данные ХАМАСа) — **33.137**
- Убитые дети (статистика ООН) — **12.500**
- Раненые (данные ХАМАСа) — **75.815**
- Убитые террористы (оценка ЦАХАЛа) — ок. **12.000**
- Перемещённые лица в Газе (данные ООН) — **1.900.000**
- Разрушенных зданий (оценка агентств) — **32.200** (в том числе 190 мечетей)

По данным ЦАХАЛа среди ликвидированных в Газе террористов пятеро находились в звании бригадного генерала и более 20 в звании полковника.

СФЕРА БЕЗОПАСНОСТИ

Впервые за долгие годы Израиль втянут в войну на многих аренах. Наземная операция в Газе идёт параллельно с обстрелами из Ливана, беспорядками в Иудее и Самарии, запусками ракет и БПЛА из Йемена, Сирии и Ирака.

Всё это выявило и проблемы. Во-первых, после фатального провала 7 октября стало понятно, что система «умной обороны», основанной на наземных заграждениях и технических средствах, не работает. Во-вторых, выяснилась нехватка боевой авиации. В-третьих, дефицит личного состава, в том числе связанный с отказом от призыва ортодоксов в армию. В-четвёртых, изменения необходимы в финансировании армии и в системе подготовке личного состава. В-пятых, стала очевидной важность снижения зависимости от оборонных поставок из других стран. В-шестых, необходимость коренных преобразований в разведывательных структурах.

ДАнные О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

- Число ракетных запусков по Израилю — около **12.335**
- Число ракетных запусков из Газы — **9110**
- Число ракетных запусков из Ливана — ок. **3100**
- Число ракетных запусков из Сирии — ок. **35**
- Число ракетных запусков из Ирана — данных нет
- Число перехваченных ракет — данные не публикуются
- Число уничтоженных террористов в Газе (оценка) — ок. **12.000**
- Число уничтоженных террористов в Ливане — ок. **330**
- Число ударов по целям в Газе — ок. **32.000**
- Число ударов по целям в Ливане — ок. **3300**
- Число призванных резервистов ЦАХАЛа — ок. **300.000**
(17% из них — женщины)

ТЕРРОР: ИУДЕЯ И САМАРИЯ

На протяжении шести месяцев ЦАХАЛ ведёт масштабную борьбу с террором в Иудее и Самарии. В ходе рейдов, в том числе на бригадном уровне, уничтожены сотни террористов в Шхеме, Дженине, Калькилии, Хевроне и других населённых пунктах. В ходе операций ЦАХАЛ

нанёс 50 ударов с воздуха, что до войны считалось исключительной практикой.

Органы здравоохранения ПА сообщили о **459** убитых (по данным ЦАХАЛа, ликвидировано **420** террористов). За это время службами безопасности Израиля задержано **3600** палестинцев, из которых **1600** связаны с ХАМАСом.

По данным ЦАХАЛа и полиции, с 7 октября у террористических организаций было изъято 18 миллионов шекелей, предназначавшихся на организацию диверсий.

ЭКОНОМИКА: СИЛЬНЫЙ УДАР И ПРИЗНАКИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Война нанесла серьёзный ущерб экономике Израиля, усугубив процессы, которые наблюдались в предшествующие девять месяцев (на фоне юридической реформы и злоупотреблений с бюджетном). Экстренный призыв сотен тысяч резервистов, эвакуация жителей юга и севера потребовали огромных государственных расходов. Из-за войны закрылись многие предприятия, нанесён значительный удар индустрии туризма, общественного питания и развлечений.

Удар хорошо ощутили в аэропорту Бен-Гурион: с октября по март через него прошло около 38,5 тысяч международных рейсов против около 70 тысяч за соответствующий период в 2022/23 году. По количеству пассажиров разрыв составляет около 4,3 миллиона пассажиров с начала войны по сравнению с примерно 10,1 миллионами в период с октября 2022 года по март 2023 года.

ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ: ОЦЕНКА МИНФИНА, БАНКА ИЗРАИЛЯ, «БИТУАХ ЛЕУМИ», НАЛОГОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Ориентировочная стоимость 6 месяцев войны — ок. **270 млрд.** шек.
- Ориентировочная стоимость 1 дня войны — ок. **250 млн.** шек.
- Ориентировочная стоимость 1 дня войны на пике операции в Газе — ок. **1 млрд.** шек.
- Увеличение оборонного бюджета — ок. **30 млрд.** шек. (общие ассигнования в оборону — 99 млрд. шек.)
- Дефицит бюджета — **6,6%**
- Увеличение госдолга - с **59%** до **62%**

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УЩЕРБ И ВЫПЛАТЫ

- Прямой ущерб от обстрелов из Газы — ок. **1,5 млрд.** шек.

- Косвенные убытки на юге (компенсации предприятиям, упадок туризма, сельского хозяйства и пр.) — ок. **12 млрд.** шек.
- Прямой ущерб от обстрелов из Ливана — ок. **1 млрд.** шек.
- Расходы, связанные с мобилизацией резервистов — ок. **4,2 млрд.** шек.
- Расходы, связанные с лечением и реабилитацией **65.032** граждан, признанных жертвами враждебных действий. До сих пор потрачено на эти цели **1,020 млрд.** шек.
- Первоначальное возмещение расходов гражданам, пострадавшим от враждебных действий — **19,328 млрд.** шек.

Показательна в этом отношении работа аэропорта Бен-Гурион. Если с октября 2023 года по март 2024 года было выполнено 38,500 международных рейсов, что вдвое меньше, чем аналогичный период 2022–2023 годов. По количеству пассажиров разрыв за этот период составляет около 6 млн.

Огромные затраты государства связаны с размещением сотен тысяч эвакуированных в гостиницах.

Израильская экономика, которая и в прошлом умела быстро выходить из кризисов (в том числе и связанным с коронавирусом), и на сей раз продемонстрировала свою устойчивость, уже к началу 2024 года вернувшись в работе практически в полном объёме. Однако цена войны и кредиты, которые пришлось взять государству, будут обременять граждан ещё долгие годы.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ, АЛИЯ

Система здравоохранения, которая годами готовилась к инцидентам с большим количеством пострадавших, оказалась не готова к 7 октября. Сегодня уже абсолютно понятно, что решение направить всех раненых в больницы «Сорока» (Беэр-Шева) и «Барзилай» (Ашкелон) было ошибкой — необходимо было рассредоточить больных по различным медцентрам.

С начала войны медицинская помощь была оказана более **15.000** гражданским лицам и военнослужащим. Это потребовало огромного напряжения всей системы здравоохранения, особенно служб реабилитации. На этом фоне резко увеличилось количество волонтеров, на 41% увеличилось число доноров крови.

Вот ещё некоторые данные, связанные с системой здравоохранения во время войны:

- Число тяжелораненых — **584**
- Число раненых средней тяжести — **1277**
- Число легкораненых — **584**
- Число пострадавших от нервного шока (*харада*) — **679**
- Неустановленные причины — **252**
- Скончались в больницах — **140**
- Количество новых волонтеров МАДА — **2000**

По данным Сохнута и миналии, с 7 октября в Израиль прибыло **12.322** новых репатрианта. В миналии заявили в конце 2023 года о резком всплеске интереса к репатриации в Израиль, но до сих пор какой-либо статистики по этому поводу не публиковалось.

По данным парламентской комиссии по алии, абсорбции и связям с диаспорой с 2023 года в Израиль прибыло **45.533** репатрианта (**76.617** в 2022 году).

Согласно опросам, самым драматическим событием последнего полугодия (за исключением самой трагедии 7 октября) следует считать похищение на территории Израиля 253 человек, более 130 из которых по-прежнему остаются в плену ХАМАСа, а также эвакуацию 250.000 жителей юга и севера, которые были размещены в 438 гостиницах и эвакуационных пунктах.

Война имеет и глубокие социальные последствия — на фоне подрыва базового чувства стабильности и национальной безопасности. Среди наиболее пострадавших — **48.000 детей**, эвакуированных из своих домов на юге и на севере, лишившихся возможности посещать привычные детсады и школы, испытывающих огромные психологические нагрузки.

Опрос показал, как израильтяне оценивают результаты 6 месяцев войны. Согласно исследованию, проведённому социологом Менахемом Лазером и компанией Panels4All по заказу газеты «Маарив», лишь **29% из 528** опрошенных израильтян выразили удовлетворение результатами войны, в то время как **62%** остались недовольными.

Это расхождение в мнениях частично объясняется политическими убеждениями: среди сторонников правительственной коалиции Нетаньяху 61% выразили удовлетворение, в то время как среди оппозиционно настроенных граждан всего лишь 17%.

Однако единство нации по-прежнему остаётся важным ценностным аспектом для израильтян. По опросу, проведённому «Проектом

а-Мадад», 73% респондентов подчеркнули, что единство народа является для них главной ценностью. Однако разница в отношении этой ценности между правыми и левыми группами значительна. Так, абсолютное большинство правых и умеренно правых (84% и 90%) считают единство народа самым важным, в то время как среди левых и умеренно левых этот показатель составляет всего 44% и 42%.

Михаил ДУБИНЯНСКИЙ

ПРЕДЧУВСТВИЕ КАТАКЛИЗМА

Польский премьер-министр Дональд Туск публично заявляет, что Европа вступила в новую эпоху — предвоенную. Поляки активно скупают жильё в Испании на случай возможного российского вторжения. В нынешнем году число таких покупок выросло втрое.

61% опрошенных американцев считают вероятной новую мировую войну в течение следующих пяти-десяти лет. При этом потенциальными союзниками чаще всего называют Великобританию, Украину, Израиль и Францию, а противниками — Россию, Китай, Иран и Северную Корею...

Таковы типичные новости весны 2024 года. Коллективный Запад постепенно привыкает к мысли, что российское вторжение в Украину может оказаться прелюдией к другому, ещё более масштабному военному противостоянию.

С точки зрения украинцев это свидетельствует о долгожданном прозрении западной публики. Неверие Запада в перспективу новой мировой войны уже давно расценивалось у нас как проявление *wishful thinking* (*принятие желаемого за действительное* — УП). Американские и европейские обыватели жили слишком хорошо, не желали прощаться с бытовым комфортом и безопасностью — и потому старались не замечать новую потенциальную угрозу. Безусловно, это так.

Но правда в том, что элемент *wishful thinking* присутствует и в наших собственных рассуждениях о неизбежности Третьей мировой. Множеству украинцев гораздо удобнее думать, что жестокая война на нашей земле — это первый акт глобальной драмы, а не самостоятельная драма, в которой обычным европейцам и американцам отведены безопасные зрительские места.

Ещё прошлым летом публицист Павел Казарин справедливо заметил, что от агрессивных планов Кремля зависит распределение ролей между Украиной и коллективным Западом.

Если после вторжения в Украину планируется наступление на страны НАТО, то западная поддержка Киева — это плата за собственную защиту, и наши партнёры должны благодарить нас. Если же Кремль готов удовлетвориться поглощением Украины и не идти дальше, то западная помощь Киеву становится жестом доброй воли, и за это мы должны благодарить наших партнёров.

Впрочем, речь идёт не только о благодарности, но ещё и о справедливости. Чего греха таить, предчувствие новой мировой войны приносит многим из нас своеобразное моральное удовлетворение. Потому что Третья мировая наверняка затронет всех тех, кто сегодня ведёт себя неэтично по отношению к Украине.

Глобальная война ударит по недалёким обывателям на Западе, которые остаются равнодушными к украинским жертвам и считают, что «не всё так однозначно». Она ударит по трусливым мажорам, которые сбежали из Украины и наслаждаются мирной и комфортной жизнью в Европе. Она ударит по людям, которые открыто торпедируют поддержку Киева: будь то беспринципные американские конгрессмены или эгоистичные польские фермеры.

Новая мировая война — гарантия того, что всем им придётся заплатить за прегрешения против нашей страны.

Соответствующие исторические параллели обнаруживаются без труда.

1936 год. Эфиопский император Хайле Селассие I покидает родину за три дня до захвата своей столицы итальянскими оккупантами. Пытаясь достучаться до мирового сообщества, он выступает в Лиге Наций с речью: *«Я обращаюсь к пятидесяти двум странам, которые обещали оказать эфиопскому народу помощь в отражении агрессии. Что они готовы сделать для Эфиопии? Что они намерены предпринять? Осознают ли они угрозу того, что однажды их может постигнуть судьба Эфиопии?»*.

Эфиопскому лидеру приписывают и другое, ещё более откровенное высказывание: *«То, что происходит у нас сегодня, произойдёт у вас завтра»*. Так или иначе, в своих предостережениях он оказался прав. Уже через несколько лет судьба Аддис-Абебы постигнет Варшаву и Париж, Амстердам и Брюссель, Осло и Копенгаген, Белград и Афины.

Те, кто в 1936-м считал фашистскую агрессию против Эфиопии далёким локальным конфликтом, сами пострадали от вражеской агрес-

сии в 1940-х. Те, кто наблюдал за страданиями эфиопов отстранённо и равнодушно, столкнулись с бомбардировками своих собственных городов. Разве это не подталкивает нас к выводу, что современных западных обывателей ждёт расплата за недостаточную солидарность с Украиной и украинцами?..

Вот только при желании можно привести и совсем другой пример из новейшей истории.

1952 год. Накануне президентских выборов в США республиканец Дуайт Эйзенхауэр обещает прекратить непопулярную войну в Корее. Оппонируя ему, президент Гарри Трумэн выступает с речью:

«Кандидат от Республиканской партии говорит, будто корейский конфликт — это ошибка, которую он сможет быстро исправить. Эти утверждения не соответствуют действительности. Лучшее объяснение того, зачем мы находимся в Корее, дал капитан Джеймс Джабара из Уичиты, штат Канзас, который воюет там в составе наших ВВС.

„Мы сражаемся в Корее, — сказал он, — чтобы нам не пришлось сражаться в Уичите“. Он прав. Мы сражаемся в Корее, чтобы нам не пришлось сражаться в Уичите или в Чикаго, или в Новом Орлеане, или в заливе Сан-Франциско».

Как мы знаем, Эйзенхауэр выиграл президентские выборы. И в 1953 году он действительно заморозил войну, пожертвовав интересами южнокорейских союзников и принудив Сеул к унижительному компромиссу. Американцы перестали сражаться в Корее — но в результате им не пришлось воевать ни в Уичите, ни в Чикаго, ни в Новом Орлеане.

Более того, спустя двадцать лет Соединённые Штаты уйдут из Южного Вьетнама, даже не добившись заморозки военного конфликта, а бросив союзное государство на растерзание агрессивному коммунистическому соседу. Но и после этого американцам не пришлось сражаться с коммунистами на улицах Уичиты или любого другого города США.

Так к какому же историческому прецеденту ближе российская агрессия против Украины? К нападению фашистов на Эфиопию? Или к атакам коммунистов на Южную Корею и Южный Вьетнам?

Сегодня ответов на эти вопросы не знает никто.

Конечно, мы понимаем, что чем большую слабость в Украине проявляет коллективный Запад, тем больше соблазнов возникает у анти-

западных диктатур, и тем более вероятной становится Третья мировая война. Но «более вероятная» не является синонимом «неизбежной».

Сценарий, при котором кремлёвская агрессия разрушает жизнь миллионов украинцев, но почти не отразится на жизни обычного американца, француза, немца и даже поляка, может показаться ужасно несправедливым. Однако из этого не следует, что подобный ход событий полностью исключён.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Дубинянский — украинский историк и политический публицист, многолетний автор крупнейшего интернет-издания «Украинская правда»

Валерий ПЕКАР
ЧЕМ ОПАСНО
ЗАМОРАЖИВАНИЕ ВОЙНЫ

*УКРАИНСКОМУ ОБЩЕСТВУ НУЖЕН ОТКРЫТЫЙ ЧЕСТНЫЙ ДИАЛОГ
ПО ТРЁМ КЛЮЧЕВЫМ ВОПРОСАМ*

Воздухе начинает ощущаться запах сценария замораживания войны. Он всё ещё выглядит неприемлемым для украинского общества и российского руководства. Но он очень нужен Америке и Европе. Он нужен европейской промышленности, чтобы нарастить оборонные возможности. Он нужен европейским лидерам, чтобы подготовить свои общества к переменам. Он нужен Байдену, чтобы выйти на выборы миротворцем. Он нужен Трампу, чтобы критиковать Байдена за несостоятельность и выровнять провал, созданный неудачной межпартийной борьбой. Он нужен всем украинским политикам, чтобы провести выборы и победить (все они надеются на победу).

Но и два главных противника этого сценария не могут похвастаться стойкостью позиции. Украинское общество в целом не примирилось с категорической необходимостью мобилизации. Политики затягивают принятие закона, и мы не видим безумного давления общества с целью ускорить этот процесс. Люди, которые на фронте, не вечны и не железны, но даже голос миллионов их родственников не слышен на фоне единого марашона.

Так же и Путин, хоть и продолжает агрессивную риторику, но посылает достаточно смешанные сигналы. Мы не знаем, что из этого является маскировкой, а что настоящим, потому что мы не знаем реального состояния российской экономики. Мы не знаем, считают ли в Кремле, что время играет на них или же на нас. Мы даже сами не уверены, на кого играет время.

За всем этим стоит Китай. Хотя у него и есть стратегия собственного выигрыша при всех вариантах продолжения или завершения войны,

но мы не знаем, не считает ли он выигрыш от перемирия большим. Очень вероятно, что да, потому что у него экономические проблемы, решению которых война не способствует.

Напомню, что сценарий замораживания войны предусматривает вторую фазу агрессии через 3–5–7 лет после восстановления способности России и изучения ею ошибок первой фазы. Это означает, что разрушительное влияние второй фазы может быть больше. Для этого Россия и Украина должны интенсивно готовиться к этой фазе — Украина с помощью Запада, Россия с помощью Китая. Но успешность украинской подготовки зависит от итогов выборов — победа модернизаторов и ускоренная модернизация армии и государственных институтов способны предотвратить вторую фазу войны, а победа популистов может привести к слабой подготовке и потере украинской государственности, что и является стратегической целью Путина.

Итак, очень вероятно, что в ближайшее время нас с разных сторон будут склонять к замораживанию, примирению, перемирию и т.д.

Это означает, что украинскому обществу срочно требуется открытый честный диалог по трём ключевым вопросам:

1. Приемлемо ли замораживание в условиях, когда, с одной стороны, Украине не хватает оружия, мобилизация тормозит, есть шанс провести выборы, а с другой стороны, Россия нарушит перемирие в любой момент, а в США к власти могут прийти люди, настроенные обезоружить Украину и Европу. Иными словами, на кого работает время — на нас или на врагов.

2. Если ответ на первый вопрос положительный, какие красные линии нельзя переступать при любых условиях? Очевидно, список красных линий включает недопустимость:

— любой «демилитаризации», потому что это приглашение к продолжению агрессии;

— отказа от европейской и евроатлантической интеграции, потому что это означает, что 10 лет прошли бесполезно;

— признания изменения политического статуса оккупированных территорий, потому что это нарушение Конституции.

В то же время на какие-то уступки придётся идти, и нужно долго и качественно проговорить красные линии в обществе.

3. Если ответ на первый вопрос отрицательный, то что мы как общество должны делать, чтобы отказ от переговоров и продолжение войны не превратились в сжигание жизней и, наконец, в поражение, а вели нас к победе.

И начать этот общественный диалог следует с обсуждения того, что такое победа и поражение. Это не один бит информации, не чёрно-белая картинка: между победой и поражением лежит широкий спектр, включающий частичные победы и поражения, непобеды и непоражения. Что означают слова, которые мы ежедневно используем? Все ли слои общества их понимают одинаково? Где граница между приемлемым и неприемлемым?

Вот о чём мы должны говорить в ближайшее время.

ОБ АВТОРЕ

Валерий ПЕКАР, преподаватель Киево-Могилянской бизнес-школы

Михаил ГОНЧАРОВ

СИМБИОЗ, НЕС ПА?

Есть такой славный многими дикостями седой старины городок Рамалла. Когда-то, во времена монгольского нашествия на Святую землю, он даже был столицей местного значения, и в нём располагалась ставка бесшабашных Чингизидов. Волна кочевников, оставляя за собой гарь развалин и скрежет зубовой, прокатилась по Азии и Европе, накрыла Ближний Восток, докатилась до границ страны Аль-Миср, и тут в одночасье разбилась о железных конников великого Бей-Барса, который сам был убийцей не меньшим, чем Тамерлан. Собственно говоря, чтобы остановить девятый вал визжавших на ультразвуковом пределе, вонявших потом пятисот тысяч невымытых от роду бритоголовых башибузуков, нужно было быть подобным им — если не в отношении мытья, то в отношении нравственного кодекса.

Летописи утверждают, что Бей-Барс мылся в прохладе каирских фонтанов ежедневно, но душа его была так же девственно черна, как первобытная душа монгольского воина. Чтобы победить такого противника, нужно опуститься до его уровня, тупой медвежьей хватке противопоставляя волчью хитрость. Бей-Барс разбил монголов и развесил вдоль солончаков Синая тела тех, кого захватил в плен ранеными. Там, где пророк Муса тысячи лет назад, вздыхая, водил по пустыне жестоковыйный народ свой, теперь расположились оригинальные кустарниковые виселицы. Пленные со связанными за спиной руками были распяты на них вниз головами, и петля охватывала не шею, но мужские причиндалы. Так и висели, подпрыгивая — день, два, три. А потом великий Бей забыл о них.

Пронеслись громоблещущие, воняющие заскоружлым потом и кровью столетия, ушли монголы, но стоит город Рамалла. Под городом есть деревня, и в ней живёт шейх, один из потомков Пророка, носящий зелёную чалму выпускника медресе и паломника к Чёрному камню. Его зовут Омар Абдурахман. Я зову его Хоттабыч. Он мой знакомый, и на

кличку отзывается довольно охотно. Для него ибн Хоттаб — не персонаж детской книжки советского писателя Лагина, но великий полководец, чьим именем названа площадь в Старом городе, у Яффских ворот. Он позволяет мне называть его так. Он, перед которым кланяются односельчане и буйные жители Рамаллы, снисходит до меня.

Он — грузчик, строительный рабочий и мастер на все руки.

Пятнадцать лет назад жильцы нашего дома повесили объявление о конкурсе на лучший косметический ремонт подъезда. Первым пришёл Хоттабыч с тремя мрачными рабочими-односельчанами. Рабочие не поднимали глаз на жильцов и выполняли любое указание шейха, произнесённое шёпотом. Я вышел посмотреть на них. Меня поразило сочетание чистейшей, свежевыглаженной зелёной чалмы, аккуратно подстриженной бороды и грязной, рваной, заношенной до дыр спецовки. Хоттабыч договорился о деньгах с Советом дома и, посвистывая, уселся на солнцепёке. Рабочие забегали. Кто-то из жильцов выразил неудовольствие в том смысле, что вот наняли четверых, а работают вот лишь трое.

— О, господин мой иудей, — насмешливо отозвался Хоттабыч, — мне не положено работать наравне с ними, мне положено руководить ими.

— Почему это? — раздражённо спросил жилец.

— Потому что ты из Европы и ничего не понимаешь, — улыбнулся Хоттабыч, безошибочно распознав в речи жильца французский акцент, — не то ты не задавал бы идиотских вопросов.

— Наглец, — повысил голос жилец и, сжав кулаки, приблизился к безмятежно взиравшему на него шейху. — Вставай и иди сейчас же работать.

Рабочие остановились. Не поднимая глаз, они подошли к разговаривавшим и окружили их. Хоттабыч улыбался. Я понял, что по первому же его сигналу они бросятся на неразумного француза.

— О, господин мой Ходжа из рода Пророка, — поспешно сказал я, — не желаете ли выпить чашечку кофе?

Он перевёл взгляд на меня и ещё шире раздвинул рот в усмешке:

— Кофе — да, но не те турецкие помои, что вы тут пьёте. Впрочем, важно уважение как таковое; поживёшь с неверными — научишься пить всякую гадость; так и быть — тащи сюда свои помои.

— Каков наглец, — возмутился француз, но я уже оттаскивал его на безопасное расстояние.

— Шарль, не нужно повышать на него голос, — сказал я, — так здесь не принято, ты пять лет живёшь здесь, а ничего до сих пор не понял.

— Вот ещё! И почему это?! — раздражённо сказал Шарль.

Атеистический потомок раввинского рода из Страсбурга желал вести себя в соответствии с европейскими стандартами и упрямо отказывался овладевать нюансами ближневосточной ментальности.

— Потому что этот араб — из рода прямых потомков Магомета, что само по себе ставит его в глазах единоверцев на недосягаемую высоту, — проникновенно сказал я. — Вдобавок он совершил хадж и видел Каабу.

— Ну и что, — сказал, злясь, потомок раввинов, — я тоже видел Эйфелеву башню, а почему он не работает? Завтра он ткнёт мне в спину ножом, а я должен буду отнестись к этому с пониманием?

— Если он попытается ткнуть тебя ножом, то ты можешь застрелить его, и никто, кстати, не будет в претензии, ибо он в таком случае погибнет в бою с неверными, это большой почёт; но если мы наняли его работать, то пусть работает так, как ему самому удобно.

— О да, — отозвался вдруг с солнцепёка шейх, — мы тут пока что вынуждены проживать вместе, так что нужно играть по правилам, по местным правилам, ведь это вы сюда к нам приехали, а не мы к вам, нес па?.. Назовём это симбиозом.

Моя жена вынесла ему чашку кофе на медном подносе, когда-то купленном по случаю на арабском базаре. Шейх принял чашку, не глядя на женщину, и лучезарно улыбнулся в пространство — никому и каждому. Напряжение во дворе спало. Рабочие застучали молотками.

Ремонт был закончен в срок, Ходжа из рода Пророка получил деньги, распределил их между помощниками и убыл к себе в Рамаллу. Изредка мы встречаемся на городских улицах. Когда при встрече у меня на голове есть шляпа, я приподнимаю её, а Хоттабыч важно кивает, прикасается к чалме и оглаживает руками бороду. Когда он оглаживает её, я чувствую, что моя борода чешется, и отчаянно терблю её. Он улыбается.

Три дня назад я подъехал на автобусе к остановке в центре города; выходя из салона, я увидел небольшую толпу. В центре толпы, рядом с допотопной «Субару», находились трое полицейских и знакомая зелёная чалма. Полицейские махали руками, шейх шурился и задумчиво смотрел в высокое небо. Его задержали за превышение скорости и пытались установить личность. Среди зрителей раздавались экспрессивные выкрики.

Я влез в толпу и сказал:

— Салам алейкум, Омарчик, а я его знаю, он делал нам ремонт, не орите на него.

— Ты его знаешь? — обрадовался толстый полицейский. — И таки что ты можешь сказать за него?

— Я могу за него сказать, что он таки хорошо сделал нам ремонт, — сказал я.

Раздалось бибиканье переговорного устройства, полицейский выслушал сообщение и во всеуслышанье объявил, важно подняв толстый палец:

— Вот что! Этот Омар Абдурахман — глава и прародитель знаменитого клана автомобильных воров и домушников из Рамаллы, вот он кто! Хоттабыч ласково улыбался.

— А сейчас он тоже чего-нибудь украл? — спросил я.

— К сожалению, нет, — вздохнул полицейский, — эта машина — его. Так, значит, ты его знаешь?

— Знаю, знаю, — покивал я.

— Так ты за него поручишься? — настаивал полицейский.

— Вот ещё, — возмутился я, — я просто говорю, что он хорошо делает ремонты.

— В общем, сегодня не за что его задерживать, — вздохнул полицейский, — придётся отпустить этого бородатого бандита, тем более что ты его знаешь. Бандит, иди!

Хоттабыч подмигнул мне, сел в автомобиль и завёл мотор. Машина затряслась и задрезбуждала. Он высунулся из-за руля:

— Давай подвезу тебя?

— Давай, — я сел рядом с ним. — Э-э-э, Хоттабыч, ты что, действительно это самое... ты глава клана этих...?

— Я глава всеми уважаемого клана потомков Мухаммада, а мой отец ещё более уважаем, — веско ответил он, и у меня пропало желание задавать вопросы. Некоторое время мы ехали — молча.

— Как поживает ваш глупый француз? — спросил он, и в глазах у него заиграли чёртики. — Надо же, какие глупые иудеи встречаются, я в жизни бы не поверил. Но нужно играть по правилам, раз уж приходится до поры жить всем вместе. Симбиоз, а?..

Я мрачно посмотрел на него.

— Почему — до поры?

— Потому что всё равно мы вас отсюда выкинем, — охотно объяснил он. — Мы просто не торопимся, время для нас не играет особой роли. Мы выкинем тех, кто останется в живых, но, на мой взгляд, в живых оста-

нутя немногие. А скорее, с теми, кто останется, мы сделаем, иншалла, то, что Бей-Барс аль-Мелик сделал с монголами. Вообще, — вы такие шумные, всё руками машете, думаете, что это поможет. А нас страшно раздражает этот шум, понимаешь? Меня вот раздражает. Нес па?

— Я не из Франции, — сказал я ему раздражённо, — что ты мне по-французски говоришь всё?

— А я и на идише могу, — охотно сказал он, — мой папа знает четыре языка, а дедушка вообще знал восемь, даже турецкий. Хочешь, скажу на идише, как будет «чтоб вы все сдохли»?

Мне не хотелось слушать, как будет на идише «чтоб вы все сдохли», тем более, как это будет на идише, я знаю и сам.

— Знаешь что, — сказал я, — выпусти меня из машины, я и сам до дому как-нибудь доберусь.

— Ты не обижайся, — сказал он, и лучистые глаза его засияли. — Вы отчего-то всегда обижаетесь, когда вам говорят правду. Жалко тебя, ты, Муса, хороший человек, и такая жалость, что тебе придётся погибнуть, но такова се ля ви, как говорит ваш глупый француз; но пока мы всё же живём бок о бок, нужно соблюдать правила игры, это симбиоз такой, нес па?

Я плюнул.

— Не плюй, это всё ваше дурное воспитание, — ласково сказал он, вздев палец, — нельзя плевать в присутствии старшего, хотя что можно требовать от человека, учившегося в Европе?.. В общем, симбиоз, договорились? Сегодня ты мне помог, завтра я тебе, может, помогу. Пока приходится жить рядом — ну, ты понял. Когда вас будут резать, я не обещаю, конечно, что буду прятать твою семью, как прятал чью-то семью мой дедушка в Хевроне, но по мелочи отчего бы нам не оказывать услуги друг другу, нес па?..

— Твой дед прятал в Хевроне семью? — удивлённо протянул я. — Когда? В двадцать девятом, что ли? Там, по архивным данным, был один-единственный араб, который спрятал у себя несколько человек, и только они и выжили...

— Ну, правильно, — рассудительно ответил он, — все знали, что они у него в доме, но никто ведь к нему в дом ворваться не осмелился бы. Кто осмелится войти без приглашения в дом семьи потомков Пророка, нес па?

— Хм, — пробормотал я, — так твой дед — один из праведников народов мира, как это мы называем... А его наградили потом, какое-нибудь удостоверение дали?

— Вот ещё, — засмеялся Хоттабыч. — Не хватает только, чтобы потомок великого Мухаммада нуждался в какой-либо награде строптивых потомков пророка Мусы. В гробу он ваши награды видел. Так вот, я тебе говорю: когда твою семью будут резать, я не обещаю, что буду вести себя, как мой дед. Но по мелочи... Симбиоз, ты понял, да? Обращайся, если что.

— Надеюсь, не придётся, — буркнул я.

Он пожал плечами.

Он аккуратно подвёл машину к перекрёстку Неве-Яаков, последнего городского района перед территорией, подотчётной палестинской администрации. Я вылез из машины. Бибикнув, он взял с места в карьер и понёсся к пропускному пункту, где стояли нахохлившиеся солдаты с изготовленными к боевой стрельбе автоматами.

За ближними холмами виднелись купола минаретов. Там была Рамалла, там творили вечерний намаз. Смеркалось. От куполов к низкому горизонту у Мёртвого моря протянулись дрожащие золотые нити. Всё было, как тысячу лет назад. Потирая бороду и шевеля губами, мысленно продолжая диалог с шейхом, я прошёл по району под высокоголосое пение муэдзинов, зашёл в парадное и поднялся на четвёртый этаж. Мои домашние ещё днём ушли на выступление Радзинского, приехавшего из России с говорильным туром, и я предвкушал одинокий вечер отдыха. Доставая ключи, я по привычке толкнул дверь. Она была не заперта и открылась бесшумно.

Я замер перед входом, потом вбежал внутрь. Дверь звякнула, на каменный пол упал вырванный с мясом замок. Крадучись, я пошёл на кухню и взял самый большой нож. Это был кривой, великолепно заточенный нож из дамасской стали, когда-то купленный на арабском базаре в Старом городе в подарок одной моей читательнице из Питера. Продавец с роскошными усами, передавая мне его, пошутил, сказав, что этот благородный клинок предназначен специально для резни неверных. Впоследствии выяснилось, что нож не пропустят на таможне как разновидность холодного оружия, и он остался в нашем хозяйстве. Моя жена использует его для резки мяса на шашлык.

Я обошёл квартиру с дамасским клинком в левой руке. Лунный свет блестел на нём, как соль на топоре. В квартире не было посторонних. Я постоял в нерешительности, крутя головой. Полки серванта в салоне, где хранились деньги и серебряные ложечки, были выдвинуты настежь, но не это привлекло моё внимание. Внезапно меня обуяла

ужасная мысль — где мои рукописи?! Инстинктивно я кинулся к окну. Вероятно, я ожидал увидеть вора, удирающего по улице с охапкой моих рукописей, но на улице никого не было видно. Я бросился в кабинет. Рукописи спокойно лежали там, где я их держал. Я облегчённо перевёл дух и пошёл звонить в полицию.

— Сколько украли? — буднично спросил меня дежурный, сдерживая зевок.

— Все деньги, отложенные на поездку в Чикаго, — сказал я.

— Билеты на самолёт тоже украли? — поинтересовался дежурный.

— Не, билеты на месте, — сказал я. — Ещё украли серебряные ложечки...

— Замок выломали или он на месте? — поинтересовались на том конце провода.

— Выломали, — дивясь такой прозорливости, ответил я, — вот он валяется...

— Э-э-э, — сказали мне, — так это банда Шейха орудует, это уже четвёртый вызов за сегодня, это бесполезно. Мы присылать никого не будем, если хочешь — сам приходи и напиши заявление, но я тебе честно говорю — безнадёжно. Через полчаса после грабежа все деньги и ценности уже в Рамалле, а туда нам теперь доступа нет, сам знаешь.

— Боже, что скажет жена?! — простонал я, но на том конце провода уже положили трубку.

— Сука Хоттабыч, — пробормотал я. Побродил по квартире, потом нашёл записную книжку и, путаясь в кнопках, позвонил на мобильник. «Мархаба», — сказал по-арабски автоответчик приятным женским голосом.

— Дайте мне Шейха, — заорал я, — дайте мне этого Ходжу...

В трубке заверещало.

— Симбиоз, да?! — закричал я.

— Кто это? — удивлённо спросил далёкий голос.

— Муса это, Муса! Это я! А это ты? Омар Абдурахман, ты это?

— Что случилось, Муса? — с неудовольствием спросил Хоттабыч. — Ты немного неудачно позвонил, я тут деньги считаю. Не мог бы ты позвонить завтра утром, а?

— Завтра утром будет поздно, — завопил я, — твои абреки меня ограбили! Это твои абреки, я знаю! Симбиоз, бляяя!.. Нес па?

— Когда? — быстро спросил он.

— Откуда я знаю, — закричал я, — ты же меня высадил из машины всего час назад; но не раньше, чем четыре часа назад, мои родичи как раз четыре часа назад ушли на концерт...

— Гхм, — ответил он глубокомысленно. — Номер квартиры твоей напомни?

— Шестнадцатая, — буркнул я октавой ниже.

Он помолчал. В трубке раздавались далёкие, воркующие, басовитые голоса на арабском. Было ощущение, что кто-то кого-то о чём-то спрашивает. Среди потока незнакомой речи промелькнули два знакомых выражения: «иудей» и «сын смерти». Я обречённо ждал, прилипнув к трубке.

— В полицию звонил? — поинтересовался он наконец.

— Звонил. Они сказали, что бесполезно...

Он засмеялся.

— Они совершенно правы. Конечно, бесполезно... В общем, иди погуляй полчаса.

— Куда погуляй?! У меня только для прогулок настроение... жена придёт скоро, представляю, что с ней будет.

— Когда придёт?.. А ты прикажи ей, если придёт, чтобы не заходила в квартиру с полчаса.

— Зачем? — тупо спросил я. — И я не могу ей приказывать... У нас это не принято.

Он захохотал.

— Ну, скажи ей, что её ждёт сюрприз. Женщины любят сюрпризы, нес па? В общем, идите погуляйте полчаса. Привет.

— Симбиоз, бляяя! — завопил я в последнем приступе отчаяния. — Ворюги!..

Но он уже повесил трубку.

Родственники явились через сорок минут, удовлетворённые выступлением интеллигентного человека, приехавшего из Москвы, чтобы поделиться с ними своими соображениями обо всём на свете. Встречая жену и тестя, я с тоской думал о том, как преподнести им «сюрприз».

Обречённо я поднялся впереди них на четвёртый этаж...

Дверь была заперта. Виднелся новенький замок, врезанный так аккуратно, как никогда не смог бы врезать его ни один мой знакомый слесарь. Ключ подошёл к замку с первого оборота. Никто, кроме меня, ничего не заметил. Войдя в квартиру, я бросился к серванту. Все пол-

ки его были аккуратно задвинуты. На средней полке, именно там, где хранились доллары на поездку в Чикаго, лежала перевязанная бечёвкой пачка, несколько более толстая, чем та, что хранилась там раньше. Я торопливо развернул её. На мой взгляд, в пачке находилось долларов на двести больше, чем положено. Снизу лежала записка, коряво, с орфографическими ошибками написанная на мешанине иврита, французского и идиша:

«Муса, это тебе на лишнее беспокойство. Ошибка вышла, но я не извиняюсь. Больше не повторится, иншалла. В полицию больше никогда не звони. Жене ничего не рассказывай, ибо, как говорится в Талмуде: „аль тарбе сиха им а-иша“ — „не умножай разговоров с женой“. Когда украдут машину, сразу звони мне. Записку порви и выкини. Пока живём рядом, нужно играть по правилам. Симбиоз, нес па?»

ОБ АВТОРЕ

Моше (Михаил Маркович) Гончарок (род. 2 сентября 1962, Ленинград) — историк, публицист и прозаик. Закончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена.

С 1990 г. проживает в Израиле. Научный сотрудник Центрального архива истории сионизма (Central Zionist Archives), Иерусалим. Специалист в области истории еврейского анархистского движения (т.н. идиш-анархизм). Автор трёх монографий (на русском языке) и брошюры (на идиш) по этой тематике, многочисленных публикаций в академических изданиях и статей в прессе Израиля, России, США. Автор нашего журнала.

Андрей ОРЕДЕЖ

ОШИБОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

Иван Фёдорович не был охотником. Не то, чтобы он любил или жалел зверей. Они были ему безразличны. Звери жили где-то там в лесу, своей жизнью, а он в Питере, своей.

Он ни разу не был на охоте, не имел знакомых охотников, никогда не стрелял из ружья, кроме как из пневматички в тире. Но ружьишко у него было. Хорошая горизонтальная двустволка тульского завода. С инкрустацией, красивым литым рычажком, с прикладом и цевьём из тёмного, лакированного дерева.

Ружьё досталось ему от деда и много, много лет пролежало на антресоли, завёрнутое в старый холщовый мешок.

Но жизнь шла, времена в стране менялись. Иван невольно всё чаще стал представлять, как его вдруг вызовут в полицию и спросят: «А нет ли, Иван Фёдорович, у вас дома оружия?» Что ответить?

А если с обыском придут и ружьё незарегистрированное обнаружат, так ведь и в терроризме могут обвинить.

Конечно, это маловероятно, с чего ему обыска бояться, если он простой работяга, но одна мысль не давала покоя. Однажды, по пьянке, показал он ружьё соседу Гришке. Да и ляпнул, доверительно, что оно не зарегистрировано, а спустя примерно полгода, как назло, переругались они с ним.

Всё началось из-за собачонки Гришкиной. Она жену Ивана Фёдоровича, Валентину укусила, прямо на лестнице. За ногу тыпнула ни с того ни с сего. Хорошо, не до крови, но колготки порвала. У этих маленьких собачек зубки остренькие.

Зачем только Гришкина жена завела такую тварь. И выгуливает ведь её не сама, а Гришку заставляет. Ему, дескать, двигаться полезно.

Кто бы такое стал терпеть, чтобы твою жену собаки кусали. Ясное дело, никто, и Иван Фёдорович не стерпел. Высказал Гришке всё, что

о нём думает. Хотел было даже врезать своим коронным слева, но Гришка тоже здоровый малый, поэтому ограничились матом и полным разрывом добрососедских отношений.

Но если теперь этот Гришка вспомнит про ружьё да настучит на него куда следует, то в нынешние времена запросто могут с обыском-то и нагрязнуть. Двадцать второй год на дворе.

В районной разрешительной системе, где ружья регистрируют, народу тьма, но до того, чтобы туда на приём прийти, оказывается, нужно ещё кучу бумаг собрать. От нарколога две справки, от психиатра, от участкового, да ещё и курс лекций каких-то прослушать по стрельбе.

Выписал Иван адреса всех учреждений, откуда справки нужны и решил начать с психдиспансера. К наркологу лучше завтра, потому как вчера маленько тяпнули на пару с женой, вдруг нарколог унюхает. Праздник ведь вчера был, день святого Валентина. Жену Валентиной зовут, поэтому они всегда этот день празднуют, уже много лет.

На первом этаже психдиспансера, отсидев часик в очереди, Иван зашёл в кабинет, надеясь, что ему тут же выдадут справку в том, что он на учёте в этом учреждении не состоит.

Но в кабинете строгая девица лишь распечатала несколько листов, испещрённых мелким шрифтом, попросила Ивана расписаться на некоторых из них и направила в кассу.

— Так это платно, что ли? — удивился Иван.

— Это платная услуга.

— Блин, — ругнулся Иван и направился в кассу.

Оттуда, держа в руке выданные ему бумаги, он отправился на четвёртый этаж к кабинету, перед которым стояло человек пять, виденных им раньше. Посетители, что были перед ним на первом этаже, перетекли сюда. Дождавшись своей очереди и зайдя в кабинет, Иван увидел кресло как у зубного, рядом с ним большой прибор, от которого отходит с десятков разноцветных проводков.

Две женщины в медицинских масках и в белых халатах усадили его в кресло, и тут же одна начала прилеплять к его голове датчики, другая уселась за компьютер.

— Что это? — спросил Иван Фёдорович.

— Не волнуйтесь, мужчина. Сделаем электроэнцефалограмму. Положено так.

Через пять минут дамы сообщили, что с ним всё в порядке, и он отправился к соседнему кабинету.

Иван зашёл к доктору, положил ему на стол бумаги и результат электроэнцефалограммы.

Доктор молодой, стройный, тридцати лет. На вид добродушный и располагающий к себе. Белый халат, медицинская маска. Придвинув его документы, сразу взял ручку и начал что-то писать.

- Здравствуйте, что у вас?
 - Справочку на оружие надо.
 - Оружие? Хорошо. Что за оружие?
 - Ружьё охотничье.
 - Ага, так вы охотник?
 - Да нет, просто ружьё храню. Мало ли что, пригодится.
- Доктор взглянул на него.
- Вам кто-то угрожает?

Иван невольно рассмеялся. Ну и вопросы этот доктор задаёт. Ну для чего люди ружья держат, ну не из-за того же, что им угрожают. Вот государство, к примеру, армию содержит, ведь не из-за того, что ему кто-то угрожает, а просто, для солидности. Прикальвается, видно, доктор.

— Угрожают конечно, — выпалил, улыбаясь, Иван Фёдорович, — обстановка вон какая, внутривластная, внешнеполитическая. Того и гляди...

- Того и гляди, что?
- Как что? Того и гляди, нападут.
- Кто нападёт-то?
- Ну как? Врагов полно. Эти вон, в первую очередь, хохлы.
- Хохлы? Кто это? Украинцы, я так полагаю?
- Ну конечно, они вон Донбасс хотят у нас отнять и за Крым злятся.

Они там все фашисты.

— Ну вы живёте, — доктор взглянул на документы, — в Санкт-Петербурге. Что же, вы полагаете, что на нас могут напасть украинцы и вы в Петербурге будете от них отстреливаться из охотничьего ружья?

Даже под медицинской маской было видно, что доктор слегка улыбается, поглядывая на Ивана. Остроумный. Вот что значит, интеллигентный человек. Поговорить приятно. Не то, что коллеги на заводе или Валька. Она, конечно, хорошая женщина, но с общением у неё тяжело. Телек только и смотрит. Сын Вадька, тот в компьютере все вечера. С ним и не пошутишь, и серьёзно не поговоришь. Что у него в голове, вообще никто не знает.

— Конечно, доктор. Так не только они. Хохлы только начнут. И тут же все полезут. Все, кто против нас. С севера финны ударят со шведа-

ми. Прибалтика тут же вступит. Ракеты натовские полетят. А ещё ведь сколько внутренних врагов: нетрадиционные гомосексуалы всякие, навалынные, правозащитники. Вся эта шваль тут же голову поднимет. Все же хотят матушку-Россию на кусочки разорвать и поиметь. Всем наши богатства нужны. Нефть бесплатная, газ, золото-алмазы. А за всеми этими врагами, конечно же, Америка стоит.

Доктор продолжал слегка улыбаться, время от времени что-то записывая.

— И вы от всех будете обороняться?

— Ну не я один, конечно, армия и флот. Но и мы, простые русские мужики с ружьишками да с топорами. Каждый на своём месте, так сказать. Пятую колонну будем истреблять, предателей всяких искать.

— Это кого, например? Как вы определите, кто предатель?

— Да это запросто. Вон, хоть сосед мой, Гришка. Он извращенец. Я к нему к первому приду, яйца ему отстрелить.

— А почему вы решили, что он извращенец?

— А кто ещё заведёт такую вот малюсенькую собачку, — Иван раздвинул ладони сантиметров на тридцать, словно рыбак, показывающий размер пойманной рыбы, — разве нормальный мужик, заведёт? Ну завёл бы овчарку или ротвейлера, это я понимаю, а это — тьфу.

— Послушайте, — доктор снова взглянул на бумаги, потом поднял глаза, — Иван Фёдорович, на дворе двадцать первый век. Неужели вы думаете, что в наше время возможно такое безумие, как война, нападение одних цивилизованных стран на другие. Простите, конечно, но среди мировых лидеров нет сумасшедших, чтобы сейчас в две тысячи двадцать втором году развязать войну. Сейчас весь мир давно уже живёт другими категориями...

— Другими!? — Иван сорвал с себя свою медицинскую маску и помахал ею в воздухе. — А это вон чего! В двадцать первом веке чего придумали, из обычного гриппа эпидемию мировую сделали. А всё, кто?

— И кто?

— Мировая закулиса и их прихвостни. И не где-то там в Китае, а именно в Киеве это всё и создали. В лабораториях. По телевизору дядька выступал, не помню кто, так говорит, что на Украине ковида вообще нет. Потому что этот вирус, он только славян поражает. А то, свалили всё на Китай. Китай нам друг. На него надежды большие. И ему сильная Россия тоже нужна, как союзник, он бы на нас вирус не напустил.

Доктор удивлённо покачал головой и продолжил что-то писать.

Иван взглянул, что он там пишет. На справку было не похоже. Это был рецепт.

Доктор протянул ему рецепт и все его бумаги.

— Иван Фёдорович, купите вот этот препарат, он хороший, пейте перед сном каждый день, не смотрите телевизор, гуляйте больше. И с соседом помириться.

— А справка? — спросил тот.

— Сегодня я вам её не дам. Вы агрессивны очень и живёте в мире каких-то выдуманных страхов. В мире искажённой действительности. В таком состоянии оружием владеть нельзя...

— Как? Я же заплатил тысячу восемьсот!

— Вы заплатили за приём врача, а не купили справку. Придёте ко мне через месяц, бесплатно и без очереди. Я вас запомню. Снова побеседуем и, если уровень агрессии снизится, получите вашу справку.

В глазах у Ивана встала белая пелена. Он резко поднялся. Доктор тоже, но от коронного удара слева не увернулся.

В носу что-то хрустнуло, в глазах брызнули звёзды, но всё-таки доктор, перед тем как упасть, успел нажать кнопку вызова охраны, под столешницей.

«Лишь бы она сработала», — промелькнуло в его голове.

К своему облегчению, доктор увидел, что посетитель не стал его добивать, а открыв свою сумку, лихорадочно принялся сгребать со стола все бумаги без разбору, прихватив заодно и печать доктора.

Иван выскочил из кабинета, промчался мимо отпрянувшей очереди, пробежал по коридору, затем бросился по лестнице вниз.

«Все же будут теперь против меня. Весь мир! Даже Валька и Вадька! Проклятье! Менты искать будут! А за что? За правду? Надо уезжать, срочно! В Псковскую, в дедов дом, там не найдут!»

Охранники попытались остановить его в холле первого этажа, на выходе из диспансера. Один из них тут же познакомился с коронным левым. Другой — с ударом ногой в пах.

— Суки! — орал Иван. — Я просто за справкой пришёл! Я, блин, заплатил!

Подошли двое крепких парней в коротких зелёных халатах и набросились на Ивана сзади. Им удалось повалить его на ступени лестницы, крепко схватить и завернуть за спину руки.

Откуда-то возникла медсестра и ловко приложила к лицу Ивана мокрую марлю. Иван Фёдорович почувствовал показавшийся знакомым запах какого-то лекарства. Что это? Кажется, так пахла какая-то

настойка, которую он очень давно пил. Веки отяжелели, глаза закрывались, а телом овладевала слабость.

Доктор, с измазанным кровью лицом и с забрызганным красными каплями халатом, вбежал в холл. Пропитанной кровью медицинской маской он зажимал разбитый нос.

Медсестра вопросительно посмотрела на него.

— Оформляйте, оформляйте! — хрипло выкрикнул психиатр. Каждый звук отдавался болью в его голове.

Санитары, подхватив под руки вялого и почти засыпающего Ивана Фёдоровича, потащили его по коридору.

Незадачливые охранники отряхивали свои чёрные формы и ругались сквозь зубы.

Доктор, ловя удивлённые взгляды посетителей, поспешил в комнату отдыха для персонала. Засунув в ноздри тампоны с перекисью водорода, посидел минут пять на диване, потом, когда кровотечение остановилось, умылся. Поменяв халат и почувствовав, что, кажется, берёт себя в руки, вышел на улицу.

Из-под подтаявшего снега уже начинало пахнуть весной. Доктор глубоко дышал, стараясь окончательно успокоиться.

Стоял февральский день две тысячи двадцать второго года.

Мимо диспансера люди спешили по своим делам. Проезжали машины. По железной дороге, тянувшейся вдоль улицы, на которой находился диспансер, пронёсся бело-красный скоростной поезд на Хельсинки.

«И ведь найдётся же, среди миллионов людей, один такой вот», — думал доктор. — «А не начни мы с ним весь этот разговор, подойдя формально, я выдал бы ему справку. Оказалось же, налицо, сильное импульсивное расстройство личности, невроз, возможно и шизофрения».

Доктор ещё раз глубоко вздохнул. Пора было возвращаться в диспансер и продолжать приём посетителей.

Он шёл по коридорам с гордо поднятой головой.

Появилось чувство удовлетворения от собственного профессионализма, от того, что он увидел то, чего не заметит никакая электроэнцефалограмма.

Осознание того, как важна его работа, как важно не поставить ошибочный диагноз, когда он пишет в справках: «Психически здоров, противопоказаний нет».

ОБ АВТОРЕ

Андрей Оредеж родился в 1972 г. в Ленинграде. Ижорец (ингерманландский финн. Ижорцы — прибалтийско-финский народ на Северо-Западе России). По образованию экономист. Сменил много профессий. Первый рассказ написал в 9 лет. Печатался в различных изданиях. Выпустил две книги прозы.

Живёт в Финляндии (г. Лахти).

Виктор ФЕТ
ТУННЕЛЬ В КОНЦЕ СВЕТА

Боль

Сосуды мозга заполняет боль;
мои слова текут по ним ночами,
твердя свою заученную роль,
к решётке разума прижав лицо,
нащупывая ржавое кольцо
с разрозненными старыми ключами.

Нет больше рифм на «ищем» и «обращем»,
мы все живём в продлённом настоящем,
не стало грамматических времён,
страницы словарей уходят прочь,
и я опять проваливаюсь в сон,
где прошлое не сможет мне помочь.

Когда-нибудь мой онемевший ум
сумеет заглянуть в те зеркала,
куда смотрелись Крит или Фаюм,
чья боль ещё не полностью ушла,
и этот взгляд, коснувшись ткани дней
не умерших, соединится с ней.

И на своей тропе, ведущей сквозь
болото лет, где нам идти пришлось,
я оставляю тление свечи,
снимающее боль к исходу дня,
тем, кто сюда придёт после меня
и подберёт упавшие ключи.

Логос

Здесь, в середине языка,
в его иссохшей сердцевине,
слова, испачканные в глине,
но различимые пока,
висят на кончике пера;
в мой микроскоп они видны
на фоне огненной страны,
как вспышки в угольях костра.

И вихрь, спустившийся с высот,
их поднимает и несёт;
уже за обожжённым краем
видны осколки наших фраз
в одностороннее стекло;
там время наблюдает нас:
мы знаем, что оно прошло —
но только думаем, что знаем.

Слова кружатся надо мною;
я вижу: каждую весною
они встают из листьев прелых,
звенят в ушах и застыт взгляд,
как много лет тому назад,
где открывался океан,
холодным солнцем осиян
в тех снах, на тех обрывах белых.

Там бродит Логос, не покорный
ни времени, ни нашим снам,
перебираясь по камням,
храня волшебных звуков строй,
читая свой сценарий скрытный,
следуя за стрелкою магнитной,
остатки слов роняя в чёрный
песок под огненной горой.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ

Я со стола сметаю скопом
остатки мелкой шелухи
тех слов, что не вошли в стихи
и не хотят назваться прозой;
они стеклянную занозой
сидят в мозгу, под микроскопом
сознания туда-сюда
снуют, как мелкие стада
необозримых инфузорий,
рифмуясь с пустотой историй.

Листы исписанной бумаги
мною водружаются, как флаги,
всплывая в будущих веках
на новых Керкирах и Критах,
ещё, возможно, не открытых:
их нету в поисковиках,
но под стеклом они уже
понятны и освещены
лучами солнца в витраже
ещё невидимой страны.

Там жизнь вскрывается иная,
и вечность движется цветная
по обе стороны стекла;
из слов рождаются дела,
и в радужном потоке веры
слова, подобные лучу,
летят ко мне из пустоты,
пока я здесь ещё кручу
свои застывшие винты,
высокоточные верньеры.

ОНЕМЕВ

Онемев, окаменев,
слух, однако, сохраняя,
угасающий напев
слышу — глаз не отвести
от миров, где тьма дневная
заливает все пути.

Мёртв язык, пропитан ядом;
от безводных, диких снов
он иссяк — так пой без слов
и без звуков, только взглядом,
погребённым подо льдом;
это ад или Содом?

Так и длится жизнь немая,
с глаз повязку не снимая;
сохнет памяти река;
звук ушёл, и мысль застыла
в слое каменного ила
на страницах дневника.

Там, в замёрзших тростниках,
бьётся мысль в моих руках,
звёзды плачут и летят,
падая с орбит хрустальных,
сны текут с обрывов скальных,
ветры в дудочки свистят.

ТУННЕЛЬ В КОНЦЕ СВЕТА

Кем создан и куда ведёт
туннель, увиденный в тот год
в конце осознанного света?
Мне точно помнится, что он
на нашу карту нанесён,
но где висела карта эта?

На коридорной ли стене
в моей квартире коммунальной —
или она приснилась мне,
не отражая мир реальный?
Ведь он теперь у нас трёхмерный,
а там, в проекции неверной,
под нашей плоскою Землёй
давно прорытые туннели
застыли и закаменели,
забиты пеной и золой.

Их сверху покрывают льдины,
от их ворот утерян ключ,
и ни прямого Солнца луч,
ни отражённый от Луны
не проникают в их глубины,
удавом сжатые в кольцо
у света белого в конце —
там, за поверхностью стены,
существовавшей много лет
под старой картою моею,
где я глаза поднять не смею,
где мне в зрачки ударит свет.

МОЛЧАНИЕ

В пределах сна, там, в глубине стола,
где с пылью лет смешался древний слепок,
где с неба влага тёплая течёт,
я всё пытаюсь заглянуть за тот
бумажный лист, где жизнь моя была
привычна, как следы от ржавых скрепок.

Исходных букв неполный алфавит
ударит в мозг, как крепкий аквавит,
омоет жилы памяти усталой,
взойдя из грунта лет водою талой,
дав новый шанс и корню, и цветку,
перечеркнёт неверную строку.

Там, в будущем, где мириады звуков
уже не видят правнуков и внуков,
рассеявшись, как сажа от костров,
игрою огненной по облакам,
уже не важно, ткань каких основ
принадлежала скомканным векам.

Молчание есть тоже выбор: в нём
ты разрываешь связь с наставшим днём,
корчуя пни, заполнившие разум,
перебирая лица и дела,
вдвигая полоз заржавевшим пазом
в рассыпавшемся ящике стола.

ОБРЫВКИ

Обрывки строп, осколки строф
нас держат в мареве миров
над той историею снежной,
где бьётся океан безбрежный
в пределы жизней и умов,
в плену разрозненных томов.

Оттуда я и брал слова,
и в формах, воедино слитых
на языках, давно забытых,
их понимал едва-едва;
в том мире давнем и счастливом
они стелились над обрывом.

Из них я сочинял коллаж,
пародию, безделку, скетч,
ещё не чувствуя пропаж,
провалов в снег, сквозь хрупкий лёд,
там, где история течёт
и поглощает нашу речь.

Под этим непрозрачным льдом,
где годы видятся с трудом,
среди наставшей пустоты
я различаю звук свирели,
обрывки давней акварели,
свои альбомные листы.

Ключи

Слова мои растут из мрака сна
там, где с лучом смыкается волна,
куда не проникает этот луч,
и тщетно ищет сонная рука
засов дверной и дужку от замка,
и затерявшийся в кармане ключ.

Разломишь ткань, что за ночь затвердела;
увидишь внутреннее вещество;
решишь, что суть строения его
доныне неизученного тела,
в глубокой тьме сплетаясь и светясь,
есть блоков сеть и этих блоков связь.

Но где ключи к такому языку,
который мог бы высветить для нас
путь к тайнописи замыслов исходных?
В природе не осталось мест свободных —
помимо тех, что я в свою строку
вставляю, и уже не в первый раз.

Я наблюдаю видимый остаток
реальности, скопившийся на дне
доступных слов, где мне неясно, чей
отслеживает разум отпечаток
в снегу времён, слепящих память мне;
я всё не отыщу своих ключей.

Жизнь

Есть ли жизнь на иных мирах,
где слова или их дела
не ушли в перегной и прах,
где органика не была
непосредственно вовлечена
в Лего-лёгкость бывшего детства?
Может ли, или же не может
ряд структур возникать, что сложит
бесконечную нить программ,
вырастающую в семена,
где записана суть наследства
под покровом вечного сна?

И, по правде сказать, ведь нам
не давали доступа в храм,
отражающийся в реке,
содержащей в себе итог
вечной памяти прошлых лет,
где играют простой сюжет,
не дублируя диалог
на понятном нам языке,
где, как град, по кровле стучат
клетки крови, уйдя в виски,
где стекаются ручейки
знаний к сердцу года подряд.

Жизнь, известная нам, как ход
нарастающего сигнала,
с очевидностью восстаёт
из протянутого кристалла
взгляда, совести и ума,
хрупких нитей моей игры,
становящихся всё ясней,
покрывающих плоть камней,

где идёт по пятам за мною
наступающая зима,
покрывающая миры
антарктической бронёю.

ВСПОМИНАЯ

Балансируя на доске,
обрывающейся в никуда,
я пытаюсь держать в руке
оголённые провода
языка, из последних сил
вспоминая всё, что забыл.

Неоплаченные счета,
все цитаты, что всё — тщета,
берега всех рек и морей,
все портреты из галерей,
все утраченные вчера
телефонные номера.

Память действует на судьбу,
устанавливая табу,
и не хочет пускать ко мне,
выводить на большой экран
имена городов и стран,
погибающих на войне.

Мир осмысленный не успел
задержаться в потоке дел;
я из памяти не сотру
угасающий контур дня,
замерзающего к утру,
окружающего меня.

КОНЕЦ ЯНВАРЯ

Мира гаснущего сколок
не бери с забытых полок;
отведи слова свои
в непрозрачные слои.

Из грунтовых вод тяжёлых,
меж стволов деревьев голых,
пусть поднимутся они
в наступающие дни.

Век стеклянный, в раме пыльной
отведи свой взгляд цивилиный,
век проклятый, век стальной,
смятый банкой жестяной!

Мир, уставясь на меня
сквозь бойницы междустрочий,
на исходе этой ночи
ждёт обещанного дня.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Фет — поэт, научный работник (биолог). Окончил Новосибирский университет. До 1987 г. жил в Туркмении, с 1988 — в США. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния). Автор 10 поэтических книг. Публикуется в периодике США, в журналах «Литературный европеец» и «Мосты» (Франкфурт, Германия). Представитель журнала «Литературный европеец» в США.

В 2022-23 гг. в Киеве вышли три книги поэта: «Над бездной», «Свет слов» и «Контурная карта», вобравшие в себя стихи о войне в Украине.

Виктор Фет — составитель сборников «День русской зарубежной поэзии» и «Год поэзии» (с 2022 г.)

Семен КАМИНСКИЙ

РАССКАЗЫ

ЧЬЯ-ТО ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ

Просторный двухэтажный дом был выстроен из красного кирпича на одной из уютных боковых улочек в центре города лет сто назад. Даже молодым он выглядел не шикарно, но приятно и солидно, как и его хозяйка — всеми уважаемая Фейга Юдковна, повивальная бабка, акушерка — краснолицая, большезада, с коротковатыми полными ногами, уверенно стоящими на земле старого украинского «міста». Она безотказно пользовала и евреек, и русских, и украинок, а однажды принимала роды у таборной цыганки, которую привезли ночью на двухколёсной бричке прямо к Фейге во двор. Видно, какие-то уж чересчур трудные роды случились, раз цыгане не решились принимать их в таборе сами. Тут же во дворе цыганские роды были оперативно и благополучно приняты, только Глашка, которой пришлось таскать кастрюли с горячей водой по деревянной лестнице со второго, хозяйского, этажа, крепко умаялась.

Помогать-то Фейга Юдковна всем помогала, но цену себе знала, и деньги за помощь брала немалые, особенно с тех, у кого они были. И деньги, и золотые-серебряные украшения, и камушки. Поэтому и дом такой серьёзный смогла построить на месте квёлого, старенького, доставшегося от родителей, когда-то державших скромную маце-пекарню. Свежую ломкую мацу к празднику Фейга, конечно, любила, но родительское дело казалось ей неинтересным. Собственное занятие было гораздо важнее и денежнее мацы, и спрос на её умения оставался непреходящим, так что пекарню она продала. Её муж, тихий и не больно удачливый коммивояжёр, слушался супругу во всём беспрекословно.

А тайны ей были известны самые страшные и не подлежащие разглашению даже за давностью лет. Все знали, что она не только роды принимает, но и другие услуги оказывает, изредка помогая грустноватому доктору Лукацкому, тоже жившему неподалёку, но об этом никто не распространялся. Фейга Юдковна — персона нужная, кто знает, может, её помощь когда-нибудь понадобится, чего ж зря болтать.

И бабкой её тогда, конечно, никто не звал: когда дом построили, ей, может, лет тридцать всего было. Близкие называли её Фаней, а кое-кто из русских и украинских знакомых — Феней.

В общем, достойная была женщина, но надменная, характер имела весьма скандальный и всерьёз рассорилась со своими соседями: с одной стороны вплотную к её дому стоял домик грека-бакалейщика, а с другой, чуточку подалее, — дом какого-то местного чиновника средней важности. Что именно они не поделили, история умалчивает, но нетрудно предположить: как раз эти самые не подлежащие разглашению тайны и сыграли свою роль. Потому что и жена немолодого грека, и жена неприветливого чиновника были женщинами не работающими, не шибко красивыми, но весьма и весьма любвеобильными. И кто-то якобы видел их неоднократно посещавшими умелую соседку... Хотя, может, они к ней просто по-соседски заходили, одолжить луковицу или немного постного масла? Однако факт есть факт. Назло акушерке обиженные мужья, по-видимому сговорившись, так надстроили свои одноэтажные дома, что со стороны грека во всех окнах её дома навсегда наступил полумрак. А со стороны чиновника, где между домами был узкий проезд во двор Фани, если и заглядывало солнышко, то ненадолго, поутру, на несколько часов. Надо же — и денег не пожалели! И оказался её хороший дом нелепо зажатым между двумя глухими, уродливо высокими кирпичными стенами.

Впрочем, тогда уже некому было особо обращать внимание на красоту или удобства. Потому что вскоре понеслись мимо (и слава богу, что мимо!) малахольные конники бандитского вида, направляясь к главному городскому почтамту. Пошли рядами на митинги и парады красные товарищи с бодрящими песнями и под весёлым хмельком. А потом, почти не глядя по сторонам, проехали чёрные оккупанты в огромных грузовых автомобилях. Этих Фанина семья, правда, не видела (опять же, слава богу!), так как успела эвакуироваться, но самому дому всё это, без сомнения, было отлично видно. Например, как недалеко упал сбитый самолёт, и улица, спустя несколько лет, стала

называться именем Героя Советского Союза — погибшего в нём лётчика.

Затем жизнь чуть наладилась, но дому было нехорошо. В каждой, даже самой тесной комнатухе селились в большом количестве новые люди и тараканы, а растущая семья Фейги Юдковны — муж, сын, невестка, внуки — после эвакуации стала помещаться всего в двух комнатах, да и то с соседями.

В доме и во дворе противно запахло старым борщом и какой-то совершенно неопикуемой дрянью. Стены поросли плесенью, кирпичи кое-где выпали, так что зрелище и вовсе перестало быть приятным и, тем более, солидным. В окнах стало ещё темнее.

Хотя возраст настойчиво брал своё, какое-то время Фаня ещё служила фельдшером в больнице скорой помощи, но домашнюю практику прекратила — это было нынче строжайше запрещено и грозило ужасными бедами, о которых даже шёпотом говорить не стоило. Возможно, случаи такие в обстановке особой секретности всё-таки были: кто ж, как не Фаня, выручал самых разнесчастных, одиноких и покинутых? И теперь почти за символическую плату... Но кто это докажет? Глашка из нижнего этажа ей помогает? Да нет, нет, боже упаси! Глаша просто приходила по старой дружбе варенье варить в глубоком медном тазу.

Как-то раз в сумерки к Фане на веранду поднялись две посетительницы. Одна из них была хозяйке знакома — учительница в соседней школе.

— Вот, Фанечка Юдковна, дочка моя, Ленка... — тихо вздохнула гостья, присаживаясь на краешек табурета в Фаниной прихожей, превратившейся в тесную кухоньку, — неполных пятнадцать — и уже... Помогите непутёвой.

Фаня оглядела непутёвую дочку учительницы, стоящую перед ней.

— Косу с детства, выходит, ещё не резали? — поинтересовалась Фаня, взвешивая на руке толстую чёрную девчачью косу.

— Не, — не поднимая глаз, еле слышно проговорила щуплая девушка, — не резали.

— И кто ж этот герой? — ехидно продолжала Фаня, наклонив голову и пытаясь заглянуть Ленке в глаза.

— Не говорит, — опять вздохнула учительница после короткой паузы. — Ревёт, но не говорит...

— Вы, Тамара Борисовна, подождите здесь минутку, мы в столовую пройдем, — Фаня увела девушку в комнату. Учительница так и осталась

сидеть на табуретке, глядя перед собой в растрескавшуюся побелку кухонной стены и не решаясь встать.

— Вот что, — сказала Фаня, возвращаясь минут через двадцать, — худая она, поэтому на ней не видно, но делать уже поздновато... и я не хочу. Нужно оставлять.

— Да что вы говорите?! — громко всхлипнула учительница, тут же прикрывая себе рот рукой. — И никак нельзя?..

— Никак, — отрезала Фаня, — но думаю, что всё будет хорошо. Я в больнице договорюсь: есть надёжные доктора, и я сама при том обязательно буду. Только надо в другую школу перевести, чтобы разговоров было поменьше. А самым ретивым мы рты позакрываем: и у них бережно хранимые секреты най-

дуться. Я подноготную у половины города знаю. И в гороно есть нужные люди... Про своего героя она мне рассказала, гоняться за ним не стоит, без него справитесь. И не донимайте эту дурынду вопросами. Не она — первая, не она — последняя. Такая жизнь...

И снова с флагами и транспарантами мимо регулярно двигались хорошо организованные трудящиеся массы, так же организованно и массово заходя облеγχиться во двор, попавшийся им по дороге в коммунистическое далёко и к трибунам центральной площади. И хотя в глубине двора виднелся туалет из серых шлакоблоков, мужчины поливали стены дома, а дамы присаживались под той самой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. Транспаранты и флаги ожидали в некотором отдалении, прислонённые к стенам. Запах усиливался.

— Как там ваш наследник непутёвый? — спрашивала Фаня у Тамары Борисовны, приходя в школу за своей младшей внучкой.

— Толик очень даже путёвый! — расцветала учительница. — Умный мальчик растёт. А Ленка устроилась работать в домоуправление. Замуж вышла, муж хороший, Колей зовут, Толика усыновил. Сейчас Лена

второго ждёт, сильно поправилась. Про вас она с таким уважением всегда вспоминает. Толик, говорит, вырастет, непременно про Фанечку Юдковну ему расскажу, он поймёт.

— Да бросьте, ничего он не поймёт, — махала рукой Фаня, прощаясь, — что они понимают?

С годами дом сильно просел: первый этаж, в котором когда-то хранилась утварь и обитала прислуга, а теперь квартиросъёмщики, частично ушёл под землю. Полы из длинных крашеных досок прогнулись; когда их мыли, к центру комнат стекала вода, туда же скатывались катушки с нитками, детские мячики и машинки. Щели поглощали не только самые мелкие предметы — булавки из рук пришедшей на дом модистки, бусинки рассыпавшегося перламутрового мониста и монетки, но даже карандаши, ручки и расчёски, а иногда что-то покрупнее, и всё это уже никоим образом не получалось достать. Может, именно там незаметно потерялись и долгие годы, наполненные однообразными хлопотами? Притаились тревожные шорохи и заглушённые стоны от нестерпимой боли? Спрятались неясные воспоминания?

Фаня — теперь уже, бесповоротно, баба Феня — тоже сдала, совсем не практиковала и мучилась настырным в своём постоянстве радикализмом, согнувшим её в три погибели. Мужа давно не было, дети не шибко её почитали, переселив в самую тёмную комнату, да она и сама не хотела занимать светлое жизненное пространство. Она начала путать имена своих внуков и правнуков и перестала слышать, когда у неё что-то просили, особенно когда просили деньги. А молодое поколение, уже не скрывая, смеялось над тем, как она говорила «бирлянды» вместо «бриллианты», рассказывая о прошлой жизни, о каких-то тайнах и своём деятельном участии в судьбах разных — счастливых и несчастливых — людей. Да и кто вообще верил в эту прошлую жизнь бабы Фени? Разве что почти такая же древняя Глашка, которая все эти годы так и жила в двух каморках нижнего этажа. Она и её муж Яким по-прежнему называли бывшую хозяйку Фейгой Юдковной и не забывали приносить на пасху освящённую сладкую пасочку собственной выпечки. Баба Феня целую неделю ела её маленькими кусочками вместе с мацой, запивая чаем.

Ровно через двадцать лет, день в день после смерти бабы Фени, дом наконец признали аварийным и должны были снести, а жильцов переселить. Фенин сын и его уже женатые дети очень радовались получению квартир (правда, в дальнем-дальнем рабочем микрорайоне), а никчёмный дом, так ужасно надоевший всем своими старческими

проблемами, постарались забыть навсегда. И он остался пустовать в центре города, на одной из уютных боковых улочек имени Героя Советского Союза.

А потом флаги, транспаранты, парады, хорошо организованные трудящиеся массы прекратились, и про дом забыли ещё лет на десять. Он был уже так страшен, что даже появившиеся бомжи боялись туда забираться — вдруг обвалится. Впрочем, соседние дома, по-прежнему закрывающие его от солнца, выглядели не намного лучше.

* * *

Правление банка размещается в двухэтажном доме красного кирпича. Дом древний, ещё и пльвуны под ним обнаружили, правление кучу денег ухлопало, чтобы не только привести его в порядок, но хорошо укрепить фундамент и достроить в глубь двора. Земелька тут теперь ох как дорого стоит — центр города!

Анатолий Николаевич, президент банка, мужик прижимистый. Даже кондиционеры поставили всего по одному на отдел — экономят на чём могут. Но вот что удивительно: два соседних одноэтажных дома приказал выкупить и высокую кирпичную кладку, что торчала на их стенах, почти примыкающих с двух сторон к зданию правления, обязательно разобрать. А зачем эти странные, намного выше крыш надстройки были сделаны — никому не известно. Кто-то слышал, что так от пожара в прошлом защищались, другие говорят, что только шеф настоящие причины знает, что-то личное у него связано с этим домом, где сейчас правление, хотя он в нём никогда не жил.

Как-то раз подкатили к нему на корпоративной вечеринке с вопросом, как бы между прочим. А он смеётся, говорит, если бы не было этого дома и его хозяйки, и меня, может, не было. И надстройки, мол, с соседних домов он убрал не только для того, чтобы в правлении было светло, а чтобы восстановить справедливость за всю прошлую жизнь. Шутит, наверно, или был навеселе — перед этим одну грандиозную сделку провернули...

В общем, толком никто и не понял: что это за справедливость такая? Что за хозяйка? И чья прошлая жизнь?

ГУДБАЙ, РУБИ ТЬЮЗДЭЙ!

— **В**сю свою взрослую жизнь я была designated driver,¹ — сказала мне красноволосая Руби.²

Это все остальные могли беспечно веселиться на вечеринках, заглатывая немереное количество пива, джина и вина. Это Пит мог набраться так, что засыпал в чужой ванной. Это Остин мог быть с чердака привидением, доставляя море несказанного удовольствия окружающим. Это Джеки могла целоваться по очереди с двумя-тремя парнями и беспечно отключиться где-нибудь на кушетке у камина. А вот, смотрите, Джона вытащили в одежке из бассейна...

Все остальные, но не Руби.

Почему Руби должна всегда думать, как благополучно развезти по домам весёлую компанию друзей и подружек? Кто просил её об этом?

Впрочем, иногда они просили.

— Руби! Ты же не пьёшь, правда? Ты же подбросишь меня домой? Где стоит твоя машина, детка?

Но чаще всего это получалось само собой. Целый вечер нужно было тянуть одну-единственную бутылочку «Гиннеса», временами удивляясь тому, что окружающие вытворяют на пьяную голову. Но никогда не удивляясь вслух. Людям хочется веселиться — ну и отлично. А я-то не могу, мне ещё нужно довести их до дома в целости и сохранности, и чтобы полицейские не придрались. И мне совсем не хочется вытворять такие глупые штуки, как они...

Руби Голдстайн родилась и прожила восемнадцать лет в крошечном городке, в двадцати милях к северу от Чикаго. Просторные двухэтажные дома сливочного цвета с аккуратными крышами «под черепицу». Почти нет пыли и грязи, потому что нигде нет ни клочка открытой земли: всё застелено рулонами чистой, чересчур зелёной травы, которую с маниакальной тщательностью стригут хозяева домов каждую неделю. Близкое, тёмно-синее, громадное (чем не море?) пространство озера Мичиган. Нестрашные «хэллоуинские» маски и конфеты, конфеты... корзинки конфет, ведёрки конфет, которых тебе никогда не

¹ Буквально: «назначенный водитель» (англ.) — тот, кто на вечеринке ограничивает себя в употреблении спиртных напитков, чтобы иметь возможность отвезти товарищей домой (общеизвестный в англоязычных странах термин).

² Одно из значений имени Ruby — рубиновый, ярко-красный (англ.).

съесть. Жёлтые угловатые школьные автобусы, которые с точностью до шага останавливаются каждый будний день — утром и вечером — в определённом месте на твоей улице. Рождественская толстуха-ёлка, в золотых лентах и пышных красных бантах, открытая взглядам в широком, никогда не зашторенном окне гостиной соседского дома. Или изящная девятипалая ханукальная менора и нежно светящийся «моген-довид»¹ на окне гостиной твоего дома — на окне, точно так же совершенно не закрытом от взгляда с улицы...

Спокойно, одинаково и скучно.

Потом она шесть лет прилежно учила в университете много нужных и ненужных предметов и русский язык. И там, в студенческих компаниях, опять ответственно и постоянно развозила друзей по домам. Но, уже почти получив степень магистра одной очень важной и очень узкой культурологической специальности, вдруг неожиданно сказала себе: «Я еду в Россию. У меня бабушка из России. Я буду практиковаться в языке и собирать материал для работы о русской альтернативной поп-культуре. Там сейчас — перестройка, это должно быть нескучно». В её университете существовали какие-то научные связи с питерским университетом — туда Руби и отправили.

В Питере, куда она прилетела с подружкой и сокурсницей Фиби, действительно была перестройка: суматоха на одёжных рынках, всеобщая, уже не скрываемая тяга к иностранцам, во сто крат усиленная пустотой магазинов, осенней грязью на улицах и беспощадными разборками малюсеньких злобных «предпринимателей». Вовсю гремел рок, почему-то называемый «русским», очнулось от дурмана телевидение, кипели фестивали, выставки, «инсталляции» и «тусовки».

О скуке не могло быть и речи.

Они устроились в одном из общежитий университета. С удовольствием ездили в трамваях и троллейбусах, которых почти нет в Америке.

И вот Руби уже стоит в очереди в «Гастрономе № 1» на Невском и лихорадочно соображает, что сейчас вот-вот подойдёт очередь и нужно будет выдавить из себя... как они это говорят: «Мне поло-вину кил... кило-грамма кол-ба-сы, по-жа-луй-ста!» Или не так? Надо послушать, что скажет вон та старушка впереди, в странной шляпке на голове. Плохо слышно, в магазине такой шум! Кажется, она попросила... «полкило». А этот, что прямо передо мной, он вообще не сказал «пожалуйста»...

¹ Звезда Давида, символ иудаизма (*идиш*).

Ура, женщина-продавец, кажется, поняла! По крайней мере, она ничего не переспрашивает и взвешивает на весах... вроде бы то, что я попросила.

Вот опять... Что? Куда? «В кассу»? Где это — касса? И почему всё так сложно? Наверно, я делаю что-то не так: не может быть, чтобы такие простые покупки занимали так много времени и требовали так много странных действий! А ведь я хотела ещё купить конфет... Нет, уже не буду — это ещё одна очередь на полчаса, обойдёмся без конфет...

Они попутешествовали по Золотому кольцу. А вернувшись в Питер, всё познакомились и познакомились с какими-то новыми людьми — художниками, музыкантами, артистами, для которых было весьма интересно общаться с американскими девушками, неизвестно зачем оказавшимися в северной столице и при этом довольно прилично говорящими по-русски. Особенно забавляла их Руби — своими настойчивыми изысканиями в области советского культурного андеграунда. Многие проявляли недвусмысленный интерес: а не помогут ли эти чудные иностранки добыть что-нибудь нужное, «забугорное»? Или даже свалить на Запад?

Постепенно Руби стали надоедать одни и те же вопросы и намёки, кроме того, она опять чувствовала себя «мамой»... Кудрявая плотненькая Фиби захлёбывалась в волнах всеобщего внимания, и Руби зачастую была вынуждена вытаскивать подружку из бестолковых приключений, увозить на трамвае в общежитие, отпаивать кофе после безудержных выпивок и вести противные душеспасительные беседы. Руби крепко полегчало, когда Фиби пришлось уехать из России раньше намеченного срока: дома, в Милуоки, начался развод родителей Фиби, и её присутствие там стало почему-то необходимым.

В начале зимы, в гостях у одного из знакомых на улице Марата, обнаружился очередной новый персонаж. Когда Руби назвала своё имя, этот круглолицый смешной парень (он всё время ходил в опущенной почти до бровей чёрной лыжной шапочке) сразу громко воскликнул, как будто они были знакомы с детства и вместе учились в илинойской школе имени Дуайта Эйзенхауэра:

— О-о! Руби!

И пропел из «Роллингов»:

— Гудбай, Руби Тьюздэй!

И заявил:

— В моей мастерской, Руби Тьюздэй, я обязательно поиграю тебе на железном контрабасе!

Он был скульптор и немного рок-музыкант. Звали его Артёмом.

Мастерскую Артёму разрешили устроить в одном из пустых подвалов в старом здании на Садовой, где школьный приятель снимал помещение под свою торгово-производственную фирму. Официально Артём числился художником и должен был заниматься разработкой дизайна для товаров фирмы. Днём он действительно старался это делать.

Руби приходила к Артёму по вечерам. В вестибюле здания дежурили два дородных милиционера — Вова и Петя. Видимо, подрабатывали после основной службы. Вокруг них всё было заставлено коробками с какой-то корейской видеотехникой, оставался только небольшой проход, место для стола, на котором стоял маленький телевизор, и нескольких казённых стульев. Охранники её уже знали, здоровались и пропускали вниз.

В мастерской, вместе с Артёмом, обитал постмодернизм. Толстые тёмные трубы под низким потолком вполне гармонировали с разнообразными металлическими скульптурами по углам, сварочным аппаратом и кусками металлолома, собранного на свалках. У одной стенки приютился хитрый зверюга с блестящими жестяными крыльями. У другой — замер в вычурном танцевальном па проволочный силуэт симпатичного чудака с повязанным на прозрачном горле полосатым шарфиком из настоящей ткани. «Контрабас» из старого листового железа издавал утробные звуки, резонируя гулу пробегавших по улице грузовиков. А маленький фонарик изображал луну над макетом таинственного многоэтажного города, сваренного из отрезков грубого ржавого уголка; казалось, сейчас выйдут степенно прогуливаться по его улочкам крошечные металлические человечки.

Артём выдавал Руби большие тёмные очки, облачался в маску и молча принимался творить что-то новое из сполохов яркого света, искр, теней и горючего запаха. Руби забиралась с ногами в изодранное кресло и, набросив пальто, часами сидела за его спиной. Если не хватало металлолома, они иногда вместе отправлялись добывать его в ближайших тёмных дворах. Руби эти рискованные экспедиции чрезвычайно нравились.

Как-то она обнаружила, что в мастерской закончился чай, и, так как Артём находился, можно сказать, в творческом угаре (всё действительно было в дыму), решила сама сходить наверх. Охранники увлечённо, как боевик, смотрели запись какого-то международного конкурса «Мисс Самая Такая-то», но американку встретили радушно, торопливо

поставили на электроплитку синий эмалированный чайник, сунули на колени полиэтиленовый кулёк с сушками и усадили перед телеком. Им казалось, что Руби увидит там что-то близкое, родное, и гордились, что могут продемонстрировать своё приобщение к мировой культуре. Руби терпеть не могла конкурсы красоты, приторных ведущих и обалдевших от сцены «мисс», но сразу уйти было неловко. И чайник закипать совсем не торопился, хорошо хоть, что милиционеры не заводили никаких душевных разговоров, увлечённые видом дефилирующих красавиц. А тут наверх поднялся Артём — то ли в творческом процессе возникла пауза, то ли почувствовал, что надо заморскую девушку из гостеприимного вестибюля выручать. Охранники и ему обрадовались.

— Иди, иди, художник, «мисок» смотреть, — сказал тот, который Петя.

— А что, пацаны, — сказал тот, который Вова, — давайте это дело отметим на международном уровне.

Он принёс из подсобки пол-литровую банку спирта и начатую банку варенья. Аккуратно разлил спирт по разнокалиберным чашкам. А Петя расторопно положил в одну из чашек ложку варенья и, помешивая, серьёзно пояснил:

— Это для дамы. Коктейль.

Через десять минут Руби совсем перестала понимать не только по-русски, но и то, что болтал телевизор на её родном языке. Ей почему-то стало невыносимо обидно за долговязых девчонок, которых почти голыми, но в милицейских фуражках, заставляют выхаживать по бесконечному лабиринту из картонных коробок, с непрерывно повторяющейся

надписью «Gold Star», под брзжание железных контрабасов, в душном дыму, в искрах и сполохах яркого света, среди хитрых, сваренных из металлолома зверей, и пить, пить жгучий малиновый спирт...

Она вдруг заплакала. «Менты» всполошились и стали её успокаивать. А Артём распевал клоунским голосом Мика Джаггера:

Goodbye, Ruby Tuesday.
Who could hang a name on you?
When you change with every new day
Still I'm gonna miss you...¹

* * *

Я беседую с Руби в уголке кухни — мы стоим, близко придвигаясь друг к другу и пытаюсь перекричать шум. Я думаю, что её рыжие волосы уже немного подкрашены, чтобы спрятать начинающуюся седину.

В этом немаленьком американском доме наших общих друзей — тесно. Остервенело бубнят басы. Детвора, весело визжа, гоняется друг за дружкой. Народ с бутылками пива топчется вокруг «шведского стола», галдит по-русски и по-английски, поглощает закуски.

Мне слышно, что Артём спорит с кем-то в соседней комнате: громко, упорно, но совершенно непонятно о чём.

— Было очень приятно поговорить, — Руби протягивает мне руку, — но уже поздно, пора домой. Нам ещё около часа ехать — ребята, наверно, сразу уснут в машине...

— Кто за рулём? — спрашиваю.

Она строит смешную рожицу, поджимая улыбающиеся губы. Чуть приподымает тонкие плечи в чёрном платье и выдыхает:

— Я...

ОБ АВТОРЕ

Семён Каминский — прозаик, редактор, издатель. Родился в 1954 году в Днепрпетровске. Живёт в Чикаго. Публикуется в литературных изданиях США, Украины, Канады, Израиля, Германии, Финляндии, Белоруссии, Латвии, Дании. Рассказы и очерки переведены на английский, французский и финский языки. Автор нескольких книг прозы.

¹ «Ты меняешься каждый день / И клички не липнут к тебе / Руби Тьюздэй, прощай / Я буду скучать по тебе».

Фрагмент из песни *Ruby Tuesday* рок-группы The Rolling Stones (перевод Андрея Рабодзеенко).

Марк ВЕЙЦМАН
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В ЦЕПКИХ ОБЪЯТИЯХ МУЗЫ РЕВНИВОЙ

То краску, то слово, то мысли обрывок,
То робкую детства мечту
Тяну, как паук, из себя терпеливо,
Потом паутину плету.

Плету паутину, живую картину,
Бесмысленный этот узор,
Который способен любому кретину
Промыть помутившийся взор

И даже на пике сердечного жара,
Присвоив зарниц пересверк,
Свободно сойти за антенну радара,
Всегда устремлённую вверх,

Где царствует сказка и песня, и пляска
Скупому не в масть бытию,
И скрыть неспособна актёрская маска
Реальную сущность твою.

* * *

Спасибо вам, коллеги и родня,
За то, что вы придумали меня
И в силу разуменья своего
Сварганили живое существо.

Душой отредактированный ряд:
Лев Озеров, Заславский и Курлат,
Негода, Симоненко, Доризо,
Писавшие и жившие борзо.

И Тёмин — из соседских пацанов,
И Дробный, и Ольшевский, и Яснов,
И Межиров, скупой на похвалы,
И Берестов, любитель пахлавы.

Я слит из хрустала разбитых ваз.
Во мне частица каждого из вас.

* * *

Ты говоришь о жажде неуспеха,
Мол, звук, не претендующий на эхо,
Всегда предпочитаешь. Вот те раз!
Предела нет, дружок, твоей гордыне.
Ведь даже вопиющего в пустыне
Рассчитан был на слушателей глас.

«Торите, — он вопил, — дорогу к Богу!»
И пусть никто не стал торить дорогу,
Экспрессия, однако, какова!
Уходят бесноватые пророки,
Оставив огнедышащие строки,
Скупые, но нетленные слова.

Мы им, дружок, в подмётки не годимся
И, кажется, напрасно суетимся,
Как в старину сказали бы — вотще.
Не в том проблема, что гадать придётся,
Как, дескать, наше слово отзовется,
А в том, что отзовется ли вообще.

* * *

А зря ты испугался, мальчик Ося,
Реалий «иудейского хаоса»,
К российскому как раз претензий нету,
Но он-то и сживёт тебя со свету.

А эти — в кипах с длинными носами,
В косынках, с накладными волосами,
Чьи мысли и намеренья неясны, —
Они, по крайней мере, не опасны.

О, пагубное лоно чуждой веры!
Всё множатся и множатся примеры:
Твоя судьба и Галича, и Меня.
Отступничество — плод неразуменья.

А травля и погибель Пастернака?
Здесь есть над чем задуматься, однако,
Покуда семисвечья пламень зыбкий
Румянец дарит лицам измождённым
И в Александра Герцевича скрипке
Спит музыка птенцом слепорождённым.

Вглядись, пока не поздно, в эти лица —
И жизнь твоя на пару лет продлится.
Высовываться ежели не станешь,
Глядишь — и до Освенцима дотянешь.

* * *

Солнце в апогее
Щурится устало:
— Ты за что, Сергеич,
Сброшен с пьедестала?

— Ведал толк в идеях
Великодержавных,
Спорил с провиденьем,
Портил дев бесправных,

Не гнушался порно
И тянулся к «зету»,
Не по делу пёр на
Гетмана Мазепу.

То, что слыл кипреем
Средь культурных злаков,
Унижал евреев,
Обижал поляков, —
Отрицать негоже,
Взор от неба спрятав.

Но... взгляни на рожи
Этих Геростратов!

* * *

Вольно же было старому поэту
Промолвить за бутылкою «токая»:
— Не принимай за чистую монету
Всё то, что я пишу и изрекаю.

И понял я, что жизнь гораздо хуже,
Чем думал я о ней. И, прозревая,
Всё ж справился: — А верить-то кому же?
— А некому! — ответил он, зевая.

ГЕБИРТИГ

Сочинил Гебиртиг песню
О горящем городке,
Оказавшуюся к месту
И в молельне, и в шинке,
И на людном толковище,
Уповавшем на авось,
И на дымном пепелище,
Что Европою звалось.

Нотной грамоты не ведал,
Был обычным столяром,
Зло, шагающее следом,
Компенсировал добром,

Знал, что пламень оголтелый
Гасит кровь, а не вода.
И звезда его желтела.
И белела борода.

Он покинул город Краков
И ушёл на склоне дня
В край корней и хлебных злаков,
В мир без крови и огня,

Где блажной горланит петел
И ольха пыльцой сорит...

А огнём объятый штетл
Всё никак не догорит.

* * *

А я-то думал, ты из них,
Функционеров чёрной сотни,
Певцов пельменных и пивных,
Апологетов подворотни.

Пока, дрейфуя средь зыбей
На допотопной бригадине
Вдруг на метафоре твоей
Не подорвался, как на mine.

Отвага, мужество и честь,
Черты бесценного металла...
Прости! Я понял, кто ты есть,
Когда тебя уже не стало.

ПОДОРОЖНИК

Я средь этих писателей липовых,
Псевдобардов и квазихудожников,
Представителей флоры реликтовой,
Был скорее всего подорожником

И лечил занедуживших, раненых,
Боевыми конями затоптанных,
Недоскошенных и протараненных,
Либо вешним разливом подтопленных,

Разделял их мечты нереальные
И бредовые речи выслушивал,
Не пенял на понты завиральные
И реальные слёзы высушивал.

Я не знаю, куда они канули,
Но мои поражения отсрочены,
Одиноко торчу, неприкаянный,
У своей персональной обочины.

Времена нынче вроде бы хлебные,
И волхвы не всегда заблуждаются,
Но несладкие листья целебные,
Как ни странно, ещё пригождаются.

ШНИТКЕ

С бору по сосенке, с миру по нитке.
Ежели сосны и нитки прочны,
Часом из них появляется Шнитке —
Гений, которому нету цены.

Там, где конфузливой музе сермяжной
Нечего вечному злу возразить,
Дайте генетике, «девке продажной»,
Мир бескорыстьем своим поразить.

— Музыка-музыка, в чём твоя сила?
— В том, что тревожу и в том, что не лгу,
Роль исполняя надёжного тыла,
Без болтовни обходиться могу.

С горних высот дирижёрского пульта
Видно и слышно, как Солнца полпред
После четвёртого кряду инсульта
Выход на ощупь находит Альфред.

— Музыка, слышишь? На ощупь находит!
Только при этом уходит, боюсь.
— Верно, уходит, но выход находит:
Он-то уходит, а я остаюсь!

* * *

— За что вы, товарищ полковник,
Сразили его наповал?

— За то, что он «небо» и «небыль»
В стотысячный раз срифмовал.

— А этот, наказанный плетью
И сброшенный вами в кювет?

— А это, видать «долголетья
кавказского» апологет.

Адепты словесных шаблонов,
Лебядкин у коих в чести.
Боюсь, что не хватит патронов,
Чтоб эту беду отвести.

И будут и ныне, и присно
Сердца, КАК ЛИСТВА, трепетать,
Глаза, КАК АЛМАЗЫ, искриться,
И руки, КАК КРЫЛЬЯ, взлетать.

Поборников этой отравы
Полно, говорят, и в аду.
Но там-то, должно быть, управы
На них я уже не найду.

ПОСЛЕДНИЙ АБЗАЦ

Для того, чтобы знать наперёд,
Что искомый продукт, не эрзац,
Запускаю козла в огород —
Пробегаю последний абзац.

Через щёлочку эту порой
Виден автор, а также герой,
И Олимпа безрадостный склон,
И в лавровом венке Аполлон,

Что фиал осушает до дна
И с похвальным упорством твердит,
Что бездарная правда скучна,
А талантливый бред молодит.

* * *

Не из любви к вставанью в позу,
Не по заказу и не в честь
Решил писать такую прозу,
Какую б сам хотел прочесть,
Воссоздавая время оно,
Давно поросшее быльём,
С его тройным одеколоном
И накрахмаленным бельём,
И находя крупницы смысла
Среди житейской шелухи...

Но заявил издатель кисло,
Что это всё-таки стихи,
Внутри которых где попало
Гуляет правда без прикрас
И ясно с самого начала,
Что мы живём в последний раз.

«Но нам, — добавил, — не по средствам
Терпеть финансовый урон.
А посему рифмуйте текст свой
И отправляйте в „Арион“,
Ведь груз немилости господней,
Не облегчаемый пока,
Способна вынести сегодня
Лишь стихотворная строка».

ЭКСПОЗИЦИЯ

Дитя не вызывает умиления,
На нимб красноречивый несмотря,
И плотник, разжигающий поленья,
В солдатские обутый прахоря,
И две отроковицы на полатях,
И дедушка — что заяц во хмелю,
И баба, непорочного зачатья
Возможность низводящая к нулю.

Иное дело — радуга над склоном
И рыбу атакующий баклан,
И мельница, считавшаяся фоном,
Но вылезшая вдруг на первый план,
Мерцающая в яме сигарета.
Пластунская повадка огурца...

Пейзаж красноречивее портрета,
Писание значительней писца...

В разведку не пойду я ни с тобою,
Ни с тем, кто созывает, горячась,
Желающих пожертвовать собою.
Вот с Белкою и Стрелкой — хоть сейчас!

* * *

Красок брожение, несущее нам
Пренебрежение к тёмным тонам,
меньше волнует с течением дней,
В сумерках осени, в царстве теней.

Чёрною тушью на белом листке —
Самое место любви и тоске,
А для сомнений, надежд и обид —
Жжёная пробка да кельнский графит.

Живопись — браге домашней под стать,
Что в облаках побуждает витать
Молодость, падкую на озорство.
Нам бы с устатку — покрепче чего.

ВЕРНИСАЖ

Не образумится вакханка
И не изведает стыда,
И хлеба рыжая буханка
Не зачерствеет никогда.

И сизый голубь не захочет
Покинуть каменный карниз.
И не заткнётся рыжий кочет.
И не сопьётся Дионис.

Как славно было б с ними вместе
И мне предстать перед тобой
Простолюдином на фиесте
Или архангелом с трубой

И, руки-крылья виновато
Прижав ко лбу или груди,
«У нас тут, молвить, — темновато.
Поближе, детка, подойди».

* * *

В приморском Доме творчества
В конце сороковых
Дивились на уборщика
Из «бывших», но живых, —

Как часто шастал к морю он
С биноклем полевым
Глядеть на акваторию
С напором волевым.

Но что он там, на западе
Высматривал вдали,
Досужие писатели
Представить не могли.

Орудя лопатую,
Балтийский санкюлот
Надеялся, что Латвию
Спасёт британский флот.

В процессе подметания
Литфондовских аллей
Провидел очертания
Английских кораблей...

Вот так и я, балдеющий
В неведение своём,
Душою молодеющей
Влекусь за окоём,

В пространстве обесточенном
Творю своё кино
И твёрдо верю в то, чему
Случиться не дано.

ОБ АВТОРЕ

Марк Вейцман — уроженец Киева. Поэт, прозаик, эссеист и публицист. Окончил физико-математический ф-т Черкасского пединститута и Литинститут им Горького (творческий семинар Н.Доризо). 35 лет преподавал физику в школе и других учебных заведениях. До 1996 года проживал главным образом в Украине (Киев, Донецк, Макеевка, Черкассы). С 1996 года — в Израиле.

Автор полутора десятков книг лирических стихотворений для взрослых и детей, увидевших свет в Москве, Киеве и Иерусалиме, и многочисленных журнальных публикаций. Большое количество стихов для подростков вошло в третий том антологии «Четыре века русской поэзии — детям». Подростковая лирика до сих пор используется в школьных хрестоматиях.

Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии имени Давида Самойлова — за лучшую стихотворную книгу года на русском языке (Израиль) и «Круг родства» (Украина).

Игорь ДЖЕРРИ КУРАС
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Пламя вернулось в свечу и цветами проснулись гербарии,
бабочки снялись с булавок и в куколки спрятались снова.
Я не пугаю тебя: это просто античные танцы и арии;
танцы и арии: и ничего в них такого.
Видимо смерть до сих пор не рассталась с глухими подвалами;
не различая, она разлучала и самых влюблённых;
я никого не могу утешать: я довольствуюсь малым —
общими фразами в редких звонках телефонных.

Всё это было. Всё те же несметные армии
смертных людей вынимали из жизни от края до края.
Я не хочу повторяться, что это античные танцы и арии,
но, повторяю: это именно так, дорогая.
Холодно нам, одиноко. Пожарами, горем и горячи
жизнь пропиталась уже навсегда — и судьба вместе с нею.
Если бы только я мог, я придумал бы новые танцы и арии,
чтобы утешить тебя. Только я не умею.

* * *

Всё это было
в четверг или в среду:
медленно время тянулось к обеду;
медленно,
будто в предчувствии обморока,
плыл самолётник
на фоне
облака;
как пионерский отряд на экскурсии,
стройно вдоль кадки шагали настурции;
и на газончике
ровном —
ромашки
с клевером диким гонялись в пятнашки.

Дом престарелых.
Дом невесёлых —
дом окончательный
для новосёлов.

Кто-то увидел над клумбой осу,
кто-то заметил:
— Как в Лисьем носу.
Дачу снимали...
Нет, вроде бы, в Луге...

Плед поправляет уснувшей подруге —
чьей-то
уже
многолетней
вдове.
Плед под ладонью —
как лёд на Неве.

* * *

Не молись о мире,
девочка моя:
жизнь —
в прямом эфире
ужасы Гойя;
Елей пирамиды —
каждый ствол высок;
и —
посмертно —
идол
мумией засох.

Сигареты, спички,
лес в ночи —
как сфинкс:
росчерк электрички
в твой
Наро-Фоминск.
Ну а там —
столицы
чёрные края:
некому молиться,
девочка моя.

Молчаливы боги
дачные глуши;
закури с дороги,
спичку притуши.
Видимо,
по плану,
кружится Земля —
а на ней тюльпаны,
девочка моя.

Если век
корóток —
за него держись;
если есть шесть соток —
есть
на них
и жизнь:
сонные улитки,
бабочки, жуки;
жёлтым — маргаритки,
синим — васильки.

* * *

Вдоль по озеру, по утиному —
мама-утка, утята-дети;
тонкой веткою с паутиною
осторожно играет ветер.
Вдруг являются жёлтые бабочки,
отражаясь в воде послушной;
облака — будто свежие наволочки
на заботливо взбитых подушках.

Дай мне, Господи, больше воздуха —
дольше звука и ярче света.
Дай мне слов, непригодных для лозунга,
клеветы, суеты, навета.
Чтобы мог говорить про озеро,
про душистую спелость луга —
дай, пожалуйста, больше воздуха,
ярче света и дольше звука;
облака и траву несмятую,
осторожную паутину.
И ещё, чтобы утка с утятами
разговаривала по-утиному.

* * *

От логовищ львиных,
от барсовых гор
выходит в долины
созвездий узор —
и целые гроздя
созвездий висят
где лисы елозят
и учат лисят.

Гранатовых яблок
тугие плоды —
и лунный кораблик
вдоль кромки воды.
И нега испита,
как сладостный сон:
и спит Суламита,
и спит Соломон.

И снится им:
город
пылает огнём
и взрывом распорот
оконный проём;
то пики, то ломы,
то шашки востры; —
расстрелы, погромы,
кресты и костры.

* * *

Что задумал — воплоти,
время не теряй;
рядом ангел во плоти? —
вот тебе и рай.
Ну а если далеко,
и совсем не твой —
отпусти его легко,
по ночам не вой.

Если утром свежий снег —
ты проспал пургу.
Руки вниз и руки вверх —
ангел на снегу.
Снег растает. На траве
больше нет следа.
Лес — угрюмый интроверт —
голый до стыда.

Где-то в детстве, над Невой —
ангел золотой.
Там, на скользкой мостовой
шлёпнешься — не вой.
Вышел месяц, вынул нож —
тыщу лет назад —
вышел в небо звёздный ковш,
зачерпнул закат.

* * *

Но если бы ты
была рядом со мной —
не россыпью звёздной —
не белой луной,
не лесом холодным,
не мглой законной,
не ночью бессрочной,
привычно бессонной —
А просто была —
прозаично телесной:
то жаркой,
то сонной,
то лёгкой,
то тесной;
с дыханием утренним,
с запахом кожи —
родным до безумия,
близким до дрожи.
Тогда бы я ожил,
дышал на ветру.
Тогда бы живым я проснулся к утру.
И вместе с травой,
среди клёнов пустых
я смог бы, пожалуй,
дожить
до весны.
Дожить до весны
среди этих пожаров,
наверное, смог бы —
да,
смог бы, пожалуй.
И снились бы мне
невозможные
сны
о том, что несложно
дожить
до весны.

* * *

Всё живое хочет жить —
даже мрачная медведка,
если поймана,
нередко
из ведёрка ищет нить,
чтобы выбраться и жить.

Даже сломанная ветка
(будто девочка тайком
прикурила сигаретку) —
засветилась огоньком —
светло-розовым листком.

Или вот лягушка тоже
(всяк живущий —
осторожен
потому что Бог велик)
малахитовую кожу
прячет в светлый базилик —
исчезает в тот же миг.

Всё живое хочет жить.

Ящиков
почтовых
клетка.
Одинокая соседка —
престарелая весьма —
ждёт который год
письма.
Но опять пришла газетка —
«Где, когда и что купить» —
впрочем,
это
тоже
нить.

* * *

Спроси, зачем? — затем, что жил,
смотрел в окно —
иностранец пассажир
в чужом метро.
В чужих домах сжигал дрова
в ночной печи;
к тебе клонила голова —
к чужой в ночи.

Чужая, да, но кто родней —
роднее нет:
так проступает в полотне
двойной портрет —
сначала он, затем она —
чья тут вина? —
и комната затемнена,
задремлена.

Цепляют ветки за окно,
застужен лес —
он тоже с нами заодно,
он нужен здесь;
и то же время-казначей —
отсчёт ночей,
и лунный свет — спроси, зачем —
опять ничей.

Так застывает в полутьме
плечо и плед —
так теплится на полотне
двойной портрет —
двойной ответ одной вине —
по всей длине —
на этой смятой простыне —
тебе и мне.

Я узнаю себя. А ты?
Не узнаёшь? —
среди бескрайней пустоты,
смотри, — похож?
Спроси, зачем? — затем, что жил,
чертил пунктир —
иностранец пассажир
чужих квартир.

ОБ АВТОРЕ

***Игорь Джерри Курас** — поэт и прозаик. Родился в Ленинграде, с 1993 года живёт и работает в Бостоне. Автор пяти поэтических сборников. Публиковался в журналах «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый Берег», «Новый Журнал», «Нева», «Сура», «Новый Свет» и др. Лауреат премии журнала «Textura» по прозе (2019), лауреат премии журнала «Сура» по поэзии (2019), лауреат конкурса прозаической миниатюры имени Ю. Н. Куранова (2022), призёр поэтической премии «Фонарь, 2022» (Издательский дом «Перископ-Волга»).*

Игорь ЩЕПЁТКИН

НОВЕЛЛЫ

ПОСЛЕДНЕЕ БАБЬЕ ЛЕТО

Конец сентября в Монтане — индейское лето: ласковое солнце, голубое небо, воздух прозрачный и тёплый. Хорошее время для отдыха!

— Алёна из Золотой Долины пригласила в гости. Может, съездим? — спросила жена. — Ведь ни разу не были у них на ранчо.

Зная из разговоров, что муж Алёны разводит лошадей, я мигом согласился. Но подоплёка была не в лошадях, вернее, не только в них. Последние два года нас мало кто приглашал, да и мы тоже — никого. Потом началась война, а с нею — хроническая депрессия, ничего не хотелось делать. Утром просыпались — сразу в инет за новостями из Украины. В марте думали, что война закончится к лету, летом — что к осени, но осенью пришло осознание, что это надолго и нужно как-то жить. Я отвлекался от тяжёлых раздумий, проводя свободное время на пасеке с пчёлами, жена стала больше вязать. Увидеть новых людей, пообщаться на русском — это же здорово! Едем! Развеемся немного!

Почти двадцать лет назад мы переселились в Бозман, небольшой городок между Йеллоустонским заповедником и началом реки Миссури. Оба работаем в местном университете. Дети выросли, разъехались по большим городам. А нам нравится здесь, на природе. Фильм «Там, где течёт река» с Брэдом Питтом в главной роли — про наши места. Живём в одноэтажном доме с видом на горы. Иногда вдаль пролетает воздушный шар — простор!

До Золотой Долины на машине почти три часа — к вечеру вернёмся. После завтрака, выгуляв собаку и насыпав ей корма на день, отправились в дорогу. Я прихватил с собой гостинец — банку свежего мёда, неделю назад успел откачать.

Выехав на автостраду, пересекающую Штаты с запада на восток, преодолели перевал, за которым на берегах реки Йеллоустон раскинулся небольшой городок Ливингстон. Полвека назад недалеко отсюда у Соснового Ручья жил знаменитый Ричард Бротиган, последний битник, участник событий «лета любви». Но стоит ли завидовать, когда тебе шестьдесят?

Наслаждаясь видом, едем дальше. Справа — хребет Абсарока, слева вдалеке — Сумасшедшие горы, но до них — мили и мили бесконечной пожухлой прерии. Дожди во второй половине лета — редкое здесь явление. Размышляя о топонимике гор, невольно подумал: «А не сумасшествие ли ехать на пир во время войны?»

У посёлка Большая Лесина, а это только треть пути, свернули с автострады и, оставив позади горы, поехали на север по местному хайвею до Харлоутона. С обеих сторон всё ещё тянулась серая прерия. Этой дорогой мы пару раз ездили на реку Миссури на рыбалку. Сегодня в первый раз повернули от Харлоутона на восток.

Позвонили друзьям: опаздываем, начинайте без нас.

Сложно было вести машину в предвкушении застолья, сосало под ложечкой. Жена вязала «что получится» и в какой-то момент предложила сесть за руль. Я отказался — что мне делать, если не вести машину, вязать не умею...

Вдоль обочин всё чаще встречали изуродованные туши оленей. Начал считать: один, два, три... В какой-то момент бросил это дело, решив сосредоточить внимание на дороге — как бы не сбить самому.

Наконец навигатор показал, что мы недалеко от цели. Свернули на гравийку. Боковым зрением я увидел малопригодные для жилья вагончики, брошенные ржавые авто. В голове мелькнула надежда: это не наши. Петля по буграм, дорога вывела на небольшой холм. На нём стоял крепкий бревенчатый одноэтажный домик, несколько машин было припарковано на поляне. По описанию похоже: наши!

Хозяйка дома встретила радушно. Познакомила с гостями. Гости — пять женщин из округа, примерно моего возраста (плюс-минус пять лет), приехали без американских мужей. Это естественно: хочется ведь, не напрягаясь, поболтать по-русски.

За домом дымился мангал. Джефф, хозяин дома, жарил котлеты для бургеров. Он был одет в джинсы и светлую рубашку, поперёк живота — кожаный ремень с огромной сияющей бляхой. Короткая седая борода красиво обрамляла его полное лицо. Я подошёл составить мужскую компанию. Разговорились.

Джефф раньше служил в армии. Был ранен и, выйдя в отставку, решил посвятить себя давней мечте — разведению лошадей и, может быть, созданию новой породы. А почему нет? Купил вот этот большой участок земли — он сделал широкий жест — отсюда край собственности не был виден.

Мы прошли в дом. Огромный стол был уже уставлен холодными и горячими закусками. Алёна первой подняла бокал. Оказалось, эта изба была построена специально для встреч с друзьями, а их семейный дом — дальше за холмом. Выпили за друзей. Закусили бутербродами из чёрного хлеба с красной икрой. Потом был тост за мир. Выпили и за него, наполнили тарелки... Женщины обменивались кулинарными секретами.

После сытного обеда Джефф предложил пройтись — посмотреть на лошадей. Мы с женой и две женщины из гостей присоединились к экскурсии.

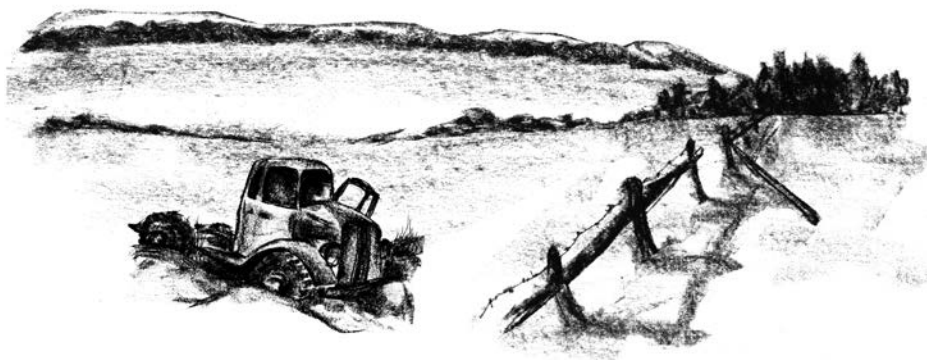
По дороге Джефф рассказывал о своём увлечении. В юности он учился не очень хорошо. В наказание строгий отец отобрал все книги, кроме учебников. Но Джефф бегал в библиотеку, читал всё о лошадях. Окончив школу, пошёл по контракту в армию. На службе старался попасть туда, где были лошади.

Мы шли через пустырь за Джеффом. По пути я сорвал веточку с куста полыни, растёр её на ладони — душистый запах прерии! В стороне виднелся остов старого грузовика времён Великой депрессии. Было затишье. Я вдруг представил, что при сильном ветре этот рыжий от ржавчины остов должен петь. Петь голосом старого века! Будь я ребёнком, прыгнул бы в недра этой махины. Крутил бы руль, нажимал педали, искал бы клаксон — погудеть: интересно, какой у него звук?

Мы прошли мимо — в новый век. Век красивых, породистых лошадей. Пишу так высокопарно, поскольку в тот момент был немного возбуждён от смешения чувств. Живой Дикий Запад! Но такой близкий моему сердцу! На секунду я прикрыл глаза, втянул в лёгкие воздух — чувство, будто очутился в родной деревне.

Минут через пять показались загоны. Всё говорило о том, что лошадям здесь раздольно. Обильно унавоженная территория была окружена стальными нитями оголённых проводов, протянутых по периметру от столбика к столбiku на сотню ярдов. Они сверкали на солнце и были под напряжением.

Отключив рубильником ток и приподняв провод, Джефф нагнулся и перешёл на сторону животных. С серьёзным выражением лица, ши-

роко расставив крепкие ноги, добрых полчаса он говорил о приёмах тренировки, отборе лошадей, их продаже на выставках. Вскоре пот выступил у него на лбу — он был старше меня, несколько грузен, да и давнее ранение сказывалось.

Красивая молодая кобылица тёмной масти привлекла моё внимание.

— Как зовут? — спросил я.

— Командир. Моя дочь дала имя, — ответил Джефф.

«По-русски будет Командирша», — подумал я.

В отдельном загоне стоял конь. Заметив мой интерес, он приблизился и, поводя ушами, выпрямил шею. Перебирая копытами землю, фыркнул широкими ноздрями и, тряхнув головой, неожиданно повернулся задом. Потом махнул хвостом над своим широким боком, открывая могучий пах производителя. Увидев это, Джефф с силой ударил коня в бок — в наказание, как объяснил он потом.

Когда мы вернулись за стол, стало смеркаться. Светлана, одна из гостей, снова подняла бокал за мир. Здесь я уже не выдержал и, раздражённо поправляя очки, извинился за аллаверды:

— За мир — это понятно, все хотят мира. Но давайте внесём ясность. За какой мир? Может быть, Россия выведет войска с территории Украины? Вот и будет мир!

К моему удивлению, с разных сторон послышались голоса: «А как же Донбасс?» «А нацисты?» «Там же бандеровцы!»

Жена начала высказываться в мою поддержку, но хозяйка, предвидя обострение дискуссии, твёрдо сказала:

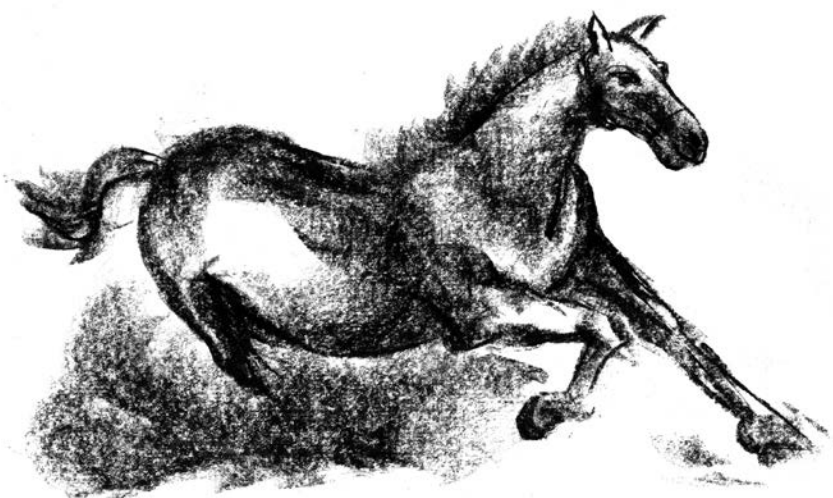
— Мы договорились политику не обсуждать!

Я притих. Что было делать, всё-таки в гостях. Минут через десять мы переглянулись с женой и, сославшись на позднее время, вышли

из-за стола. Понял ли Джефф суть конфликта, для меня осталось тайной: разговор был на русском. Но мы тепло пожали друг другу руки, договорившись о рыбалке в следующем году.

Хозяйка дома и Рита из Большой Лесины вышли нас проводить до машины, по дороге сказали:

— Мы думаем как вы. Но, понимаете, у нас уговор: о политике ни слова. Ведь так хочется нормального общения, тепла... До встречи! А мы ещё посидим с девчонками.

Мы тронулись в путь. Жена с недоумением промолвила:

— Как такое может быть? Стоило им забираться в такую глушь, на другой конец Земли?

Я в ответ:

— Что удивительного? Глобализация... Всё переплетено, море нитей... Можно запутаться. А впрочем, какая разница? Чужая душа — потёмки.

Вскоре надвигающаяся темнота покрыла прерию. Встречных машин не было, и я включил дальний свет фар.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали.

В ту ночь мне снилась грациозная белая лошадь. Лошадь ржала.

Наутро подморозило — бабье лето прошло.

Впервые я вдруг осознал, что, по сути, давно живу в эмиграции.

СТАРЫЙ «ФОРД», НОВАЯ ЖИЛИЦА

Время приближалось к полудню, но для меня этот весенний день даже не думал наполняться смыслом. Я бесцельно слонялся по лаборатории, голова совсем не соображала — какая-то безотрадная пустота. «Нужно срочно выпить кофе, взбодриться, начать смотреть на вещи позитивно», — решил я.

Второй уровень биологической безопасности — не такой уж серьёзный, но употреблять напитки на рабочем месте запрещено. Я взял термос и, выйдя во двор исследовательского центра, направился к большому искусственному водоёму на его территории.

Всего месяц назад я наконец-то обнаружил закономерность между размером морфофункциональных блоков растущего эмбриона и длиной волн дифференцировки Гордона. Однако в минувший понедельник заведомо неожиданно объявил о скором закрытии лаборатории — финансирования осталось всего на четыре месяца. Искать новое место работы в этой ситуации было бы не таким уж глупым занятием. А что делать с неопубликованными результатами исследований? Ведь это же прорыв в науке! Но одновременно заниматься поиском работы и писать статью было выше моих сил.

О грядущем сокращении я поведал Анфисе, давней знакомой из соседнего отдела.

— А вот не надо было США поддерживать Украину! — с ходу сказала она.

У меня отвисла челюсть.

— Шеф сообщил, что грант не получил... В последние десять лет такое нередко происходит в США. За эти годы треть лабораторий в нашем центре закрылись.

— Ты же сама это прекрасно знаешь... — начал было я, но осёкся, уловив боевой настрой собеседницы.

Продолжать диалог не было желания, а ведь когда-то вместе слушали Окуджаву! Круг друзей и так сжимался, как шагреневая кожа. Их можно было пересчитать по пальцам одной руки. «А я стараюсь жить по совести», — иногда говорила Анфиса, когда по каким-то вопросам наши мнения расходились.

С такими мыслями я подошёл к водоёму, над которым поднимался туман. Этот пруд зимой никогда не замерзал — по-видимому, где-то близко выходили тёплые источники — и круглый год был излюблен-

ным местом для уток. И верно: пара птиц выплыла из-за торчащих стеблей пожухлого прошлогоднего рогоза и, ожидая корма, закружилась у берега. Я поставил термос на устроенный рядом столик, похлопал по пустым карманам и развёл руками, показывая уткам, что для них ничего нет.

Садиться на холодную металлическую скамейку не хотелось. Я отчётливо смотрел на водную гладь, на отражения ив, склонённых над водой у противоположного берега. За ними белели снежные вершины горного хребта, окаймлённые голубизной неба, — характерный для Монтаны пейзаж.

Я любовался великолепным пейзажем, но даже он не смягчал угрюмого настроения, близкого к отчаянию. Была ещё одна причина этому: утром шеф спросил, всё ли у меня о'кей. «Очевидно, проявляет повышенную внимательность к персоналу. Мало ли что может случиться после объявления такой неприятной новости», — поначалу подумал я.

— Ты что, дома не ночуешь? В машине спишь? — пояснил он вопрос. Я смотрел на шефа, не понимая, о чём речь.

— Спальник в твоей машине, одежда...

«Видимо, какой-то бомж залез в мой старый „форд“, двери-то не закрываются», — дошло до меня. Эта машина надёжно работала более десяти лет, но с прошлого года у неё стала барахлить трансмиссия. Возле дома места не нашлось, и я поставил «форд» на всю зиму возле нашего центра. Мало ли, пригодится... Бережливость — моя вторая натура, выстраданная в России.

Идти проверять «форд» не хотелось. Оттягивая этот момент, я стоял у кромки воды и отхлёбывал маленькими глотками кофе из термоса. Наконец, сделав последний глоток, нехотя зашагал к стоянке. Подойдя к машине, заглянул в салон через запylённое стекло. Мои опасения подтвердились: на заднем сиденье был расстелен чей-то спальник. Осторожно приоткрыв дверь, пощупал мешок — он был пустой. Я с облегчением вздохнул: «Слава богу, никого. А если бы окоченевший труп? Ночью морозно — напился, уснул, и поминай как звали! Отвечай потом на idiotские вопросы полицейских. Поди докажи, что ты ни при чём».

В машине было много чужих вещей, радиоприёмник, какие-то флаконы, несколько банок консервов. Я потянул носом воздух — атмосфера внутри была вполне сносной, никакого намёка на затхлость... Прикрыл дверь, оглянулся — вокруг ни души.

«Что ж, пускай живёт. Не жалко. Даже хорошо, что машина кому-то пригодилась, стала пристанищем в тяжёлое время», — благосклонно

решил я. Что делать, во время пандемии и после неё количество бездомных в городе заметно увеличилось.

Я вернулся в лабораторию, надеясь сосредоточиться на работе. Но любопытство одолевало. Каждый день подходил к машине, заглядывал внутрь — никого. Приезжать сюда вечером или рано утром, чтобы наверняка застать хозяина вещей, совсем не хотелось.

Наконец на следующей неделе я увидел, как в неглубокой ложбине сразу за парковкой мелькнула лиловая вязаная шапка. Я приблизился, крикнул:

— Хай!

Человек порывисто встал с земли, отряхнулся, поднял голову. Это была женщина средних лет с одутловатым, испитым лицом, в синих джинсах и потёртой куртке. В руке она держала нечто похожее на записную книжку. «Алкоголичка, однако, — прикинул я. — Везёт же мне на знакомства». Потом спросил:

— Это ваши вещи в моей машине?

— Мои, — ответила она осипшим голосом. Её голубые глаза поразили спокойствием и глубиной.

— Понимаю. Житейские трудности, с кем не бывает, — миролюбиво продолжил я.

— У меня есть адвокат, — с недоверием, но твёрдо сказала она и сжала тонкие губы.

Я говорил по-английски с сильным акцентом, и ожидаемый вопрос не замедлил себя ждать:

— Вы русский?

— Русский, но войну в Украине не поддерживаю, — произнёс я поспешно. — Неслыханное злодейство. Байден молодец, сразу Путина раскусил.

После нескольких фраз об ужасах войны разговор коснулся моей работы.

— Убиваете животных? — спросила она; на её лице мелькнуло болезненное выражение страха.

— Что делать, наука требует жертв, — пожал плечами я.

— А у вас в машине мышка живёт, — сообщила женщина.

— Мешает по ночам?

— Шуршит немного, но я крепко сплю.

— В прошлом году тоже мышь жила в багажнике, — улыбнулся я. — А ещё осы летом гнездо устроили в наружном зеркале. Однажды кролик на стоянке заскочил под машину и умудрился за что-то там зацепиться. К счастью, благополучно со мной доехал до дома, потом убежал... А вы, значит, новая жилища будете?

Таким ли на самом деле был разговор? Не уверен, английским я не очень-то владею. Да и технические названия трудно вспомнить сразу. Я активно жестикулировал, тыкал пальцем, объясняя, что не в зеркале заднего вида, а сразу за ним — там, в корпусе, где находится его поворотный механизм, было осиное гнездо... Женщина, кивая, недоумённо следила за моими движениями.

Мы ещё немного поговорили о любви к животным. Выражение лица Греты — так её звали — быстро менялось, переходя от оживления к унынию, которое вначале я по неопытности принял за спокойствие. Я понял, что у неё восприимчивая натура с обострённым чувством справедливости. Она рассказывала о каких-то пустяках, наматывая на палец прядь светлых волос. Оказалось, что у Греты раньше жил попугай, но он улетел.

Я слушал её с нескрываемым интересом и невольно думал: «Красивая была когда-то женщина». Если бы я знал тогда, что буду описывать эту встречу, обязательно расспросил бы, давно ли она ведёт кочевой образ жизни, где работала до того как... Но в тот день, видно, сочувствие одержало верх. Да и кто вывернет незнакомцу всю свою подноготную? Говорить ей, что, возможно, скоро тоже буду безработным, я не стал.

— Если вам негде остановиться, можете пожить здесь неделю, максимум две. В конце апреля я должен убрать машину, — сказал я на прощание.

— О'кей, — обронила она с улыбкой.

«Женщина без определённых занятий, алкогольчика, залезла в мою машину, а я, который раньше ни разу не подал денег ни одному бомжу ни в России, ни в Штатах, перед ней оправдываюсь, что русский и что убиваю бедных животных...» — рассуждал я, возвращаясь в лабораторию.

— Как на работе дела? — спросила жена, когда я усталый вернулся домой.

— Да так, ничего... — уклончиво ответил я.

— Ищешь работу?

— Ищу, — соврал я. Про сомнительную встречу утаил.

Ночью я ворочался, переживал, не мёрзнет ли, не голодает ли Грета. Представил, как она, кутаясь в плед, смотрит в зеркало заднего вида — поправляет волосы... «Если б сам жил в машине — занавесочки повесил», — подумал я, засыпая.

Наступивший день был безоблачным. Гнетущее настроение пропало, и я активно принялся за написание научной статьи, почти забыв о старом «форде» и его жилище. И неудивительно! Ведь свою новую «тойоту» я всегда оставлял перед входом в научный центр, не заезжая на основную стоянку... Здесь нелишне добавить, что увлечение наукой меня и раньше спасало от благородных порывов души.

Через две недели между утиным прудом и дальней парковкой зацвела черёмуха. Из окна лаборатории видны были её пышные белые кроны. В очередной раз взглянув в окно, я вдруг вспомнил про свой «форд» и, тотчас вскочив, выбежал на улицу. Нарочито глубоко вдыхая черёмуховый запах, словно именно для того и покинул лабораторию, я будто случайно подошёл к брошенной машине — в ней находились всё те же чужие вещи.

«Может быть, всё само собой рассосётся. Ведь обещала же съехать...» — с ребяческой наивностью думал я, одуревая от весны.

Вскоре на научном семинаре я встретил Анфису.

— Говорят, ты притон устроил. Сколько тебе платят? Спишь с этой женщиной? — съязвила она.

— Ничего подобного. Кто тебе такое сказал? — начал защищаться я.

Анфиса застигла меня врасплох. «Как бы до жены слухи не дошли, да и характеристику на работе можно испортить, потом не устроишься на новую, — запоздало спохватился я. — Пора с благотворительностью

заканчивать. Какой я всё-таки мечтатель!» — подосадовал я на себя, на минуту пожалев, что не взял номера телефона своей жилицы. Хорошо бы предупредить, не на помойку же выносить её барахло.

Делать нечего. В тот же день я аккуратно скатал спальный мешок Греты, положил под ближайший куст можжевельника. «А ведь мог сразу сказать ей, чтобы выметалась немедленно. Раз не сказал, значит, не бессердечный, как некоторые... Луковку подал алчущей...» — размышлял я, с брезгливостью выгребая вещи. Потом зарядил давно севший аккумулятор, кое-как завёл машину и отогнал в автосалон на запчасти, предварительно открутив металлическую пластину с регистрационным номером. Я знал одно место, где этот номер мог пригодиться. Когда закончится война, поеду в свой сибирский город. Там есть рюмочная, на стенах которой прикручены номерные знаки автомобилей со всего света. Пару лет назад (вроде недавно, а будто сто лет прошло!) был на родине, пообещал хозяину того питейного заведения привезти из-за границы раритет — номер с монтановской машины...

В конце июня меня уволили, и три месяца я получал пособие по безработице, еженедельно вкладывая чеки в семейный бюджет.

Отличный был отдых, лучше, чем в отпуске. Много досуга!

За это время прочёл дюжину книг — страсть как люблю литературу! В юности сочинял фантастические рассказы про сепульки, позднее — истории о своей жизни. Теперь и сам не знаю, что в ней правда, что выдумка... И удивительно — в эти три месяца не было никакого дела до политики! Даже съездили с женой к океану ненадолго. Но получать unemployment чеки невозможно до бесконечности. Уезжать из Монтаны не хотелось — один из немногих штатов в Америке с чистым воздухом. А природа!..

В октябре наконец нашёл работу в отделе по растениеводству. Изучаю теперь развитие семян ячменя, чтобы не только в оранжерее можно было выращивать такие колосья! Надеюсь, это будет кульминацией моей карьеры.

Иногда вспоминаю свою жилицу. Может, ей нужна помощь? Интересно было бы спросить, что она думает про сектор Газа...

А сегодня я не выдержал. Поддался соблазну. Собрал со стола остатки хлеба и поехал к прежнему месту работы. Была суббота, и я подумал: хотя бы покормлю уток.

Приехал — нет утиноного пруда! Засыпали?! Не поверив глазам, дважды, трижды обошёл место, где полгода назад был водоём, — один ровный газон, припорошённый снегом.

Я стоял нахохлившись, как воробей — самая что ни на есть бедная птица, — и ел с ладони хлебные крошки. Потом долго смотрел вдаль, на холодные вершины хребта, и вдруг почувствовал, как необратимо, с невыносимой быстротой ускользает реальность. «Бытие моё... житие моё», — усмехнулся я про себя. Что было делать, достал из кармана записную книжку, вывел: «Время приближалось к полудню, но...»

Смогу ли к этому добавить хотя бы десять тысяч знаков с пробелами, чтобы удержать несколько мгновений? Так, ради забавы и любви к людям.

ОБ АВТОРЕ

Игорь Щепёткин родился 16 апреля 1962 года в г. Новосибирске. Обучался в Томском медицинском институте (1980–1985) по специальности биофизика. Участник экспедиций в зону падения Тунгусского метеорита. С 1985 по 2004 год работал в НИИ онкологии (г. Томск).

С 2004 года и по настоящее время работает научным сотрудником в Montana State University, Bozeman, MT, USA. Доктор медицинских наук. Автор более 150 научных статей в области медицины и биологии.

Автор рассказов и автобиографической прозы. В 2021 году в издательстве «Союз писателей» (Новокузнецк) вышел сборник рассказов «Под куполом Римана». Книга стала призёром на конкурсе «Книга года: Сибирь—Евразия» (2021).

В 2024 году в издательстве «M•Graphics Publishing» (Boston, MA, USA) вышел второй сборник рассказов «Тёмная комната, рыжий чемодан». Член Союза писателей Северной Америки (2022).

Михаил ЛЕБЕДЕВ

АДИЙ

*ФАНТАСМАГОРИЯ В ПСИХБОЛЬНИЦЕ И ЕЁ ОКРЕСТНОСТЯХ
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АДИЙ (АРКАДИЙ) КУТИЛОВ, поэт
ИВАН ПОНЫРЁВ, главврач ПНД
ФЁКЛА, муза
ГЕННАДИЙ ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ, историк
ВИКТОР ЧЕКМЕНЁВ, журналист
ЛИДИЯ РАЙКОВА, женщина
ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, президент
ЕГОР ЛЕТОВ, пациент ПНД
ЮРИЙ АНДРОПОВ, пациент ПНД
ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО, поэт
ЛЕОНИД ВОЗЛЕЖАЕВ, губернатор
МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, старшая медсестра ПНД
ТАМАРА, муза
1-Й САНИТАР
2-Й САНИТАР
ОФИЦИАНТ
СОТРУДНИКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Одинокaя палaтa психоневрологического диспансера. На кровати, укрытый одеялом с головой, лежит человек. В его ногах сидит ФЁКЛА.

ФЁКЛА. Как там было-то у тебя? «Сидит и, тварь, покуривает»? Размер вроде не тот. Забыла, надо же.

Голос из-под одеяла. «Сидит и, падла, курит». Совсем ты уже, Фёкла.

ФЁКЛА. Точно.

Голос из-под одеяла. Куда уж точнее.

ФЁКЛА. Вставал бы ты уже, Аркаша. Новое время, новые песни. И я снова тут, при тебе.

Голос из-под одеяла. Адий, меня опять зовут Адий.

ФЁКЛА. Ну, пусть Адий, я же не против. Только, знаешь, это твоё настоящее имя и тогда никто знать не хотел, а теперь и вообще ни один читатель не поймёт.

Голос из-под одеяла. Наплевать.

Скажем им, что я рэпер, рэпер Адий МС.

ФЁКЛА. Ну какой из тебя рэпер? Я бы к тебе тогда и близко не подошла. Насмотрелась я нынче на них, хуже Пелевина, честное слово.

Голос из-под одеяла. Куда уж хуже.

ФЁКЛА. Девятый час, за окном вон почти светло. Вставай, поработаем как прежде.

КУТИЛОВ (*сбрасывает одеяло с головы*): Ну, допустим, встал. И кому от этого лучше стало?

ФЁКЛА. Не знаю, поглядим. С воскресеньем, кстати.

КУТИЛОВ. «С воскрешением» нужно говорить. Дура же ты у меня, всё-таки.

ФЁКЛА. Кому-то и душой нужно быть. Только воскресенье сегодня: вчера суббота была, завтра — понедельник.

КУТИЛОВ. Выходной, значит.

ФЁКЛА. Ну.

КУТИЛОВ. Кормят здесь завтраком-то?

ФЁКЛА. Должны. Пойду узнаю.

ФЁКЛА уходит. АДИЙ встаёт с кровати, заправляет её строго, по-армейски. Подходит к окну, смотрит сквозь зарешечённое стекло.

КУТИЛОВ. Снег. Соскучился по снегу больше, чем по водке. Выпустят — поеду в Бражниково, там север, там вообще сугробы по пояс. Только к кому? Меня в деревне уж и не помнит никто. Ладно, разберёмся. Живу от снега и до снега, зима — как обморок земли... Ну так, собственно, и вышло: зимою жить, летом помирать. Как тогда, в июне, в тихом сквере у транспортного института... Давно это было, давно.

Входит 1-й САНИТАР с ведром и шваброй.

1-Й САНИТАР. Уборка. Ложись, не шастай. Вчера доставили, что ли? Ноги поднимай. Расселся, понимаешь. Чего молчишь-то? Вчера, спрашиваю? В субботу?

КУТИЛОВ. Наверное.

1-Й САНИТАР. «Наверное». Всё у них «наверное», нет чтоб точно ответить. Гордые они у нас какие. Завтрак не просп, столовая направо по коридору, за постом. Ложка с кружкой есть хоть?

КУТИЛОВ. Не знаю.

1-Й САНИТАР. Не знает он. А не знаешь, в тумбочке посмотри.

*1-й САНИТАР, закончив уборку, собирается уходить.
Сталкивается в дверях с МАРИЕЙ СЕРГЕЕВНОЙ.*

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Там в двенадцатой кто-то форточку оставил открытой на ночь, снегу намело в палату.

1-Й САНИТАР. Я только с утра заступил.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Да я не в упрёк. К тому, чтобы подоконник про-
тереть не забыл... Так, а это кто у нас тут новенький объявился?
1-й САНИТАР. Не знаю, похоже, ночью привезли.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Всё, иди в двенадцатую. И форточку там закрой,
я не дотягиваюсь.

1-й САНИТАР уходит.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Фамилия как?

КУТИЛОВ. Кутилов.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Видок у тебя, конечно, винтажный. Мишка вон
олимпийский на футболке, флаг советский. Из коммунистов,
что ли?

КУТИЛОВ. Из анти.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Чего, «анти»?

КУТИЛОВ. Из антикоммунистов.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. А... Работаешь где?

КУТИЛОВ. Нигде. Поэт я.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Поэт, ясно. Первый раз у нас?

КУТИЛОВ. Сложный вопрос.

В палату заглядывает 2-й САНИТАР.

2-й САНИТАР. Главный спрашивал вас, Мария Сергеевна. А этот отку-
да здесь нарисовался?

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Так ты же вчера дежурил.

2-й САНИТАР. Не видел я его, не размещал.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Он из воздуха, что ли, в палате воплотился? Кто
дежурный врач был?

2-й САНИТАР. Плешников. Но он сменился уже, уехал... Понырёв
ждёт, пойдёмте уже.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Беда мне с вами, работничками. Пошли.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА и 2-й САНИТАР уходят.

КУТИЛОВ. Суетно здесь, всё-таки. Отвык. Курить хочется. И на волю
бы как-нибудь.

Входит ФЁКЛА.

ФЁКЛА. Завтрак накрывают уже. Там со своей ложкой и кружкой нужно. Вот, достала тебе посуду.

КУТИЛОВ. А курево?

ФЁКЛА. Держи. «Беломора» тут нет сейчас, какие-то с фильтром нашла. Говорят, самые крепкие. Курить можно только на улице, порядки теперь такие.

КУТИЛОВ. А бумагу с ручкой?

ФЁКЛА. Так сказал бы сразу, а то кобенился всё утро: «Адий я теперь», «рэпер», «писать ничего не хочу». А то я тебя не знаю. Пошла за бумагой.

ФЁКЛА уходит. КУТИЛОВ открывает форточку, закуривает.

КУТИЛОВ. Муза приходит и уходит, приходит и уходит. И я вслед за ней ухожу и прихожу, ухожу и прихожу. Ты — конвоир своей мечты, куда она — туда и ты... Стихи какие-то, кому они нужны? И тогда никому, и сейчас никому... А что ты знаешь про сейчас-то? Оттуда не видно было. Ну, попробуем, поглядим. Вот Фёкла бумагу принесёт — и проверим.

КУТИЛОВ выбрасывает бычок в форточку, берёт кружку и ложку, собирается на завтрак. В палату входят ИВАН ПОНЫРЁВ, МАРИЯ СЕРГЕЕВНА, 1-й САНИТАР, 2-й САНИТАР.

ПОНЫРЁВ. Накурено в палате. Для кого табличка висит «курить запрещено»?

КУТИЛОВ. Откуда мне знать? Может, для Брежнева. Тот курящий был. Или для санитаров.

1-й САНИТАР. Шутник.

2-й САНИТАР. Мы некурящие.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Разъясним пациенту, Иван Николаевич. Обязательно разъясним.

ПОНЫРЁВ. Хорошо. Итак, в журнале поступлений никакого Кутилова не зафиксировано, до дежурного врача дозвониться не удалось. Потрудитесь объяснить, как вы очутились в этой палате.

КУТИЛОВ. Это сложно.

ПОНЫРЁВ. Ничего, мы ко всяким объяснениям привычные. Но всё же постарайтесь попроще.

КУТИЛОВ. Если попроще, то неизвестным науке способом. То есть, я был там, и меня отпустили. Временно. Я не просил, но отпустили. Почему-то сразу сюда, по старой памяти, наверное.

ПОНЫРЁВ. То есть, лечились уже у нас? С каким диагнозом?

КУТИЛОВ. Лечили, но давно. А диагноз известный: поэт.

ПОНЫРЁВ. Мария Сергеевна, поднимите потом архивы, проверьте пациента Кутилова. А зовут вас?

КУТИЛОВ. Адий.

ПОНЫРЁВ. Адий, значит. А отчество?

КУТИЛОВ. Когда-то числился и Аркадием. Отчество Павлович.

ПОНЫРЁВ. Аркадий Павлович Кутилов. Диагноза, выходит, не помните.

КУТИЛОВ. Поэт.

ПОНЫРЁВ. Ладно, поэт, снимайте футболку. Послушаем лёгкие. Дыхание бронхиальное, жёсткое. Курите? Ах, да. Татуировка занятная. Сидели?

КУТИЛОВ. Отбывал.

ПОНЫРЁВ. За что?

КУТИЛОВ. По двести девятой, за тунеядство.

1-Й САНИТАР. Лет двадцать уже как за тунеядство не сажают.

2-Й САНИТАР. А зря.

ПОНЫРЁВ. Кутилов, Кутилов... Что-то крутится такое в голове. Во втором ПНД, в Шишках не обследовались?

КУТИЛОВ. Нет.

ПОНЫРЁВ. Всё равно фамилия знакомая... Значит, поэт, да?

КУТИЛОВ. Да.

ПОНЫРЁВ. Ну, прочтите тогда что-нибудь из вашего, из последнего тогда.

КУТИЛОВ. Из последнего? Ну, например.

*Меня убили. Мозг втоптали в грязь.
И вот я стал обыкновенный жмурик.
Моя душа, паскудно матерясь,
сидит на мне. Сидит и, падла, курит!*

2-Й САНИТАР. Не выражаться тут!

КУТИЛОВ. А где ещё самовыражаться? На воле не дают. Только здесь.

ПОНЫРЁВ. Это ничего, поэтам можно. Давайте-ка, Мария Сергеевна, мы этого Кутилова определим к председателю КГБ Андропову. Поэт должен быть ближе к народу.

КУТИЛОВ. Я ничего никому не должен.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. В девятую, к Миронову. Ясно.

ПОНЫРЁВ. И по облегчённой схеме пока: аминазин, феназепам и так далее. До Плешникова дозвонитесь всё-таки, разберитесь с ситуацией.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Обязательно. Сразу доложу.

*Все уходят. Санитары аккуратно контролируют движения
КУТИЛОВА. Через паузу в палату входит ФЁКЛА с папкой писчей
бумаги.*

ФЁКЛА. На завтрак, что ли, ушёл?.. А, в девятую, к «Андропову» перевели... Всё шепчутся, шепчутся как дети малые. Ему догляд нужен, стимуляция. А у этих одно средство, аминазин. Ничего не меняется в России, ничего.

ФЁКЛА уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

*Кабинет заведующего психоневрологическим диспансером.
За столом ПОНЫРЁВ читает ноутбук.*

ПОНЫРЁВ. Как он там декламировал-то, «мозг втоптали в грязь»? Ага, нашёл: «сидит и, падла, курит». Аркадий Кутилов, год смерти 1985-й. Фотография есть. А что, действительно похож. Пишут: «гениальный поэт-самородок», «запрет на любые публикации». Почему? А, вот: сидел за бродяжничество, проводил публичные политические акции, неоднократно помещался в психушку. В крышку унитаза вставлял портрет генерального секретаря и ходил с ним по городу. Потому и к нам, значит, помещался — ну, тогда ещё. Подражает, выходит, пациент своему кумиру, диссидентствует. Правильно, куда ещё сдавать потенциального иноагента, распространителя фейков? В ПНД, ясное

дело. Оттого, похоже, и вся эта секретность. Ну, у них там своя служба, у нас — своя. Запишем: диссоциативное расстройство личности, бред величия, всё под вопросом... Кутилов, значит? Ладно, посмотрим, что ты за поэт такой.

ПОНЫРЁВ нажимает кнопку на пульте с микрофоном.

Мария Сергеевна, доставьте ко мне пациента Кутилова. Спасибо.

ПОНЫРЁВ достаёт смартфон, набирает номер.

Валерий Николаевич, приветствую. Как съездили? Двух коз добыли? Удачно... В следующий раз обязательно, нынче никак не сложилось, на работе необходимо присутствовать сегодня... Беспокойное хозяйство, да... Неизвестно ещё у кого работа суматошнее... Валерий Николаевич, тут у меня пациент поступил, выдаёт себя за поэта Кутилова. Не по вашей линии его к нам вчера?.. Ну как, тот был асоциальный элемент, бомж, политический экстремист, по сути... Нет, я понимаю, что сегодня воскресенье. Завтра проверьте, пожалуйста, сообщите мне, как зарегистрировать пациента правильно, если он от вас... Кто стрелял-то? Вы и Олег Егорович? Молодцы, с полем вас.

В кабинет входят КУТИЛОВ, МАРИЯ СЕРГЕЕВНА и 1-й САНИТАР.

Нет-нет, на следующие выходные обязательно с вами на охоту, обязательно. Печёнка уже зажарилась? Ну, не стану задерживать. Приятного аппетита. Всего наилучшего.

ПОНЫРЁВ убирает телефон в карман.

КУТИЛОВ. Презираю охотников... Это что у вас?

ПОНЫРЁВ. Телефон, а вы что думали?

КУТИЛОВ. Вот так просто из кармана и звонить?

ПОНЫРЁВ. Просто из кармана и звонить, да.

КУТИЛОВ. Хренасе.

КУТИЛОВ берёт стул и садится на него посреди кабинета.

ПОНЫРЁВ. Да, присаживайтесь, не стесняйтесь.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Иван Николаевич, буйствует пациент-то.

ПОНЫРЁВ. Серьёзно?

1-Й САНИТАР. Андропова глушил реально, еле растащили. Может, на вязку его зафиксировать?

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Предлагаю сразу в изолятор.

ПОНЫРЁВ. Что ж вы так с места в карьер, Аркадий Павлович? У нас тут больница, а не юэфси.

КУТИЛОВ. Не что?

ПОНЫРЁВ. Ultimate Fighting Championship, Лига боёв без правил. Неважно. Так что вы с соседом не поделили-то, Аркадий Павлович?

КУТИЛОВ. Меня зовут Адий.

ПОНЫРЁВ. Ладно, пусть Адий. И?

КУТИЛОВ. Не люблю придурков.

ПОНЫРЁВ. Ну, мы все здесь личности неоднозначные. Заведение такое.

КУТИЛОВ. Настоящего Андропова я бы сразу замочил, без разговоров. А этот косит, придушивается.

ПОНЫРЁВ. К прочим талантам, ещё и диагност у нас объявился. Но вы же больше не будете, правда?

КУТИЛОВ. А смысл? Такого фраера раз под шконку загнать — и достаточно, проблема решена.

ПОНЫРЁВ. Ну, хорошо. Мария Сергеевна, ступайте обратно в отделение.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА уходит.

ПОНЫРЁВ вновь скроллит страницы в ноутбуке.

ПОНЫРЁВ. Что ж, давайте к делу. Когда впервые у вас обнаружилось раздвоение личности?

КУТИЛОВ. Личность у меня одна, реальности вокруг разные.

ПОНЫРЁВ. Допустим. Когда впервые обратились за помощью к психиатру?

КУТИЛОВ. Не я обратился, меня обратили. После того как из армии выгнали.

ПОНЫРЁВ. За что человека можно выгнать из армии?

КУТИЛОВ. Старшина две бутылки принёс. Собрались в ленинской комнате, а я там стишок сидел дописывал. Сел за стол, когда уже вторую допивали, а там антифриз оказался. В итоге я один в живых и остался.

ПОНЫРЁВ. То есть, токсический психоз?

КУТИЛОВ. Хрен его знает. Просто списали на гражданку после госпиталя, а они мне регулярно являться стали, сослуживцы-то. Ну и запил, чтобы от них отвязаться. Так что, обычный делирий мне в диагноз вменили.

ПОНЫРЁВ. В армии, значит, стихи ещё писать начали. Ну и как, публиковались?

КУТИЛОВ. Как сказать. Твардовскому в «Новый мир» стишки отправлял. Говорят, понравились ему. Но не срослось в итоге: где Твардовский и где алкаш Кутилов.

ПОНЫРЁВ. А я ведь тоже поэт, знаете ли. Только никому не говорите.

КУТИЛОВ. Развелось вас тут.

ПОНЫРЁВ. И тем не менее. Член Союза писателей России. Могу удостоверение предъявить.

КУТИЛОВ. Ментам предъявишь. Читай давай, поэт, послушаю.

ПОНЫРЁВ. Что, так сразу? Ну, извольте. Вот это, совсем коротенькое.

*Пошёл топиться — не сумел,
а возвращаться не хотелось.
Светало. Грезилось и пелось.
И плакал. Плакал и взрослел.*

1-й САНИТАР уважительно аплодирует.

Ну как? Здесь, видите ли, использованы исключительно глагольные формы. Нетривиальная задача, между прочим.

КУТИЛОВ. Вижу, что глаголы, а не разводной ключ. Можно и паюсную икру половником жрать, на выходе всё равно говно получится.

ПОНЫРЁВ. Что, действительно так плохо?

КУТИЛОВ. Ну, так себе. Да ты не расстраивайся, у других не лучше. Какого-нибудь Егора Исаева почитай, что ли, — вот там стопроцентное говно, патентованное Ленинской премией. Ты на его фоне, считай, Поженян какой-нибудь.

У ПОНЫРЁВА звонит мобильник.

ПОНЫРЁВ. Слушаю, Валерий Николаевич... Да, прошёл такой слух, потому и сижу здесь в воскресенье, документацию в порядок привожу, отделения полируем до блеска. Минздрав строгое ука-

зание прислал... — Точно будет? Сам, лично?.. Зачем ему психушка-то понадобилась?.. Выборы, ясно. Программа визита согласована, понимаю... В понедельник ждать? Железно?.. Понял, спасибо за информацию, Валерий Николаевич. Будьте здоровы.

Кладёт телефон на стол, крестится.

Пронеси, господи. Спаси и сохрани.

КУТИЛОВ. Не в ту инстанцию обращаешься. Это по другому ведомству.

ПОНЫРЁВ. Что? Откуда вам знать?

КУТИЛОВ. Оттуда.

ПОНЫРЁВ. Ладно, неважно... Значит, не понравилось вам моё стихотворение, Аркадий Павлович. А его, между прочим, журнал «Наш современник» опубликовал, и в поэтическом сборнике оно вышло, «Туманные рассветы» назывался. И две книги стихов у меня уже есть. За свои деньги выпустил, но всё же, всё же, всё же.

КУТИЛОВ. А меня «Молодой сибиряк» публиковал, даже два раза.

ПОНЫРЁВ. Да, была, кажется, когда-то такая местная газета. То есть, мы с вами коллеги по поэтическому цеху.

КУТИЛОВ. Калеки.

ПОНЫРЁВ. В каком смысле?

КУТИЛОВ. Я — поэт без публикаций, ты — публикации без поэта. Оба инвалиды.

ПОНЫРЁВ. Ладно, я бездарность, по-вашему. Но вас-то, такого гениального, почему не публикуют? Или не публиковали. Запутался я уже в вашем бреде.

КУТИЛОВ. Потому что я непубликабельный. Ни тогда, ни сейчас.

ПОНЫРЁВ. А прочтите мне что-нибудь из вашего настоящего поэтического. Которое, якобы, публиковать нельзя. Не стесняйтесь, здесь все свои.

КУТИЛОВ. Стесняться нужно мужику в женской бане, а мне стесняться нечего. Ну, слушай.

*— Яма хорошая.
Только
на дно
набежала лужина...*

— Товарищ майор,
но ведь это
не наша вина —
апрелева...

— Ну, хорошо...
Давайте ужинать,
да надо людей
расстреливать.

ПОНЫРЁВ. Н-да.

КУТИЛОВ. Ну и вот.

ПОНЫРЁВ. Нет, я бы лично опубликовал. Были, были тёмные пятна в истории нашей страны. Нужно их изжить, переосмыслить — и в поэтическом смысле тоже.

КУТИЛОВ. Сейчас, что ли, времена лучше?

ПОНЫРЁВ. Как можно сравнивать? Не тридцать седьмой год на дворе.

КУТИЛОВ. Ага. Значит, можно такое сегодня публиковать?

ПОНЫРЁВ. Не мне решать, вы же понимаете. А там (*палец вверх*) вряд ли одобрят, конечно.

КУТИЛОВ. Там (*палец вверх*) давно уже одобрили. А твоё «там» (*палец вверх, согнутый*) не считается. Это твоё «там» — придурочное, на полшишечки.

1-й САНИТАР. Враг народа, навалынист, пятая колонна. В изолятор бы его, Иван Николаевич.

КУТИЛОВ. Вот, народ разбирается. Всегда. Его никакой квартирный вопрос не испортит.

ПОНЫРЁВ (*отрываясь от ноутбука*). Нашёл, есть такое стихотворение у Кутилова. Так и называется «Россия, год 37». Вы что, всего его наизусть помните?

КУТИЛОВ. Я всего себя помню. Ну, почти всего.

ПОНЫРЁВ. Если помните, то объясните, как вы тут у нас вчера появились.

КУТИЛОВ. По ошибке, скорее всего. Возвращаться тебе уже некуда, уже нету двадцатого века-то... А здесь у вас что-то исправлять — только половой орган тупить.

ПОНЫРЁВ. Спасибо за эвфемизм. Мы же все тут интеллигентные люди.

1-Й САНИТАР. Меня не вписывайте, Иван Николаевич, мне это неприятно.

ПОНЫРЁВ. Как скажешь, вычеркнут... По ошибке, значит. Ну, это мы завтра выясним, по ошибке или по решению соответствующих органов подчистить наш богоспасаемый городок от непредсказуемых личностей перед... В общем, неважно. Не желаете объяснить — не объясняйте.

КУТИЛОВ. Объяснил как сумел. Значит, понималка ещё не отросла.

ПОНЫРЁВ. Хамить вот только не нужно. (*Санитару.*) Сопроводи его обратно.

1-Й САНИТАР. Может, зафиксировать всё же?

ПОНЫРЁВ. Не стоит, мы же культурные люди. Так, Кутилов?

КУТИЛОВ. Не все люди — люди.

1-й САНИТАР уводит КУТИЛОВА. ПОНЫРЁВ включает телевизор, слушает выпуск новостей, в котором с почтительным восторгом сообщается о предвыборной поездке президента по стране.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Курилка у входа в диспансер. КУТИЛОВ в телогрейке и нелепой шапке сидит на скамейке, курит, что-то пишет на листе бумаги. Рядом сидит ФЁКЛА. Над ними горит вечерний фонарь.

КУТИЛОВ. Дурной стал язык-то. «Дискурс» какой-то, «в моменте», «токсичный», «на позитиве». Или вот «походу». Что «походу»? Куда «походу»? Почему в одно слово? Нет, отказываюсь, уволь.

ФЁКЛА. Справишься. Ты у меня адаптивный.

КУТИЛОВ. Какой ещё, блядь, «адаптивный»? Ты-то куда вместе с ними? Бери сама и пиши на этом сучьем нарративном.

ФЁКЛА. Каждому своё. Ты у нас поэтический гений, с тебя и спрос. Хоть в те времена, хоть в эти... Слушай лучше, чего скажу-то. Я тут в буфете музу этого главврача Понырёва встретила.

КУТИЛОВ. Да ладно?.. Вот же, привязалось новомодное удивление... Серьёзно? И у него муза есть?

ФЁКЛА. Маленькая такая, кривенькая. Может, карлица, не знаю. Тамарой зовут. Но она хорошая, добрая, семечек мне в карман отсыпала. Будешь?

КУТИЛОВ. Давай. *(Лузгают семечки вместе.)* И чего говорит?

ФЁКЛА. Да ничего особенного. Какая есть, говорит, ничего тут не попишешь. Вот и ты тоже ничего не пишешь... Так-то она, понятно, ко мне со всем уважением, как к даме высшего света, вроде Моники Беллуччи.

КУТИЛОВ. Принцесса итальянская, что ли?

ФЁКЛА. Не надо тебе... В общем, знают меня среди наших, конечно. Почтительно относятся, понимают кто такой Кутилов, место своё блюдут. Ну так не каждой же музе судьба распорядится настоящего поэта выдать, что ж им теперь, страдать всю дорогу?

К курилке робко подходит ТАМАРА, стоит поодаль.

ТАМАРА. Здравствуйте.

КУТИЛОВ. Здравсьте, здравсьте... Страдать, конечно, не стоит. Говорят, и у Асадова муза была, и у Егора Исаева даже.

ФЁКЛА. И у Юнны Мориц. Но та повесилась лет тридцать назад, Зиной звали. Мы с ней подружки были, пока не вот это вот всё...

ТАМАРА. Извините. Фёкла, если вы заняты, то я и одна могу, мне нетрудно.

ФЁКЛА. Ладно, мы с Тамарой в кино собрались, про Крымский мост режиссёра Кеосаяна. Говорит, неплохой фильм. Ты не скучай тут. А лучше работать начинай, приду — проверю.

ТАМАРА. До свидания. Простите.

ФЁКЛА и ТАМАРА уходят.

КУТИЛОВ *(вновь пытается писать).* Вот это красивый глагол «хай-пожорить», тут не поспоришь. «Хайпожорило солнце над таёжной рекой, и над мятым червонцем, деревенской тоской...»

Из стационара выходит ЛЕТОВ, садится рядом.

ЛЕТОВ. «Ленин ёбнул доской».

КУТИЛОВ. Ты ещё кто?

ЛЕТОВ протягивает руку для знакомства.

ЛЕТОВ. Егор, музыкант.

КУТИЛОВ. Летов, поди?

ЛЕТОВ. Ну, Летов. В этом городишке других музыкантов и не было никогда.

КУТИЛОВ. Морду в профиль поверни, Летов-Котлетов... Не в фокусе... Ну, как жизнь тут идёт, Егор?

ЛЕТОВ. Кормят хорошо.

КУТИЛОВ. Как при коммунизме.

ЛЕТОВ. А что ты имеешь против коммунизма?

КУТИЛОВ. Против коммунизма я имею всё. И даже больше.

ЛЕТОВ. А я вот коммунист. Рок-коммунист.

КУТИЛОВ. Вон туда отсыдь, подальше.

ЛЕТОВ пересаживается на соседнюю скамейку.

ЛЕТОВ. Один дедушка Ленин хороший был вождь.

КУТИЛОВ. А нынешний как же?

ЛЕТОВ. Чертила этот нынешний. Ленин для людей был, а сегодняшний для блядей. Не тот, а этот разложился на плесень и липовый мёд. И всё идёт по плану. Так себе план.

КУТИЛОВ. От войны здесь косишь?

ЛЕТОВ. Болею я. А так-то на фуражке моей серп и молот, и звезда. Гляди, если не веришь.

ЛЕТОВ протягивает фуражку.

Чего мне косить? Всё не так однозначно. Может и поехал бы повоевать за Родину, за коммунизм. Но болею.

КУТИЛОВ. Вижу, что больной. Понимаю.

ЛЕТОВ. Я один, что ли, тут больной? И ты больной, и Андропов вон тоже.

Подошедший АНДРОПОВ присаживается рядом с ЛЕТОВЫМ.

Вид у него независимо-обиженный.

АНДРОПОВ (неожиданно громко). Вся страна больная!

КУТИЛОВ. Вот тут ты, чекист, молодец. Соображаешь. Бог отвернулся от России и смотрит вдаль на острова.

АНДРОПОВ. Бог какой-то. Причём тут Бог, товарищи. Никакого Бога нам ни партия, ни Ленин не завещали!

ЛЕТОВ. Точно.

АНДРОПОВ. Вашего мнения никто не спрашивал... И если страна случайно свернула на скользкий изгиб истории, то мы, наследники Железного Феликса, обязательно поправим её нравственное здоровье. Вернём державе величие, калёным огнём выжжем диссидентскую заразу, освободим братские народы от гнёта американского империализма! С Венгрией справились, с Чехословакией, с Польшей, с Афганистаном — и в Украине не уступим, и в братской Белоруссии, и во враждебной ныне Прибалтике. Если нужно, пройдем стальной лавиной по всей Европе, дойдём до Берлина, Парижа, Лиссабона. Слава русского оружия возродится, сапог русского солдата ступит в мутные воды Ла-Манша! Мы всё сможем повторить, всё повторим! И сам чёрт нам не брат, и сам бог нам не в помощь.

ЛЕТОВ. Не бывает атеистов под огнём.

АНДРОПОВ. Ты сам-то под огнём бывал, сопляк? Ты ещё не родился, когда мы в Будапеште венгерских фашистов вешали. И нынче всех других прочих станем вешать. Вешать! Вешать! Вешать!

КУТИЛОВ встаёт и подходит к АНДРОПОВУ.

Эй, ты чего опять? Не смей меня трогать, нельзя больных рукоприкладствовать. Взяли себе моду.

КУТИЛОВ (*протягивает пачку сигарет*). Закуривай, чего расписохвался.

АНДРОПОВ. Мне можно, я параноик. Лечусь я здесь.

*Среди больничной благодати
сплю, ем да размышляю впрок,
о чём я кстати иль некстати
подумать до сих пор не смог.*

КУТИЛОВ. Ишь ты, ещё один поэт.

АНДРОПОВ. Да, поэт! Привыкли мазать Андропова чёрной краской. А Андропов не чёрный, Андропов внутри нежный, тонкий, ранимый, цветной, как радуга.

ЛЕТОВ. Сам-то понял, что сказал?

АНДРОПОВ. Не дерзи мне здесь, панк недоделанный! Что ты про жизнь мою знаешь?

ЛЕТОВ. Теперь знаю. Жизнь твоя как радуга. Ра-ду-га. Только что вслух сказал, радужный ты наш.

АНДРОПОВ. Я не говорил, не мог я такого сказать! Произошла чудовищная ошибка, напишите про это товарищу президенту, умоляю!

К курилке подходит ФЁКЛА.

КУТИЛОВ. Всё, надоели вы мне, поэты-музыканты. Ваш дом дурдом, нечего тут. Ступайте домой, вперёд и с песней.

АНДРОПОВ. Произошла чудовищная ошибка. Умоляю.

ЛЕТОВ. Пошли-пошли.

*АНДРОПОВ и ЛЕТОВ уходят в обнимку, напевая
«Ходит дурачок по лесу, ищет дурачок дурнее себя».*

КУТИЛОВ. Чего так скоро?

ФЁКЛА. Кеосаян же. Хохлома на экране.

КУТИЛОВ. А, ну да... Слушай, с Андроповым всё сразу понятно было. А что этот Летов? Он мутный какой-то, с разгона не разберу.

ФЁКЛА. Безмузный он, Тамара предупредила. Обычный психический, но в роль вжился до степени смешения. Тоже своего рода талант... Так, мне тут ещё в одно место нужно. А к тебе пришли.

*ФЁКЛА уходит. Из глубины больничного парка к курилке
идёт РАЙКОВА. Она довольно пожилая, в неприметной
недорогой одежде.*

КУТИЛОВ. Лида?! Здравствуй, Лида.

РАЙКОВА. Здравствуй, Аркаша.

КУТИЛОВ. Как ты тут, Лида?

РАЙКОВА. Потихоньку. Живу, кажется. Или не живу. Время такое, сразу не разберёшь.

КУТИЛОВ. Я и Лидка, и ночь. Вышли Гончие Псы. День ушёл до утра и ничем не помочь. В сеть попала луна, звёзд ершистых десяток... Помнишь?

РАЙКОВА. Вспомнила сейчас.

КУТИЛОВ. Сколько же времени прошло, Лида? Пустого, глупого времени.

РАЙКОВА. Нет никакого времени, Аркаша, ты же сам знаешь. Сколько лет минуло с нашей последней встречи? Или веков? Или секунд? Разве это важно? Важно только здесь и сейчас, здесь и сейчас.

КУТИЛОВ. Но почему мы здесь и сейчас?

РАЙКОВА. Значит, так нужно, так предопределено чем-то, что выше нас, а потому мудрее и точнее. Ты же сам писал:

*Если умер, но ходишь как прежде,
если сдался, врагов возлюбя, —
значит, слава последней надежде,
что воскреснуть заставит тебя.*

Надежда, понимаешь? Надежда всё исправляет. И ты сам сейчас тоже надежда, затем мы с тобой здесь и сейчас.

КУТИЛОВ. Мудрёно больно.

РАЙКОВА. С чего бы это вдруг я для тебя мудрёная стала? Раньше за такую не держал.

КУТИЛОВ. Время другое, Лида. Я другой. Ты другая.

РАЙКОВА. Просто ты ещё ничего здесь про себя не понял. Видно, рано тебе пока. Поймёшь, когда созреешь. Недолго уже.

КУТИЛОВ. Надеюсь... Ага, так что ж мы тут с тобой на холоде? Пустьят тебя со мной в диспансер, нет? Часы-то неприёмные уже. Сейчас пойду спрошу.

РАЙКОВА. Не нужно. Пошли со мной, тебя ждут.

КУТИЛОВ. В город? Так не выпустят же.

РАЙКОВА. Дурачок же ты у меня. Вставай, пойдём.

КУТИЛОВ. Ладно, пойдём. А куда?

РАЙКОВА. В Дом актёра, куда ещё.

КУТИЛОВ. Ух ты. А кто меня там ждёт?

РАЙКОВА. Чекменёв с Великопольским. И другие там разные, кажется.

КУТИЛОВ. Вот это да. Пропустят меня нынче в ресторан-то, как думаешь? Раньше и близко не подпускали, даже с Чекменёвым.

РАЙКОВА (*вздыхает*). Как есть дурачок из психушки. Пошли, тебе говорят.

КУТИЛОВ и РАЙКОВА уходят. Из стационара выбегает АНДРОПОВ.

АНДРОПОВ. Кутилов, ты где? Кути-ило-ов! Передай им там, что я не нарочно, я исправлюсь! Исправимся мы! Все исправимся. (*Обращивается к залу.*) Каждого исправим, каждого. Для нас неисправимых нет. Нет для нас неисправимых.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В зале ресторана сидят за накрытым столом ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Шумно здесь. Не люблю.

ЧЕКМЕНЁВ. А я как дома. Как в лучшие времена. (*Громко обращается к кому-то.*) Артур, привет! Отлично выглядишь... Чуть позже, дорогой, спасибо. Мы тут с Генкой сидим, вот Кутилова ждём. Потом обязательно, Артурчик, конечно... Нет, Гена, зря, хорошо здесь. Ты-то не любитель был Дома актёра, а мне нравилось. Бывало, сдашь номер — и сюда. А тут все свои: и Хайкин, и Алексеев, и Генка Носовец с телевидения. Кутилова, правда, не было, не пускали его сюда, бомжару грешного.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Его вообще никуда не пускали.

ЧЕКМЕНЁВ. Почему? В редакциях у нас Аркашу принимали. По вечерам, конечно, когда начальство на своих «волгах» по домам разъезжалось. Сколько водки мы там с ним выпили. Да и с тобой.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Наливай, чего сидим дурнями.

ЧЕКМЕНЁВ. И то верно.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Ты-то хоть понимал тогда, что водку пьёшь с гением?

ЧЕКМЕНЁВ. Да не так чтобы очень. Ну, Кутилов, ну, поэт из тепло-трассы, сиделец бывший. Мало ли таких тогда к редакции прибывалось. А ты, помню, материл нас, что мы его не ценим. Листочки за ним прибирал со стишками, Аркашей по пьяни написанными.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. А сколько не прибрал. Вы же, идиоты, их в мусорку потом выкидывали, наутро похмелившись. А дома он у меня много писал. Я всё сохранил.

ЧЕКМЕНЁВ. За это я тебя и люблю, Гена. Но я ж запойный был, ты помнишь. А когда в завязке оказывался, тогда и с Аркашей редко виделся. Тот-то не просыхал вообще, а мне какой интес с ними, алкашнёй, пока снова на стакан не подсяду... О, вот и наш красавчик.

К столу подходит КУТИЛОВ, обнимается с ЧЕКМЕНЁВЫМ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ, садится.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Здравствуй, Аркаша, здравствуй.

ЧЕКМЕНЁВ. А Лида где?

КУТИЛОВ. В туалете прихорашивается, сейчас будет. Вы-то давно здесь?

ЧЕКМЕНЁВ. Да полбутылки ещё не выпили.

КУТИЛОВ. Я не про кабак.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Дней пять, наверное.

ЧЕКМЕНЁВ. Друг мой Аркадий, как же я рад тебя видеть.

КУТИЛОВ. Я тоже. Ладно, рассказывайте, что тут и как.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Плохо всё. Совсем плохо. Хуже некуда.

ЧЕКМЕНЁВ. Нет, вначале-то было хорошо, отлично даже. Перестройка там, гласность, свобода.

КУТИЛОВ. Прямо так и свобода?

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. По большому счёту, да.

ЧЕКМЕНЁВ. Что ты! Писать стало можно обо всём, в газеты молодёжь толковая подтянулась. Володю Кема помнишь, нет?

КУТИЛОВ. Нет, не помню.

ЧЕКМЕНЁВ. Жора Бородянский, Миша Лебедев, да много ещё.

КУТИЛОВ. И где они сейчас, эти молодые и свободные?

ЧЕКМЕНЁВ. Нету, кончились. Кого к нам забрали уже, кто эмигрировал, кто перекрасился в чёрное.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Чёрные времена пришли, Аркаша. Совсем чёрные. И люди почернели прямо на глазах.

ЧЕКМЕНЁВ. Ну, не знаю.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Я историк, я так вижу. Фёдору Михайловичу легче было в нашем остроге сидеть при проклятом царизме. Откинулся — и дальше книжки пиши, по заграницам разъезжай, в рулетку проигрывайся. А сейчас не семь лет дают за участие в петрашевском заговоре, а десятку выписывают за малейшую недостаточную почтительность. И книги Достоевского из про-

дажи не изымались, как у нынешних критиков власти, и Герцена заочно не приговаривали к тюремному сроку.

КУТИЛОВ. Понятно. Наливай.

ЧЕКМЕНЁВ. А твои книжки, Аркаша, никто пока не запрещает. И первую, и вторую, что Генка к печати подготовил, и другие.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Это временно. И потом, «Скелет звезды» в девяносто восьмом вышел, ещё при совсем другой власти. Сейчас хрен бы кто взялся тебя публиковать. Потому что ты свободный, а значит, опасный. Такие нынче времена.

ЧЕКМЕНЁВ. А окончательно свободен лишь кто? Правильно, бомж вроде тебя, Аркадий. С которого нечего взять, которого нечем запугать. Ты бы сюда вписался, хоть и ненадолго.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Даже Пугачёва не вписалась, а наоборот, выписалась.

КУТИЛОВ. Да ты что?

ЧЕКМЕНЁВ. Ага, в Израиле сейчас живёт. А я вам рассказывал, как интервью у Пугачёвой брал, когда никто взять не смог? Короче, приехала она к нам на гастроли...

КУТИЛОВ. Сто раз рассказывал.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Как будто поговорить больше не о чем.

ЧЕКМЕНЁВ. Ну и как хотите, раз так.

КУТИЛОВ. Есть о чём поговорить. Вы сами-то давно отсюда?

ЧЕКМЕНЁВ. Я лет пять, Генка пораньше. Болели, ничего остросюжетного.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Болтались там, как не пришей рукав к карману, пока вот сейчас обратно не направили.

КУТИЛОВ. А зачем?

ЧЕКМЕНЁВ. Тебе в помощь. В курс дела ввести и вообще. Чем нынче и занимаемся. Ты не знаешь, что ли?

КУТИЛОВ. Да как-то... Как будто кричит незабудка, кувшинка хохочет в воде, как будто предчувствие бунта... Смутно всё пока. Понимаю, что заря не зря и я не зря, но смысл ускользает. Проясняйте, если в помощь мне здесь.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Ну, смотри...

К столу подходит РАЙКОВА, которая выглядит лет на двадцать моложе и ярче, чем прежде. Одета в модное, ресторанное, победительное.

РАЙКОВА. Соскучились, молодёжь?

ЧЕКМЕНЁВ. Лида, ты ослепительна!

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ (*встаёт, вежливо подвигает стул*). Прошу.

ЧЕКМЕНЁВ. А давайте шампанского за встречу. Гена, наполняй бокалы.

КУТИЛОВ. Мне водки.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Кутилов, скажи тост.

КУТИЛОВ (*встаёт, крутит в руках рюмку, садится*). Не готов, не знаю что сказать. Пусть Лида.

РАЙКОВА. За любовь, за что же ещё. Я помню это твоё, хоть и обидное.

Рассудок смирят кипенье крови...

Твой взгляд голубее кинжала...

*И, может, не палец, а горло любви
кольцо обручальное сжало.*

*Состарил сентябрь и фигурку твою,
твои очертанья грубеют...*

*Похоже, что я на расстреле стою,
и наши уже не успеют.*

Успели. Наши успели. Так давайте за нас и за любовь.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Умеешь.

ЧЕКМЕНЁВ. Она же из высших сфер, чего ты хотел. Не нам с тобой чета.

РАЙКОВА (*смеётся*). Да какие там сферы, господи. Смех один. Вернётесь, сами всё увидите.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Да, было такое обещание... Ого!

К компании подходит ЕВТУШЕНКО.

ЧЕКМЕНЁВ. Евгений Александрович! Неожиданно. А помните, я интервью у вас брал? Уже после того, как Саша Бекишев вам его стихи вручил (*кивает на КУТИЛОВА*), а вы потом Аркадия в своей знаменитой антологии опубликовали? Как же вы там написали тогда? «Кутилов — надтусовочный поэт, он принадлежит не той или иной группе, а напрямую — русскому языку, русской поэзии и русской совести».

ЕВТУШЕНКО. Да-да, помню, конечно.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ (*берёт стул от соседнего столика, придвигает*).

Присаживайтесь.

ЕВТУШЕНКО. Спасибо... Ты когда встал сейчас, Аркаша, смотрю: ты или не ты? Теперь вижу, Кутилов.

ЧЕКМЕНЁВ. А это Лида.

ЕВТУШЕНКО. Очень приятно, Лида. Поэт Евтушенко. Очень красивое имя у вас.

КУТИЛОВ. *Есть одна золотая примета,
проще самых простейших примет:
слово «очень» найдёшь у поэта,
значит, это уже не поэт.*

ЕВТУШЕНКО. Брось, не придирайся.

КУТИЛОВ. Я не придираюсь. «Хотят ли русские войны» кто написал?

ЕВТУШЕНКО. Знаешь, ты тоже не ангел, между прочим.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Это временно. Вот Лида у нас действительный ангел высшего чина.

ЕВТУШЕНКО. Я вижу и преклоняюсь.

КУТИЛОВ. Ты на вопрос-то отвечай. Хотят русские войны? Вот прямо здесь и сейчас? Хотят или не хотят?

ЕВТУШЕНКО. Не мучай меня. Кто же тогда мог подумать.

КУТИЛОВ. Поэту не нужно думать, поэту нужно чувствовать. И предчувствовать.

ОФИЦИАНТ приносит бутылку коньяка.

ОФИЦИАНТ. Просили передать поэту Кутилову от того столика. «Асканели», шесть лет выдержки.

ЧЕКМЕНЁВ (*в сторону*). Спасибо, Артур!.. Да, Артурчик, идём мы уже... Генка, пошли, Хайкин зовёт.

ОФИЦИАНТ уходит.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Неудобно, Витя.

ЧЕКМЕНЁВ. Чего там неудобного? Все свои. Пошли-пошли. Ты с нами, Лида?... Ну да, конечно.

КУТИЛОВ поднимает рюмку, кивает в сторону приславшего коньяк.

ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ уходят.

РАЙКОВА молчит, независимо курит, разглядывая зал ресторана.

ЕВТУШЕНКО. Вон и коньяк тебе присылают, а не мне.

КУТИЛОВ. Тебе ведь этих коньяков тогда ещё вагон, наверное, на-
присылали. А мне в первый раз... Скажи лучше, пишешь че-
го-нибудь сейчас?

ЕВТУШЕНКО. Пробовал, не выходит. Читаю больше.

КУТИЛОВ. Вот и у меня не выходит. Ну, давай из того, что начитал.
Стоящее чего-нибудь.

ЕВТУШЕНКО. Стоящее? Вот, послушай.

*Пионерская гордость горела подобием вымпела,
ты готов был геройски погибнуть в героической войне
и реально жалел те народы, которым не выпало
это трудное счастье — расти в самой лучшей стране.*

*Вымпел выцвел. Геройские войны — кровавое варево
из словесной трухи и высоких идей требухи.*

*В небесах над тобой ни архангелов нет, ни Гагарина,
ни того, на кого уповают, что спишет грехи.*

*Пролетают надежды над книжным Парижем фанеркою
и вопрос о свободе ещё на столетье закрыт.*

*А в серёдке души — там, где гордость была пионерская —
только стыд за страну. Только стыд. Только ёбанный стыд.*

КУТИЛОВ. Ни разу не пробовал матом в стихах. Но здесь к месту.

И правда, хорошее. «В небесах над тобой ни архангелов нет, ни Гагарина...» Чьё?

ЕВТУШЕНКО. Есть такой Сергей Плотов. Земляк твой, между прочим,
из актёров. Не знал его?

КУТИЛОВ. Нет. Он же молодой ещё, судя по всему.

ЕВТУШЕНКО. В сравнении с нами все молодые.

КУТИЛОВ. Да, Женя, не поспоришь.

РАЙКОВА (неожиданно чеканно декламирует).

Они стреляли по донецким.

Они стреляли по луганским.

По сношенным пинеткам детским.

По каблукам и сумкам дамским.

*По одеялам и подушкам,
ночнушкам, шортикам, пижаме.
И в класс, где запрещённый Пушкин
по-русски говорил стихами.*

*По толстым словарям толковым,
по тощим козам, по колодцам,
они стреляли по торговым
палаткам и по огородам...*

Вот вам нынешние стихи, про соседских нацистов. А вы говорите.

КУТИЛОВ (*несколько даже испуганно*). Что это? В каком классе у вас тут Пушкин говорит стихами?

РАЙКОВА. У него спроси.

КУТИЛОВ. Спрашиваю: что это, Женя? Что это за, блядь, «у огородца»?

ЕВТУШЕНКО. Лучше не спрашивай. Такая сегодня в моде гражданская лирика — убойная, убогая, убийственная, людоедская. Стирающая в пыль и поэзию, и поэтов.

КУТИЛОВ. Знаешь, даже вы с Вознесенским приличнее выглядели в модное для вас время.

ЕВТУШЕНКО. Даже?

КУТИЛОВ. Угу. «Хотят ли русские войны»... Извини, нервы ни к чёрту... Чего сегодня в России больше-то: плотовых или этих, «у огородца»?

ЕВТУШЕНКО. Этих, конечно. Они сейчас силу большую набрали, вытаптывают своими боевыми пегасами поэтическую поляну. У них не забалуешь.

КУТИЛОВ. И вырастил серые маки — шинельного цвета цветы...

ЕВТУШЕНКО. У него ничего другого не растёт.

*К столу возвращаются ЧЕКМЕНЁВ с ВЕЛИКОПОЛЬСКИМ, уже
изрядно выпившие.*

Ладно, пойду. Рад был тебя встретить, Аркаша. Всё у тебя получится, уверен. Приятного вечера всем.

ЕВТУШЕНКО идёт прочь от стола.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ (*в спину Евтушенко*). Ложный кумир! Столичная бездарность! Приспособленец!

ЕВТУШЕНКО, не оборачиваясь, поднимает руку, показывает фак.

КУТИЛОВ. Ну что ты, Генка, несёшь? Прекрати.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. А чего он?

ЧЕКМЕНЁВ. Нормально поговорили? Вспомнил, зачем ты здесь?

КУТИЛОВ. Адий. Меня зовут Адий. Вспомнил.

РАЙКОВА. Вот и хорошо, что вспомнил. Дальше всё просто будет, мне обещали.

КУТИЛОВ. Как долго я был без тебя, Лида. Безразмерно долго.

РАЙКОВА. Теперь я здесь, с тобой. Мы все здесь. Пошли танцевать.

КУТИЛОВ. Я не умею.

РАЙКОВА. Всё ты умеешь, смелей.

КУТИЛОВ и РАЙКОВА танцуют. ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ смотрят на них.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет ПОНЬРЁВА отделён дверью от приёмной главврача ПНД. В приёмной за компьютером сидит МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. На стульях у стены в углу расположились ФЁКЛА и ТАМАРА. ТАМАРА вяжет.

ФЁКЛА. Никогда не получалось вязать. Он у меня самостоятельный, слова ему не скажи.

ТАМАРА. Да я и сама не очень умею. Лицевые у меня — силлабика, изнаночные — тоника. Цезура — если с накидами. Для декора верлибром немножко могу, но это совсем редко. Тут большого таланта не требуется. Как стихотворные поздравления родственникам на радио присылать.

ФЁКЛА. «Поздравляем с юбилеем дорогого нам Сергея, ведь и в срок даже лет ждёт его любви расцвет». Помню такое, да.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА вздрагивает, отвечает на внезапный телефонный звонок.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Оля, мне некогда... Оля, ты не понимаешь, я вся как в обмороке... Это как вдруг тебя в театре на сцену, а ты сидишь тут за компьютером в приёмной и на тебя люди смотрят... Да никакого зала здесь нет, никто не смотрит, это я так,

для примера... Ещё как боюсь, что ты... Всё, до вечера. Не звони мне больше, сама потом позвоню.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА подходит к зеркалу, поправляет белоснежный халат. Возвращается за стол.

ТАМАРА. Нервничает.

ФЁКЛА. А кто бы не нервничал.

В приёмную входят четверо СОТРУДНИКОВ. Один встаёт рядом с МАРИЕЙ СЕРГЕЕВНОЙ, другой поворачивается спиной и контролирует двор за окном, двое встают у дверей.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Что, уже? Мне цветы поручено.

СОТРУДНИК быстро берёт со стола букет, изучает его, кивает, кладёт обратно. МАРИЯ СЕРГЕЕВНА встаёт, мелко крестится.

Дверь из коридора в приёмную распахивается, в неё боком протискивается ПОНЫРЁВ.

ПОНЫРЁВ. Прошу, Вадим Вадимович.

В приёмную заходят ВАДИМ ВАДИМОВИЧ и ВОЗЛЕЖАЕВ. СОТРУДНИК быстро и аккуратно закрывает за ними дверь, отсекая шум голосов верноподданного чиновничества и прессы.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (Марии Сергеевне). Здравствуйте.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА. Дорогой и уважаемый Вадим Вадимович, от лица всей медицинской общественности, позвольте вам вот.

СОТРУДНИК перехватывает вручаемый букет.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Спасибо. От всей души спасибо, от всего российского народа... Так, куда мы здесь дальше?

СОТРУДНИК распахивает дверь в кабинет ПОНЫРЁВА. Туда заходят ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, ВОЗЛЕЖАЕВ, ПОНЫРЁВ. СОТРУДНИК закрывает за ними дверь. МАРИЯ СЕРГЕЕВНА в нервном изнеможении рушится на стул. В кабинете главврача ВАДИМ ВАДИМОВИЧ садится на место хозяина за столом.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Прошу.

ПОНЫРЁВ и ВОЗЛЕЖАЕВ рассаживаются на места для подчинённых.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Устал, целый день на ногах. Возраст.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Да какой там у вас возраст, Вадим Вадимович. Вы в прекрасной форме, любой позавидует.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Вот и завидуют... Устал. От свиты, от прессы, от всех. Хорошо тут, тихо. Отдохну полчаса от суеты.

ПОНЫРЁВ. Чай прикажете? Кофе?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. У меня свой. Скажите там.

ПОНЫРЁВ срывается с места, открывает дверь в приёмную, передаёт указание президента. Через секунду в кабинет входит СОТРУДНИК с термосом и стаканом в руках. Наливает напиток, оставляет термос, бесшумно уходит.

Отлично. Ни разу не бывал в психбольнице, дай, думаю, взгляну здесь у вас. В жизни всё нужно попробовать. Сколько той жизни-то осталось.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Вы всех нас ещё переживёте, Вадим Вадимович. Назло врагам и на радость вверенного вам божьим промыслом населения нашего Отечества.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Дай-то бог... А что, Иван, э-э, Николаевич, есть тут у вас интересные клинические случаи? Бонопарты какие-нибудь, Махатмы Ганди? Я бы ознакомился, поговорил.

ПОНЫРЁВ. Есть, есть, с манией величия, как не быть. «Андропов» есть, «Летов» лечение проходит.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Андропова не хочу, скучно. А Летов — это кто?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Рокер такой у нас тут был, кумир молодёжи. Помер давно. Мы ему памятник на днях решили поставить. Местная знаменитость.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ну, если даже памятник. Пригласите. Не опасный он?

ПОНЫРЁВ. Нет, что вы, как можно. *(Торопится к двери, отдаёт распоряжение, возвращается.)* Сейчас доставят.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что с урожаем у вас нынче вышло, Леонид Константинович?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Рекордный.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Это хорошо. Танки?

ВОЗЛЕЖАЕВ. На полную мощность, в три смены. Открыли вторую сборочную линию.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Это правильно.

В приёмную САНИТАРЫ приводят ЛЕТОВА. Из коридора слышен голос АНДРОПОВА: «Я не то хотел сказать! Передайте президенту!».

Сотрудник тщательно обыскивает ЛЕТОВА, впускает в кабинет.

САНИТАРЫ уходят.

ПОНЫРЁВ. Вот пациент Николай Бродников, господин президент.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (*Летову*). Вы кто здесь, простите?

ЛЕТОВ. Егор, музыкант.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Спойте.

ЛЕТОВ. Что?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Пойте.

ЛЕТОВ. *Глупый мотылёк догорал на свечке,
жаркий уголёк, дымные колечки.
Звёздочка упала в лужу у крыльца...
Отряд не заметил потери бойца,
отряд не заметил потери бойца...*

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Достаточно, спасибо. (*Возлежаеву*) Вы ему, значит, памятник собрались ставить?

ВОЗЛЕЖАЕВ. Ошибочно. Больше не повторится, господин президент.

ЛЕТОВ. Кутилову хоть поставьте. Не мне чета.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Обязательно. До свидания.

ЛЕТОВ выходит из кабинета. СОТРУДНИК сопровождает его до двери, открывает, выпускает. Из коридора доносится голос АНДРОПОВА: «Товарищ президент, произошла чудовищная ошибка!»

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ну, давайте теперь этого Кутилова. Посмотрим на другой проект вашего памятника. Он кто?

ПОНЫРЁВ. Аркадий Кутилов, он же Адий. Тоже пациент, вчера поступил. (*Выглядывает за дверь, передаёт МАРИИ СЕРГЕЕВНЕ новую вводную.*)

ВОЗЛЕЖАЕВ. Поэт такой у нас был. Гений, бунтарь, бродяга. Местный, так сказать, Франсуа Вийон. Скончался ещё при Горбачёве.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Сколько же людей Горбачёв угробил. Хороших, честных советских граждан. И Франсуа этого Вийона, оказыва-
ется, ещё.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Так точно. И Вийона.

*В приёмную входят КУТИЛОВ, ЧЕКМЕНЁВ, ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ.
КУТИЛОВ в обычной одежде, ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ
в строгих костюмах и в несколько инфернальном выражении лиц.*

КУТИЛОВ (в коридор). Я передам, Андропов, передам.

*СОТРУДНИКИ агрессивно настораживаются. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ
делает неопределённый жест рукой, и СОТРУДНИКИ замирают
в движении. ЧЕКМЕНЁВ усаживает их на стулья. МАРИЯ СЕРГЕЕВНА
не замечает происходящего, стучит по клавиатуре компьютера.
ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ стоят у окна, курят.*

Прыткие какие. Пусть отдохнут.

ФЁКЛА. Ты хоть одно стихотворение написал здесь? Хоть строчку?

КУТИЛОВ. Прости.

ФЁКЛА. Бог простит.

ТАМАРА. И не надо ему ничего уже писать. Я же вижу.

ФЁКЛА. Наверное. Ну, пусть.

*КУТИЛОВ походит к ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ, берёт из его рук сигарету,
затягивается, возвращает. Входит в кабинет ПОНЫРЁВА.*

КУТИЛОВ. Здравствуйте.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Этот вежливый, не то что музыкант. Хороший
вы поэт, э-э, Кутилов?

КУТИЛОВ. Хороший.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. А здесь почему?

КУТИЛОВ. Мой мозг трагично неисправен, и уж ничем не исправим.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. А зовут вас, напомните?

КУТИЛОВ. Адий.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Читайте.

КУТИЛОВ. Про что?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Мне про войну нравится, про подвиг, что-нибудь такое героическое, воодушевляющее народ. Есть у вас?

КУТИЛОВ. Есть.

*Я в атаку последнюю шёл,
но судьба изменила герою...
Плюс к тому — оказался тяжёл
тот снаряд, что упал под горюю.*

*Хорошо! И дымком понесло,
и предсмертные слёзы просохли...
Плюс к тому — умереть повезло:
те, кто выжил, в плену передохли.*

*Плюс к тому — тишина, тишина...
Не слышать разговора винтовок...
И вползают на грудь ордена,
давят лапками божьих коровок.*

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ молча смотрит на ВОЗЛЕЖАЕВА.

ВОЗЛЕЖАЕВ. Виноват.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. И ведь не в показном эпатаже здесь дело, как в нашем случае. Ну, хорошо, это больной. Так ведь сегодня не отличишь больного от здорового. Находятся люди, которые против войны. Единицы, но ведь есть. Мне докладывают, я знаю. Что в головах у этих, так сказать, пацифистов? Как можно желать поражения своей стране, как можно с презрением относиться к нашим ребятам, исполняющим на фронте свой воинский, праведный, человеческий, если хотите, долг? Не мы начинали эту войну, нам приходится противостоять западной агрессии, пусть даже и ментальной. А ведь это, по сути, психическое заболевание. Верно я говорю, доктор? Есть такое?

ПОНЫРЁВ. Конечно, Вадим Вадимович. Ментальное расстройство — рядовой случай в психиатрии, когда пациенту сложно работать и интегрироваться в общество.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Вот именно. И работать они не хотят, и с обществом взаимодействовать. Нормальным, здоровым обществом. И первым симптомом такого тяжёлого заболевания является пацифизм. Достаточно взглянуть на историю России: кто у нас

был пацифистом? Рюрик? Иван Грозный? Пётр Первый? Сталин? И ничего, побеждали печенегов и прочих врагов, расширяли границы России. И сегодня побеждаем, несмотря на этих больных отщепенцев... Свободы им нужны, надо же. Под собачьим хвостом ваши свободы, извините за такое выражение. Смотрю я на ваших пациентов и думаю, что неправильно мы этих свободолюбцев в колонии отправляем. Чтобы всё по закону: следствие, суд, тюрьма... Нет, их нужно лечить! От свобод, от пацифизма, от неправильных, нездоровых мыслей в голове. Без суда и следствия. Нужно срочно расширять сеть психиатрических лечебниц в стране, скорректировать свод медицинских диагнозов. Высказался против войны — всё, болен. И лечить. Всю страну, если нужно. А то и дальше... Очень правильно, что я к вам сюда сегодня заехал. Примем специальную программу по линии минздрава: лечить, лечить и лечить!

ВОЗЛЕЖАЕВ. Очень верное и своевременное решение, Вадим Вадимович.

КУТИЛОВ. Лечили уже.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что? Кого?

КУТИЛОВ. Меня лечили. Сильно вылечили? Свобода не лечится, любезный. Это как голубые глаза лечить, чтобы они карими стали. Не вылечишь. Только выколоть, разве что.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Значит, выколем!

КУТИЛОВ. Никому ты уже ничего не выколешь, отвыкаловался.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (*Возлежаеву*). Памятник, значит?

ВОЗЛЕЖАЕВ (*Понырёву*). Убрать.

ПОНЫРЁВ идёт к двери, пытается её открыть, но дверь не открывается.

ПОНЫРЁВ. Сейчас. Сейчас-сейчас. (*Лихорадочно ищет в кармане ключи, пинает дверь.*)

КУТИЛОВ (*Вадиму Вадимовичу*). Пошли, пора.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что такое? Куда пошли?

КУТИЛОВ. Ты ещё не понял?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ (*Понырёву*). И охрану там пригласите.

ВОЗЛЕЖАЕВ выпрыгивает из-за стола, спешит помочь с дверью ПОНЫРЁВУ.

Успокойтесь, э-э, Аркадий. Всё будет хорошо.

КУТИЛОВ. Адий, меня зовут Адий.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Прекрасно, пусть Адий. (*Понырёву и Возлежаеву*) Нельзя ли проявить большую активность? Хотя бы как с памяtnиками.

КУТИЛОВ. Здесь нет ни младших и ни старших, и нет носителей цитат... Ты сам — души своей фельдмаршал, и сам — души своей солдат.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Молчать.

КУТИЛОВ подходит к ВАДИМУ ВАДИМОВИЧУ, обнимает того за плечи, ставит на ноги.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Не смей!.. (*Возлежаеву и Понырёву с испуганной визгливостью.*) Эй, вы там, ко мне!

КУТИЛОВ. Кто ж так команды подаёт? Не «ко мне!», а «к ноге!».

ВОЗЛЕЖАЕВ и ПОНЫРЁВ спешат к Вадиму Вадимовичу, но замирают в движении. В кабинет входят ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. ЧЕКМЕНЁВ привычно усаживает Понырёва и Возлежаева на стулья.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Серой-то как здесь несёт. Как на сажевом заводе.

ЧЕКМЕНЁВ. Сероводородное брожение, лайтовый Клаусс-процесс. Обычная история в таких случаях.

КУТИЛОВ. Хорошо, что ты умный.

ЧЕКМЕНЁВ. Пользуйтесь.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Я, конечно, очень, кхе-кхе, извиняюсь, но что происходит? Вы кто? Охрана, охрана!

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Вот же дурак, прости Господи.

ЧЕКМЕНЁВ. Мы тут вместо охраны... Включай мозг уже свой. Запах серы. Это Адий. Дошло, наконец?

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Ты чо дерзкий такой?

ЧЕКМЕНЁВ. Разве я дерзкий? (*Показывает на Кутилова.*) Вот он дерзкий, ему и поручено. А мы так, почётный караул.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Что поручено? Кем поручено?

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ. Кем-кем, понятно кем. Там наверху договорились, чтобы поручение исполнил Кутилов, как гений на исправлении. Согласно твоему статусу, чтобы не абы кто. Ну и нас придали для присущей церемониальности.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Я гляжу, вы не понимаете.

КУТИЛОВ. Перестань. Всё ты уже понял. Пора тебе.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Да куда же?!

КУТИЛОВ. Меня зовут Адий. А-дий. Ад. Ий. Тебе со мной. Туда. Пора.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Мне рано. Я не хочу.

КУТИЛОВ. Там лучше знают. Пошли-пошли. Не надо тебе здесь.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Но как же? За что?

ЧЕКМЕНЁВ. За всё хорошее. Встал, руки за спину, не оглядываться.

Пошёл.

*ВАДИМ ВАДИМОВИЧ встает, убирает руки за спину, идёт к двери
вслед за КУТИЛОВЫМ.*

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ (*показывает на Возлежаева*). А этого куда?

КУТИЛОВ. Да похрен. Пусть домой идёт.

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ делает жест, **ВОЗЛЕЖАЕВ** приходит в себя, встаёт, поправляет галстук, идёт к двери.

ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. Возлежаев! Леонид, э-э, Константинович!

ВОЗЛЕЖАЕВ. Извините, мужчина. Не имею чести... А вам, Кутилов, памятник, обещаю. Или даже два. Точно два.

*ВОЗЛЕЖАЕВ выходит из кабинета главврача. За ним выходят
КУТИЛОВ, ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, ЧЕКМЕНЁВ, ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ.*

*В приёмной МАРИЯ СЕРГЕЕВНА продолжает работать на
компьютере.*

ФЁКЛА (*Кутилову*). Так ведь ничего и не написал нынче.

КУТИЛОВ. Другие напишут. Справятся. Прощай, Фёкла.

ФЁКЛА. Ладно, прощай. Лида на улице ждёт.

КУТИЛОВ. Я знаю. Прощай.

*КУТИЛОВ, ВАДИМ ВАДИМОВИЧ, ЧЕКМЕНЁВ и ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ
покидают приёмную. ФЁКЛА встает у окна, закуривает. К ней
подходит ТАМАРА.*

ТАМАРА. Могу чем-нибудь вам помочь?

ФЁКЛА. Чем тут можешь? Спасибо, Тамара... Красиво идут по лунной дорожке, всё выше и выше.

ТАМАРА. Да, красиво. Пойду я?

ФЁКЛА. Конечно. И мне пора.

ФЁКЛА выходит в коридор, ТАМАРА заходит в кабинет Понырёва, садится в угол с вязанием. ПОНЫРЁВ пишет в ноутбуке.

ПОНЫРЁВ.

*Нам с тобой не впервой, как водится,
жить вне времени и вещей.
Просто вновь за окном находится
поколение «вермишель»...*

Какая ещё вермишель? Причём тут вермишель?.. Жизнь искусственных миражей... «Жить» и «жизнь» рядом, не пойдёт.

ТАМАРА. Королевство серых мышей. Горе мне с тобой.

ПОНЫРЁВ.

*...Просто вновь за окном находится
королевство серых мышей.*

*Неприметное, тошное, тусклое
некурящее и вообще
непохожее очень на русское
королевство серых мышей.*

*Где главенствует вошь чиновничья,
вся в законах для корешей...*

ТАМАРА (*вяжет, кивает в ритм головой*). Кривенько, но живенько. Пусть. Всё лучше, чем живодёрничать. Пусть пишет. Он же никому не мешает. Пусть.

Февраль 2024 года. Омск.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Лебедев окончил военно-медицинский факультет при Томском мединституте. До 1991 года служил в Советской армии, был участником афганской кампании. Уволился в чине капитана медицинской службы. Живёт в Омске.

Работал журналистом в местных изданиях, выпустил два сборника стихов и пьес «Нормат» и «Ненормат». В 2020 году ушёл из профессии, в 2022 году в издательстве «ЛитРес» вышел его роман-предостережение «До третьей звезды». В 2023-м там же — роман «Стасик». Антивоенная пьеса «До свидания, малыши» опубликована в третьем номере журнале «Времена» (Бостон, США) за 2023 год.

В пьесе «Адий» метафорически исследуется современная культурная и политическая катастрофа в России.

Давид Гай

ШОЛОМОХАЙ-ШАРИФ-САШКА

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ БУХАРСКОГО ЕВРЕЯ —
ПАРТИЗАНА ИТАЛИИ, АЛБАНИИ, ЮГОСЛАВИИ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

В начале цитата, которая вполне может стать эпиграфом к этой книге. Человек схожей с моим героем судьбы написал в своих воспоминаниях:

Если еврей все ещё не разоблачён немцами, если он проявил столько изобретательности и воли, мужества и хладнокровия, и Господь Бог ему помогал в самых безнадежных ситуациях, то он уже просто не имеет права добровольно отказаться от борьбы. Такой поступок означал бы акт капитуляции человека, дерзнувшего в одиночку вступить в единоборство с огромным, чётко отлаженным механизмом массового истребления евреев.

Леонид Котляр, попавший в плен и из еврея превратившийся в украинца

Главный герой этого документального произведения — человек необычный, с двумя именами и двумя фамилиями: Шоломохай Завуров и Шариф Заиров. Он фронтовик, был связистом, а это одна из самых тяжёлых и опасных военных специальностей.

Так случилось, что Завуров оказался в плену, как миллионы советских солдат и офицеров в первые полтора года войны с гитлеровцами. Он неминуемо должен был погибнуть, будучи бухарским евреем, но спасся, приняв облик таджика. А затем — концлагеря, побег, присоединение к партизанам Италии, Албании, Югославии, участие в боевых операциях Сопротивления. Жизнь от смерти отделялась тонкой, зыбкой гранью. Дальнейшее определяла госпожа удача...

Мой герой скончался 37 лет назад. Он не оставил воспоминаний, о войне и партизанских делах рассказывал скупно — причина в его природной скромности, неумении и нежелании выпячивать свои заслуги. Не хотел казаться каким-то особенным, не жаждал особого почёта, уважения — и уж вовсе не жаждал славы. Многомудрый, он знал по собственному опыту, чем может отозваться такого рода известность. Пройдя три жёстких проверки следователями СМЕРШ по возвращении домой, в СССР, Завуров-Заиров и потом не чувствовал себя в безопасности. Его едва не арестовали в 1951-м, когда отношения Сталина и лидера Югославии Тито резко ухудшились и «органы» стали выискивать советских людей — бывших югославских партизан, готовя им ГУЛАГ. У Шоломохая хранился югославский партизанский билет, удостоверяющий участие в боевых операциях. Теперь это была крамола...

Единственно, с кем он иногда делился рассказами о прожитом-пережитом, были его дети, которых шестеро, и некоторые друзья.

Изучая материалы и документы, по крупицам собирая сведения о Завурове, я пришёл к выводу: судя по имеющимся данным, он, пожалуй, единственный бухарский еврей с такой биографией (имею в виду немецкий плен, превращение в мусульманина-таджика, концлагеря, побег и участие в антифашистском Соппротивлении).

О нём мало что известно. Неслучайно его имя лишь вскользь упоминается на всеобъемлющем портале российского министерства обороны «Память народа», в известных работах на военную тему: профессора И. Якубова «Войны в судьбах бухарских евреев» и Давида Калонтарова «Книга памяти».

Всё это и побудило меня написать историю незаурядного человека, о котором почти никто ничего не знал. В этой работе мне активно помогал сын моего героя Амнун (Алик), за что я ему весьма признателен.

СНЫ УЗНИКА ДУЛАГА

В эту ночь ему снилась вода, ледяная, мрачно-свинцовая, живущая своей бурной, не похожей на прежнюю, жизнью, как и положено в половодье. Вода вместе с кусками расколотого льда уносила в мутных волнах всё, чего не доставала прежде, зажатая берегами: какие-то тряпки, деревяшки, мусор, вороха размытого навоза; будто бешеная, громко говорила — сейчас моё время, сколько продлится, неизвестно, хоть две недели, но оно моё, и я заставлю считаться со мной.

Весна 1942-го выдалась поздней, холодной и затяжной. Обычно река Дон вскрывалась в последней декаде марта — первой декаде апреля, но нынче всё выглядело по-другому. Во время половодья Дон даже в самом узком месте в районе Калача превращался в мощный поток шириной в десять раз больше обычного — и достигал железнодорожного полотна. Похожую картину можно было увидеть и при разливе других рек, в особенности Северского Донца, правого притока Дона, где с боями держала оборону часть Шоломохоя Завурова.

Под его командованием находилось семеро бойцов — одно из подразделений 365-го отдельного линейного батальона связи, сокращённо ОЛБС.

Призванный на военную службу в октябре 1939-го, уроженец узбекского города Шахрисабз, он попал в Одессу. Там же закончил курсы военных связистов, получив навыки телефониста, специалиста полевых кабельных линий. За плечами были десятилетка, педагогический техникум в Коканде. До призыва в армию (как учителю, ему дали отсрочку от призыва на пять лет) он ездил по близлежащим к Шахрисабзу кишлакам, обучал математике школьников, узбеков и таджиков. Система образования в Узбекистане строилась таким образом: две недели шло преподавание одной какой-нибудь дисциплины, скажем, математики, потом учителя сменял коллега-историк, его, в свою очередь, менял географ или педагог, обучавший узбекскому, русскому языкам и так далее. Своеобразная карусель.

Начало его службы совпало с принятием нового Закона СССР о всеобщей воинской обязанности. Текст зачитали на политзанятии.

В условиях надвигающейся войны советское руководство приняло энергичные меры для увеличения численности вооружённых сил. Поэтому изданным 1.9.1939 г. Законом воинская повинность значительно усилена. В частности, значительно увеличены сроки действительной службы, отменено их сокращение по образованию, пребывание в запасе продлено до 50 лет (вместо 40) и т.п.

Для рядового состава сухопутных частей Рабоче-крестьянской красной армии срок службы составил 2 года.

...Тем временем у Завурова подошёл срок окончания срочной воинской службы. Дал радостную телеграмму родителям, предвкушая встречу с близкими. Мама Яшуа сообщила, что едет встречать сына, по которому так соскучилась. Встреча однако не состоялась. Эшелон,

Шоломохай Завуров (Шариф Заиров) в армии.
Одесса, 1940 г.

в котором ехал Шоломохай, двигался в направлении Ташкента и 22 июня должен был прибыть в пункт назначения. Бывших военнослужащих не высадили на перрон — эшелон развернули в обратном направлении. Началась война, о которой столько говорили и которую многие предчувствовали.

...В эту ночь ему снилась вода, ледяная, мрачно-свинцовая, живущая своей бурной, не похожей на прежнюю, жизнью, как и положено в половодье. Узник Дулага 121 — транзитного лагеря для советских военнопленных на территории белорусского города Гомеля — голодный, лежащий на сене в стойле бывших кавалерийских казарм, укрываясь дерюжкой, Завуров чувствовал, как холод пробирает его до костей. Было ли это во сне или наяву, он не знал, ибо на несколько ночных часов отключился — измождённый организм настойчиво требовал отдыха. До того, как попал в плен, он весил 78 килограммов, сейчас сильно похудел, кожа и кости, натянутые, как на барабане.

...Комдив майор Миронов поставил задачу: «В период половодья при разливе реки Северский Донец возникла угроза аварий линий связи. Столбовая линия затоплена большим подъёмом воды. Срочно возводится резервный кабельный переход. А пока на лодках в реке будем обеспечивать связь».

Шоломохай видел себя и бойцов отделения то в лодке-платформе, то по пояс в воде, державших руками провода, и так целых шесть часов. Он не умел плавать, вода страшила, он заставлял себя не смотреть на неё. Руки немели, пальцы деревенели, сапоги набирали влагу, начинали хлюпать. Майор Миронов показывал пример, как надо действовать. Комбат находился вблизи, Завуров видел его сизое, с сиреневым отливом, лицо. Миронов не командовал, не кричал, только поскрипывал зубами и тихо матерился — или это только казалось Шоломохаю?

Связь не прерывалась ни на час. ОЛБС выполнил задачу. Майор Алексей Иванович Миронов был представлен к ордену Красной Звезды. Я нашёл представление к награде в архиве Министерства обороны России. Неизвестно, наградили ли ещё кого-нибудь за эти шесть часов в ледяной воде.

КАК НЕ СТАЛ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Будни связистов 365-го батальона складывались из чередования часов работы и отдыха, причём если и удавалось поспать, то в дневное время, ибо ночью ждала работа.

Отделение, которым командовал Завуров, насчитывало семь бойцов: русских, украинцев, татарина и таджика. Таджик попал в отделение недавно, из нового пополнения. Он общался с командиром полусёпотом, как бы по секрету от остальных, хотя на его языке никто не говорил и сбивчивую речь его не понял бы. Шоломохай же свободно говорил на узбекском и таджикском — недаром ездил по кишлакам.

Завуров подружился с таджиком. При первой переключке новоиспечённый боец на приказ ротного назвать своё имя лишь промывчал невнятное. Выяснилось, что он совсем не знает русский язык. И тогда ротный распорядился:

— Ты, Завуров, возьмёшь над ним шефство, подучишь русскому. Ты же тоже среднеазиат, узбек или таджик, без разницы. Зачислю новичка в твоё отделение.

Шоломохай промолчал по поводу своего причисления «к узбекам или таджикам» — он знал, что во время призыва военкоматы не заморачивались национальностью призывников и бухарских евреев сплошь и рядом записывали именно как представителей коренного населения.

Шариф был родом из кишлака недалеко от Карши — Завуров бывал там, обучая ребятшек арифметике. Новобранец был моложе командира на семь лет, спокойный, покладистый, в силу незнания языка необщительный. Только с командиром и отводил душу. Он знал, что Шоломохай — бухарский еврей. Однажды разоткровенничался:

— У нас есть поверье: если во время войны смерть придёт за мусульманином, допустим, за мной, Шарифом, я возьму твоё имя и это спасёт от гибели...

Заиров как в воду глядел — с той лишь разницей, что всё случилось наоборот: приняв имя и фамилию таджика и назвавшись мусульманином, герой нашего повествования спас свою жизнь. Но об этом — позже.

Связистам выдавали «кошки» для лазания по деревьям и столбам. При повреждении линии связи на восстановление её очень часто выходили ночью группами по 3–5 человек. При одной из таких вылазок бойцы случайно ранили своего же товарища. Поскольку ранение было нанесено с близкого расстояния, пришлось Шоломохаю самому сопровождать его в санчасть, а затем и в медсанбат, для объяснения. Иначе того могли обвинить в самостреле.

Самострелы карались строго по законам военного времени. Могли и к стенке поставить. Шариф рассказывал: в эшелоне, в котором он ехал на фронт, евреев было немного, в основном узбеки и таджики. В пути испытывали холод, стояли сильные морозы. Некоторые таджики придумали способ «самострела»: окунали пальцы в мочу и выставляли наружу, на морозе и ветре пальцы деревенели и отпадали. По наивности думали, что их комиссуют, вернут обратно. Командиры прознали и устроили показательный расстрел...

В то время телефонного кабеля было недостаточно и его заменяли проводкой из колючей проволоки, которую развешивали на деревьях, без каких-либо изоляторов. Связь однопроводная, слышимость во время дождей ухудшалась, но, в общем, работала неплохо. Причинить повреждение этой проводке было не особенно легко, даже при артобстрелах.

Этот опыт использования в качестве линии связи колючей проволоки бойцы взяли на вооружение и применяли его и в последующем, даже при наличии свободного кабеля. При перемене места дислокации телефонный кабель нужно было снимать, а снятия проволоки не требовалось, что облегчало и ускоряло работу. А вообще, были невероятно рады, когда удавалось захватить оборудование немецких связистов. Небо и земля в сравнении с тем, чем пользовались наши.

Самой сложной и опасной была работа полевиков, которые отвечали за проводную связь. При её нарушении связисты немедленно, не дожидаясь прекращения огня, должны были найти и исправить повреждение. Делали они это при помощи катушки проводов. Она переносилась с помощью специального ремня, как правило, на спине, на левом боку, иногда – впереди (при водной переправе). Телефонная катушка фиксировалась так, чтобы удобно было раскручивать кабель. Вес пустой катушки был около 4,5 кг, а с телефонным кабелем – уже 12–13 кг.

Задача связиста – следить за связью между подразделениями, а в случае обрыва полевого провода исправить повреждения. При артиллерийском налёте провод секло осколками и связисту, несмотря ни на что, под градом пуль и снарядов, нужно было найти обрыв и восста-

новить связь, а это всё равно, что сходить в атаку. Перевёл дух, и опять надо искать обрыв. Связист постоянно был на связи, а значит в курсе событий.

Немецкие разведчики, зная отлично об этом, периодически устраивали на связистов засады. Просто перерезали провод и ждали, когда тот сам прибежит к ним «в руки». Из-за этого связисты часто попадали в плен. Может, в связи с этим бойцам 365-го ОЛБС выдали вместо винтовок карабины. Чтобы могли лучше защищать себя.

Имелась и ещё одна причина. Часто над нашими позициями летали на низкой высоте немецкие самолеты-разведчики «Фокке-Вульф» FW-189. Немцы называли его «Flugaue» — «Летающий глаз» или «Uhu» — «Филин»). В советских войсках его прозвали «Рама» за характерный внешний вид. Это был двухмоторный разведывательный самолёт. Он весьма преуспел как тактический разведчик и наводчик. У советских солдат существовала примета: прилетела «Рама» — жди бомбардировщиков. Как правило, сразу после пролёта разведчика по обнаруженным целям наносился артиллерийский или бомбовый удар.

Едва воздушный разведчик нависал над расположением батальона, как связисты начинали его обстреливать из карабинов. Стрелять обязаны были все без исключения. Таков был приказ. По воспоминаниям Завурова, которыми поделился со мной его сын Алик, командиры считали количество потраченных на стрельбу по самолётам патронов. Сбить врага редко кому удавалось. Но вот однажды это произошло, причём огонь вело именно отделение Завурова. «Рама» загорелась, резко снизилась и рухнула в близлежащий лесок.

Комбат Миронов собрал личный состав отделения.

— Кто стрелял? — спросил он у Завурова.

Тот пожал плечами: все стреляли, кто попал — неизвестно.

— Выберите сами одного человека. Представим к награде.

Комбат ушёл, глаза семерых бойцов взяли в фокус командира.

— Товарищ сержант, давайте вас выберем, — предложил кто-то.

Шоломохай покачал головой: это не по-честному. Представил лицо отца, кого считал главным своим воспитателем, повторил одну из его любимых фраз: «Если не знаешь, как поступить, поступай порядочно» и произнёс вслух:

— Это не по-честному. — И после паузы:

— Давайте так поступим. Каждый напишет на маленькой бумажке свою фамилию, аккуратно свернёт, сложим записки в котелок, я, отвернувшись, вытащу на ощупь одну — того и назовём комбату.

Он помог Заирову написать свою фамилию на русском. Бойцы разошлись по углам, бумага и карандаши нашлись у каждого, записки легли на дно котелка. Завуров опустил пальцы правой руки в котелок, пошелестел бумажками и вынул искомую. Жребий пал на украинца Петро из-под Житомира. Сержант поздравил его и отправился докладывать по инстанции — ротному, а тот — комбату. Через некоторое время на глаза бойцам отделения попала газета «Красная звезда», из которой они узнали — Петро представили к званию «Герой Советского Союза».

ПЛЕН

27 мая 1942-го в «Харьковском котле» Шоломохай Завуров попал в плен.

Как и почему это произошло с ним и тысячами других солдат и офицеров? Что побудило генерал-полковника Д. Волкогонова в своей книге «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина» охарактеризовать харьковское окружение следующим образом:

Это была одна из самых страшных катастроф Великой Отечественной войны.

А вот что пишет Виктор Астафьев в романе «Прокляты и убиты»:

...под Харьковом наши бойко наступавшие войска влезли в мешок, специально для них немцами приготовленный. Начав ретиво наступать, ещё ретивей драпали доблестные войска, сминая всё на своём пути, прежде всего свои же штабы, где высокоумные начальники наторели уже наступать сзади, отступить спереди. Слух по фронту катился: замкнув кольцо, немцы разом заневодили косяк высшего офицерства, взяв в плен сразу двадцать штук советских генералов, и вместо одной шестой армии Паулюса, позже погибшей под Сталинградом, задушили в петле, размесили в жидких весенних снегах шесть советских армий — немец математику знает.

...Завуров и группа солдат двигались по просёлку, тянувшемуся близко от деревни. И вдруг возник воющий гул работающих моторов, он нарастал — приближались немецкие бомбардировщики. Шоломохай научился различать этот гул: у наших он был сплошной, у немецких — прерывистый, с завыванием.

Бойцы побежали в сторону от дороги. Завуров приметил овраг и бросился туда. Вместе с ним бежали ещё четверо. Самолёты с крестами начали пикировать. Полетели бомбы. Хотелось немедля броситься на землю, вжаться в траву и молить, чтоб пронесло. Шоломохай добежал до склона оврага и плюхнулся в промоину, образовавшуюся после дождей и не успевшую высохнуть. Разрывы бомб приблизились, почва дрожала, бомбардировщики заходили на цели парами, уши вбирали душераздирающий вой и грохот...

Он полулежал на влажной земле, не выпуская из рук карабин, бесполезный в эти минуты. Он открыл рот — как учили, чтобы предохранить барабанные перепонки при близком разрыве бомбы. Воздух наполнился пороховой гарью, попадавшей в рот. Бомба, видимо, взорвалась довольно близко, ударило в уши, в рот набилась земля... Бомбёжка закончилась так же внезапно, как началась. Самолёты исчезли, бойцы стали выползать из укрытия, спасшего им жизнь. Но не всем.

Склоны оврага представляли жуткое зрелище. Ранее покрытые нежной зеленью, теперь они выглядели перепаханными, с частыми чёрными воронками. Кругом лежали трупы, некоторые обезображенные, обгоревшие. На ветках кустарника повисли окровавленные лоскутья одежды...

Завурову покуда не приходилось видеть такое количество погибших, отдельно валявшиеся части тела, ноги, руки... Он шагал словно в забытии, отплёвывая землю и пороховую гать. Страх не было, взамен — странная апатия, некое безразличие, ощущение, что всё происходит не с ним, а с кем-то другим.

Так прошёл остаток дня. Переночевал ещё с двумя солдатами и капитаном на сене в сарае возле хаты на околице деревни. Хозяйка покормила картошкой с яичницей, без хлеба. Сон оказался некрепким после пережитого. Мысли потихоньку стали приходить в порядок. Шоломохай понимал — надо выбираться из окружения, искать своих. Но где они, он не ведал

...Не успел Завуров пройти пару километров, как увидел рядом с наезженной дорогой группу бойцов своей роты и политрука. Шоломохай обратился к нему. Политрук, глядя на него, медленно и недобро сказал:

— А, Завуров, ты тоже здесь... — И после паузы добавил как бы осуждающе: — Ты ведь еврей... И не называй меня «товарищ политрук», а называй меня «Сергей».

И только тут Шоломохай заметил, что у бывшего политрука сорваны петлицы со знаками различия.

...С 25 мая попавшие в окружение части Красной армии делали попытки сопротивляться, однако эти попытки блокировались упорной обороной немцев при активной поддержке авиации. Только 28 мая последовал приказ маршала Тимошенко о прекращении наступательной операции.

Кольцо окружения немцы разрезали на мелкие группы, и если удавалось пробить одно кольцо окружения, то наши солдаты и офицеры попадали во второе, и так далее.

Судя по осевшему в памяти сына Завурова — Амнуна (Алика), обстоятельства пленения выглядели так. 27 мая в голом поле близ проезжей части отец и ещё трое бойцов оказались окружёнными мотоциклистами. Вооружённые гитлеровцы взяли их в кольцо, приказали построиться. И тут же последовало отрывистое, как вороньё карканье: «Политкомиссары, евреи, шаг вперёд!». Команда прозвучала на немецком, однако все поняли. Шоломохая не выдали, хотя один был из его роты и знал, что он еврей.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Он попал на сборный пункт недалеко от Харькова. Лагерь устроили под открытым небом на колхозном поле. Погоды установились замечательные, июньское солнце, на небе ни облачка. К полудню становилось жарко. Жара всё же была лучше дождя, от которого негде укрыться. Покамест небесные хляби, к счастью, не разверзлись...

В поле уже созрел весенний урожай турнепса для свиней и коров. Этим турнепсом в сыром немьтом виде пленных и кормили. Больные и здоровые лежали вперемешку. По телам ползали вши и крысы. Никакой медицинской помощи не было. От болезней и голода ежедневно умирали сотни людей... За малейшее неповиновение охранники избивали. Били и просто так, без всякого повода.

Небольшое отступление «в тему». Долгое время после окончания Второй мировой войны преступления СС и Гестапо противопоставлялись якобы «чистому Вермахту». Однако этот миф был опровергнут, так как документальные материалы, включая фотографии, ясно показали, что немецкое военное руководство, многие командиры и воинские части участвовали в массовых казнях и других преступлениях. Эти разоблачения вызвали в то время возмущение в правых и военных кругах Германии.

Действие международного права в соответствии с Женевской конвенцией 1929 года, которая установила гуманитарные правила для военнопленных в отношении размещения, питания и медицинского обслуживания и была подписана Германским рейхом в 1934 году, было приостановлено Верховным командованием Вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht* — ОКВ) в отношении советских солдат. Сталин Женевскую конвенцию не подписал, отсюда и соответствующее отношение к советским пленным.

Немцы создали весьма широкую сеть лагерей для содержания военнопленных и «остарбайтеров» (насилно угнанных в рабство граждан СССР). Лагеря для военнопленных делились на пять категорий:

1. Сборные пункты (лагеря)
2. Пересыльные лагеря (Дулаг, Dulag),
3. Постоянные лагеря (Шталаг, Stalag) и их разновидность для командного состава Красной Армии (Офлаг),
4. Основные рабочие лагеря,
5. Малые рабочие лагеря.

Удивительно, но в этом пересыльном пункте почти не было бойцов 365-го ОЛБС. Судьба бойцов и командиров батальона связи оставалась загадкой. Тем не менее, Завуров встретил нескольких сослуживцев. В долгие разговоры он не пускался, да и они не спрашивали. На всякий случай старался держаться от них подальше — в кишасем муравейнике затеряться среди стоявших плечо к плечу, кучно сидевших на траве и спящих вповалку было нетрудно.

По-русски объявляли: «Командиры, политруки, евреи, выйти из строя!». Несколько человек вышло... Их тут же куда-то увели...

Будь он на их месте, не вышел бы из строя. Так задёшево отдать свою жизнь этим извергам? Нет, это не для него. Хорошо, что сослуживцев почти нет, иначе где гарантия, что кто-то не покажет на него: «Вот он еврей!» Свои документы он по примеру других уничтожил, с гимнастёрки срезал петлицы... Пока за еврея его не приняли.

Везение длилось недолго. Завурова выдал белообрый парень из соседней роты. Следствие проводить не стали, на основании доноса Шоломохоя перевели во внутренний отсек, обнесённый колючей проволокой, где под охраной содержались евреи, политработники и прочие «неблагонадёжные».

Никого покуда не расстреляли, а спустя неделю Завурова и несколько сот пленных перевезли в Дулаг-121 — транзитный пересыльный

лагерь для советских военнопленных на территории города Гомеля в Белоруссии. Сведение об этом я обнаружил в архивном документе.

Лагерь находился на месте бывшего военного городка и рождал самые мрачные мысли. Просачивались слухи, им трудно было не верить. На территории имелся глубокий ров, примерно полторы сотни метров в длину и метров двадцать в ширину. Сюда сбрасывали трупы пленных, умерших от голода, холода и болезней. Ров быстро заполнился, поэтому, по словам русского коменданта Дулага-121, с февраля 1942-го немцы вывозили трупы на машинах за город в противотанковый ров около клинкерного завода; зарывали в ямах на территории лагеря; в противотанковом рву на железнодорожной линии Гомель — Жлобин; в ямах около элеватора и других местах.

Зимой гитлеровцы за лагерем установили несколько специальных печей, в которых сжигали трупы. Печи работали круглые сутки. От дыма часто першило в горле.

К лагерю была присоединена территория завода, где немцы создали столярную, кузнечную, бондарные мастерские.

Жестокость и издевательства в отношении больных не уступали тем, которые применялись и к остальным военнопленным. В «лазаретах» была невероятная скученность. Лечение как таковое отсутствовало. Питание для больных не отличалось от питания в лагере. Смертность в лагере составляла 300–500 человек в сутки.

Под ночлег ему определили стойло в конюшне бывших кавалерийских казарм. Другие содержались в дощатых бараках. Людей размещали здесь без предварительной санитарной обработки. Общей помывки военнопленных не производилось, мылись они по своей инициативе в холодной, грязной воде. Бельё не стиралось и не менялось. Стирку его производили также сами военнопленные. Освещение внутри барачных ночью запрещалось.

У военнопленных не было даже ложек и котелков — жидкую баланду приходилось наливать в консервные банки, черепки битой посуды, а то и в пилотки.

Ни о каком побеге и речь идти не могла — всю территорию лагеря немцы обнесли в несколько рядов колючей проволокой, укрепленной на столбах, высота которых достигала 3 метров.

Лагерь за колючей проволокой строго охранялся не только немцами, но и русскими, украинцами, белорусами, которые пошли в служеб-

ние к фашистам. Часовые на вышках и свирепые овчарки дополняли картину. Да и куда в одиночку бежать теряющему силы бывшему сержанту...

В качестве наказания за «проступки» применялось длительное содержание в карцере. Как один из видов наказания военнопленных фашисты использовали публичную порку дубинками, нагайками, плётками из проволоки, шомполами и т.д. Нередко охранники сами провоцировали военнопленных, а потом представляли это как «бунт» или попытку к бегству.

Удивительно, но Завурова гестаповцы не допрашивали — его еврейство диктовало всё остальное. Никому ничего доказывать не требовалось — неоспоримое еврейство содержалось в его штанах, точнее, галифе, было как несмываемое клеймо, тавро. Он понимал, что его ждёт, и не видел возможности избежать своей участи. Только побег, но в данный момент это не представлялось возможным для истощённого, ослабевшего человека.

ВСТРЕЧА, СПАСШАЯ ЖИЗНЬ

Товарный состав с военнопленными из дулага Гомель, в основном евреями, прибыл на польскую станцию к полудню. В вагонах спрессовался смрадный запах немытых тел, грязной одежды, тяжёлого дыхания и испражнений. Едва открыли двери вагонов, как повеяло свежим лесным воздухом, его хотелось пить, как родниковую воду.

Прибывших выгнали из вагонов, построили, и началась посадка в грузовики под брезентом. Людей доставили в сельскую местность под названием Хелмно, как значилось на дорожном указателе.

На площади перед замком снова построение. Им объявили, что они прибыли в рабочий лагерь и должны сначала пройти «санобработку», а всю одежду сдать «для дезинфекции». После этого их начали разделять на группы по 50 человек и отводили в первый этаж замка.

Что происходило потом? Завуров этого знать не мог. А происходило следующее. Находившимся на первом этаже приказывали раздеться. Далее узники направлялись в туннель, где висели указатели с надписями «В душевую». В конце туннеля стоял крытый грузовик с распахнутой задней дверью кузова. Это был один из трёх имевшихся в лагере специально созданных «грузовиков-душегубок» производства завода Рено. Грузовик направлялся в «лесной лагерь». Отравленные по пути выхлопными газами либо хоронились в лесу в общих могилах по 30–40 человек, либо сжигались. Привезённым узникам шум душегубок объ-

ясняли работой заводских турбин, утверждая что это рабочий лагерь. Сами душегубки были замаскированы под грузовики для перевозки мебели.

К счастью, Завурова миновала эта трагическая участь. Неожиданная встреча, по сути, спасла ему жизнь.

...Возле него в строю оказался высокий, одного с ним роста, парень — широкоплечий, но куда более крепкий, мускулистый, с воловьей шеей борца, ещё не потерявший силу ввиду голодного существования. Амбал, назвал его про себя Шоломохай. Слово это он впервые услышал в Одессе, во время довоенной службы. Так называли грузчиков, носильщиков.

— Ты цыган? — спросил парень с ударением на первом слоге.

— Почему ты решил?

— Загар как у цыгана. Они постоянно на открытом воздухе, под солнцем.

— Я тоже в основном на воздухе. Связистом был.

— Тогда понятно... Я тебя ещё раньше заметил. Как зовут?

— Саша. (С недавних пор решил представляться этим именем).

— А я Миша. Фамилия Нестеренко, отец хохол, мама — еврейка.

— Не боишься признаться? Вдруг пойду и донесу.

— Не донесёшь. Потому что сам такой. У меня глаз намётанный. Про цыгана я просто так спросил. Откуда будешь?

— Из Узбекистана. Город Шахрисабз. Бухарский еврей.

— Выходит, я не ошибся, — и парень перешёл на незнакомый язык.

Шоломохай часто слышал похожие слова и выражения в Одессе, особенно часто — на Привозе, но значения их не знал.

— Я тебя не понимаю. Смахивает на немецкий.

— Это идиш. Язык ашкеназских евреев. Я в маленьком городке воспитывался, бок о бок украинцы и евреи жили. Я оба языка выучил. А ну, прочитай какую-нибудь молитву, когда в синагогу приходил.

Завуров пожал плечами. Какая молитва, к чему? Но начал тихо произносить:

— Шма Исраэль Адонай Элоэину Адонай эхад. Барух шем квод малхуто лэолам ваэд. Вэа-авта эт Адонай Элоэха...

— Достаточно. А узбекский язык знаешь?

— Знаю. И ещё таджикский.

— Какую-нибудь молитву на арабском можешь прочитать?

— М... Могу, наверное. Я учителем был, по кишлакам ездил, взрослые и дети молились, я слышал. Только надо вспомнить... А зачем?

— Ты ведь обрезанный? В любой момент заставят штаны опустить и тогда хана. Но мусульман ведь тоже обрезают. Вот и стань мусульманином. Назови любую фамилию, пусть она станет твоей. Зато спасёшься. Мусульман фрицы не трогают, наоборот, в охранные сотни, я слышал, записывают. Захочешь записаться — это твоё дело. По мне, любая возможность хороша, лишь бы живым остаться...

— А сам ты? Тоже обрезанный?

— Нет, конечно. Отец не разрешил матери и её родственникам. Документы я сохранил, не зарыл, как другие. По документам я Нестеренко. Украинец. Рядовой. Вот так... Давай я сообщу о тебе фрицам. Я немецкий в школе учил, объясниться смогу. Дескать, знакомый мусульманин боится, что его за еврея примут. А ты придумай, какую фамилию назовёшь, и заодно вспомни молитву из Корана — могут заставить прочесть...

...Амбал посеял смуту в голове, неотступно сверлило в мозгу — кем стать, какие имя и фамилию назвать, чтобы, если всё получится, обрести шансы на жизнь, из бухарского еврея превратиться в мусульманина? И тут ударило, словно разрядом тока: Шариф Заиров! Ну, конечно! Его новый фронтовой приятель, кажется, что-то говорил про поверье у почитателей Корана, вроде как если во время войны смерть придёт за мусульманином, допустим, за мной, Шарифом, я возьму твоё имя и это спасёт от гибели... Пусть теперь будет наоборот...

Шоломохай вспоминал подробности жизни Шарифа, которыми тот делился, их было немного: родился и жил в кишлаке недалеко от Карши, в семье было пятеро детей, три мальчика и две девочки, он — самый младший, учился до пятого класса, потом стал помогать родителям... Где он сейчас, жив ли, пробился к нашим на ту сторону Северского Донца или тоже в плену? «Я стану тобой и попробую выжить в этом аду», — мысленно обратился к нему.

Вот только с молитвой на арабском дело скверно обстояло: смог вспомнить только начальные строчки первой суры Корана, а дальше — ступор.

Михаил выполнил первую часть задуманного — обратился к старшему охраннику: так, мол, и так, вон тот еврей на самом деле мусульманин. Старший охранник повёл Завурова в немецкую комендатуру, располагавшуюся в углу замка. Появился офицер в форме гестапо, уселся на стул, заложил ногу за ногу и стал поигрывать стеклом, слегка ударяя

по голенищу сапога. Он молча разглядывал заключённого, кривя губы, и не начинал допрос, явно кого-то ожидая.

Появился обер-лейтенант в немецкой форме и чалме, с курчавой чёрной бородкой: одна четырёхконечная звёздочка на погонах с обвитым вокруг пуговицы серебряным шнуром. Подобострастно отдал честь гестаповцу и обратился к Завурову, стоявшему навытяжку.

— Я обер-лейтенант Мирзоев Абдурахман, — представился на немецком. — А ты кто? Командир, политрук, еврей? — и прищурился.

Был он примерно одного с Завуровым возраста, невысокий, рыхлый, с намёком на живот; в круглом одутловатом лице выделялись чёрные глаза-маслины — большие, влажные, навывкате (иногда вспоминая историю своего спасения, Шоломохай, по словам сына Алика, неизменно повторял: «глаза, как у коровы, и моргал ресницами редко-редко»).

— Никак нет, господин обер-лейтенант. Я Шариф Заиров, таджик, не командир, не комиссар и не еврей, я мусульманин, — ответил на таджикском.

— Откуда ты родом? — обер-лейтенант произнёс на дари.

— Мои родители — из кишлака близ Карши. Меня мальчиком привезли в Шахрисабз.

— А я узбек, родился в кишлаке Ташлык в Ферганской долине, возле Маргилана. Бывал там?

— В кишлаке не бывал, но в Маргилане несколько раз. Помогал отцу-торговцу.

Обдумывая план возможного разговора с немцами, Шоломохай решил скрыть факты учёбы в Кокандском педтехникуме и дальнейшего учительства. Обмолвишься ненароком — начнут расспрашивать, копать в биографии; вообще, шибко грамотным выставлять себя опасно.

— Когда пришли большевики и начали разорять богатых людей, мои родители смогли уехать в Афганистан. И меня, десятилетнего мальчишку, забрали с собой. Из кишлака многие родственники-узбеки уехали, но многие остались, в основном беднота. Ты грамотный? — неожиданно спросил.

— Закончил семь классов.

И тут поскромничал, решил не открываться.

— Мечеть часто посещал? — И не дождавшись ответа: — Сможешь прочесть какую-нибудь молитву?

Новоиспечённый Шариф Заиров задержал дыхание, набрал в лёгкие воздух и громко начал, почти запел: «Бисмилляхи-р-Рахмаани р-Рахиим Альхамду лилляхи Раббиль гаал-Ар-Рахмаани-р-Рахиим ...

— Достаточно, — обер-лейтенант удовлетворённо покивал чалмой. — Первую суру Корана знаешь...

Больше вопросов он не задавал, а попросил поднять истёртое, кой-где в белых пятнах солёного пота, галифе и показать пенис. Этого допрашиваемый боялся более всего. Он знал: у евреев крайняя плоть не обрезается, а надрезается и как бы наворачивается вокруг пениса в виде обручального кольца, что не требует наложения швов и не оставляет шрамов. Мусульмане же удаляют крайнюю плоть. По такому признаку можно легко опознать евреев.

Это несомненно знал и обер-лейтенант. Допрашиваемый ослабил верёвку, поддерживавшую галифе вместо ремня, и выполнил приказ. Обер-лейтенант взглянул на головку пениса и перевёл взгляд на безропотно стоящего с полуспущенным галифе. В коровьих волооких глазах безобманчиво отпечаталось то, что вселило надежду в упавшего было духом Шоломохоя: глаза молчаливо давали понять — обер-лейтенант всё понял, однако «таджик» может его не бояться...

Мирзоев повернулся к гестаповцу и на немецком что-то сказал. Офицер удовлетворённо кивнул, поднялся со стула и покинул помещение.

— Если останешься жив, дай слово, что побываешь в моём кишлаке. Там много моих родственников, — неожиданно напутствовал Шоломохоя обер-лейтенант и улыбнулся...

С этой минуты бухарский еврей Завуров превратился в таджика Заирова. Ему предстояло привыкнуть к новому имени, сменить идентичность, вжиться в новый образ, как говорится, поменять кожу, но главное, попытаться перестать хоть в какой-то мере ощущать себя евреем, а это было самое трудное.

Некоторые пояснения.

В первые месяцы войны против Советского Союза, когда в руках наступающей гитлеровской армии оказалось огромное число советских военнопленных, а среди них немало представителей восточных народов, большинство немецких солдат восприняли их именно как типичных представителей «недочеловеков». Очень часто именно с ними расправлялись в первую очередь. Не только военнопленные евреи, но и этнические мусульмане активно расстреливались в первые недели войны. В сентябре 1941 г. на одном из совещаний военного руководства, посвящённом вопросам обращения с военнопленными, рассма-

тривались случаи, когда айнзатцкоманды расстреливали всех обречённых военнопленных, в том числе этнических мусульман, относя их к евреям. Даже шеф гестапо Мюллер заявил, что он впервые слышит, чтобы мусульмане практиковали обрезание.

Его просветили на сей счёт, и вскоре он издал приказ, требуя от своих подчинённых учёта этого обычая.

12 сентября 1941 г. Гейдрих, один из вождей нацистской партии и руководителей СС, приказал пленных мусульман истреблять только в тех случаях, когда речь идёт о «фанатически настроенных большевиках, политических комиссарах или других опасных функционерах».

Одной из форм использования мусульман нацистами стало создание воинских частей и подразделений из этнических мусульман — Ostlegionen. Речь идёт о татарах, башкирах, народах Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана, татарах Крыма. В мае 1942 г. глава Восточного министерства А. Розенберг предложил Гитлеру ещё активнее задействовать представителей мусульманских народов СССР в борьбе против Советского Союза. Было объявлено, что последние «по своим религиозным убеждениям являются в основной своей массе противниками большевизма» и что с ними «следует обращаться хорошо для того, чтобы завоевать их расположение».

Фюрер в декабре 1942 г. в разговоре с Борманом позволил себе своеобразную шутку: «Я намереваюсь стать религиозным деятелем. Скоро я буду высшим главой татар. Арабы и марокканцы уже называют моё имя в своих молитвах. А у татар я стану ханом». В том же декабре 1942 г. он выразил своё «доверие» тюркским народам, допустив при этом вольное смешение этнических и религиозных понятий: «Настоящие тюркские народы являются мусульманами... Единственно кому я могу доверять — это чистым мусульманам, настоящим тюркским народам». Однако в корне изменить стереотипы, господствовавшие в немецком обществе, о большинстве других народов как о неполноценных, было невозможно в принципе, ведь такая позиция противоречила официальной идеологии превосходства немцев над остальными народами.

Туркестанский легион объединял в своих рядах представителей коренных народов Средней Азии. При вербовке военнослужащих из представителей народов, традиционно исповедующих ислам, в немецкие формирования и уже в ходе прохождения службы им объясняли распоряжение верховного командования сухопутных сил от 2 июня 1942 г. Данный документ обрисовывал перспективы для этих народов после победы над СССР, особый упор делался на гармоничное развитие рели-

гиозной жизни: открытие мечетей, свободное выполнение мусульманами культовых норм ислама. Большое значение имела идеологическая подготовка легионеров, которую осуществляли немецкие специалисты, а также эмигранты и предатели — члены национальных комитетов, образованных под эгидой министерства оккупированных восточных территорий. Дискредитация советского строя в глазах легионеров строилась немецкой стороной достаточно продуманно. Учитывалось, что многие легионеры сформировались как личности именно в условиях социализма, многие из них уже успели сделать существенные шаги по ступеням карьеры. В такой пропаганде упор делался на отрицательных сторонах советской жизни, например, на негативных последствиях коллективизации. Подготовка легионеров завершалась коллективной присягой и вручением флага, на котором изображались и мусульманские символы, после чего их отправляли на фронт, а в освобожденных лагерях начиналось формирование новых частей.

Летом 1942 г. нацисты обратили своё внимание на серьёзную проблему — возможность выполнения мусульманами религиозных обрядов и обычаев. Из пяти главных обязанностей мусульманина немцы гарантировали выполнение четырёх, исключение составлял хадж. Легионерам разрешалось молиться пять раз в сутки, при этом во время проведения ежедневных молитв они освобождались от военных обязанностей. По пятницам служба заканчивалась в 16 часов. Учитывались и пищевые запросы. Отмечались религиозные праздники: Рамадан, Курбан-байрам, Мухар-рам. Похороны проходили в соответствии с ритуалами ислама.

В легионерской среде немцы распространяли материалы по истории Кавказа и Средней Азии. В некоторых частях были созданы библиотеки со специально подобранной литературой по Востоку. Особой популярностью среди легионеров пользовались военно-географический сборник «Туркестан» и книга «Ислам». Последний труд был издан таким форматом, который позволял удобно размещать книгу в форменном ранце военнослужащего. Был издан миниатюрный Коран для рядовых легионеров. Эти книги носились в жестяных коробочках в нагрудных карманах, для их чтения имелись лупы.

Для подтверждения своего лояльного отношения к исламу немцы в каждой роте национального легиона (батальона) ввели должность муллы; кроме того, были и батальонные старшие муллы.

ШТАЛАГ ЦИГЕНХАЙН

В Хелмно Шариф Заиров не задержался — вскоре его и несколько десятков заключённых перевезли в Германию, в концлагерь Цигенхайн, сравнительно недалеко от города Касселя.

Что же представлял из себя типичный шталаг? Он состоял из ряда отдельных зон. На въезде находились бараки для охраны и различных бюро. Сам лагерь военнопленных начинался с «входной зоны» (Vorlager), где стояли так называемые функциональные бараки — для приёма и регистрации, дезинфекции, ухода за больными, ремесленные мастерские и склады горючего. Затем шла основная зона (Hauptlager), рассчитанная на 10 тысяч узников и разделённая на 10 групп по 4 блока для нижних чинов, то есть по 250 человек на один барак с уборной, причём каждая из групп отделялась от других колючей проволокой. Примерно в центре этой зоны размещения должны были стоять кухонные бараки и лагерная столовая. Устройство барачков регламентировалось до мелочей; план предусматривал на каждого узника по 2,5, а на каждого охранника — по 3 кв. м. По всему периметру шли двойные проволочные заграждения со сторожевыми вышками.

Специально созданные «русские лагеря» по идее должны были вмещать исключительно советских солдат и офицеров, попавших в плен. Однако очень скоро этот вариант был признан ошибочным. Советских людей стали отправлять и в другие концлагеря, где ими распоряжались как ресурсом рабочей силы. С весны 1942 г. «русские лагеря» на территории рейха стали постепенно расформировывать; только один просуществовал до 1945 г. Именно по этой причине герой нашего повествования попал в шталаг Цигенхайн, где, наряду с нашими людьми, находились пленные из нескольких европейских стран, захваченных гитлеровцами.

Советские военнопленные отныне подразделялись на две группы. В первую входили те, чьё поведение вызывало подозрения, а имевшихся дисциплинарных мер для их наказания, по мнению коменданта лагеря, было недостаточно. Поэтому таких передавали гестапо и доставляли в концлагерь, но не для казни. Вместо этого их теперь считали «арестантами» (Schutzhäftlinge). Были все основания полагать, что со временем именно эта группа достигнет весьма существенных размеров.

Ко второй группе причисляли комиссаров, евреев и тех пленных, кому инкриминировали тяжкие преступления. Следовало ожидать, что

Концлагерь Цигенхайн

их будут истреблять так же, как раньше. Насчёт «политруков и политкомиссаров» было отдано распоряжение, что их должны переводить исключительно в Маутхаузен. Однако даже

в пределах этой группы устанавливали определённые различия. Так, в сентябре 1942 г. управление гестапо в Позене запросило указания, как же следует поступить с 62 советскими военнопленными, «отобранными» в шталаге XXI С Волльштайн. Было принято решение: «Прошу особенно тщательно поработать с имеющимися евреями, политруками и политкомиссарами и составить списки, выяснив, были ли политруки и политкомиссары взяты в плен в бою или перебежали. В первом случае они подлежат казни, в то время как перебежчики должны быть переведены в концлагерь Маутхаузен. Евреев следует казнить в любом случае».

Немцы остро нуждались в рабочей силе. Поэтому поголовные чистки и казни в связи с принадлежностью к определённым группам военнопленных с августа 1942 г. стали скорее исключением. Теперь всё зависело скорее от обстоятельств попадания в плен и от того, являлся ли военнопленный евреем.

Идеология национал-социализма предписывала разное обращение с узниками разных национальностей. Это начиналось с обеспечения продовольствием: рацион для узников из стран Запада хоть и не разнообразен, но достаточен. Кроме того, они имеют право покупать продукты и товары вроде сигарет в лагерной столовой, а также получать посылки — от организаций вроде Красного Креста или от родственников, с которыми им разрешается вести переписку. В то же время узники «русского» лагеря получают скудный рацион.

Французские унтер-офицеры, освобождённые от трудовой повинности, пользуются гарантированными Женевскими конвенциями правами на досуг и культурную деятельность: со временем образуются оркестр классической музыки, джазовый ансамбль, театр, футбольная команда, собирается большая библиотека и даже открывается «лагер-

ный университет» в целях профессионального развития. Пожалуй, самый известный узник Цигенхайна Франсуа Миттеран, ставший впоследствии президентом Франции, читает в этом университете лекции по юриспруденции (!). Такое образцово-показательное содержание военнопленных выставляется и немецким режимом, и французским режимом Виши в пропагандистских целях.

Советским военнопленным же вовсе отказывают в возможности вести культурную жизнь. Бывший узник Иван Андреевич Гусев вспоминал, как он обменивался книгами с другими заключёнными — чтение было единственной возможностью хоть ненадолго отвлечься от ужасов лагерной жизни.

Как предусмотрено Женевскими конвенциями, за шталагом пристально наблюдает Международный Красный Крест. Организация повторно выражает возмущение из-за ситуации с медицинской помощью в лагере. Врачам отведены лишь два барака, один из которых занят аптекой и стоматологическим кабинетом. Для лечения больных места практически нет. Узников с серьёзными заболеваниями из лагеря увозят. «Русский» лагерь Красный Крест обходит своим вниманием. Из-за царящих там антисанитарии и голода быстро распространяются инфекционные заболевания. Больных переводят в лазарет, однако лазареты для советских военнопленных не оснащены для лечения людей. Врачи лишь изолируют больных, предоставляя их своей участи, уровень смертности зашкаливает.

Через неделю после пребывания в шталаге военнопленных обычно распределяли по рабочим командам в сельском хозяйстве или на производстве, где они и жили. Красноармейцев отправляли на самые тяжёлые работы: на строительство дорог и добычу полезных ископаемых, на производство военной продукции или на каменоломни. Лишь некоторым везло оставаться работать в лагере, например, на кухне или в обувной мастерской.

...Повторю: пленные иностранцы чувствовали себя неплохо, так как по соглашению с Красным Крестом они часто получали продовольственные посылки от этой организации (а советское правительство такого соглашения не имело, так как считало попавших в плен изменниками). Кроме того, они получали посылки от родных, находящихся на оккупированной немцами территории. У них было печенье, конфеты, консервы и даже шоколад. Кое-что из этого они перебрасывали «русским» через проволочную ограду (в том числе и сигареты). Когда они шли в баню, то

несли с собой большие чемоданы, так как их бараки в это время дезинфицировали. Суп и картофель в мундире, выдаваемые им, они почти не ели. «Русские» же довольствовались тем, что для них готовили суп из картофеля и турнепса с капелькой жира и приносили на площадку между бараками в термосах-бидонах. На каждый бидон выстраивалось определённое количество людей из расчёта по литру на человека. Каждый хотел получить суп со дна, т.е. погуще, который раздавал старший группы. Все эти бидоны раздавались ещё закрытые, по жребью, так как в одном из них суп мог быть пожиже, а в другом погуще.

Распорядок в лагере был жёсткий. Подъём в 6 часов утра, затем проводилась поверка. Поверки проводились иногда в помещениях, а иногда во дворе. Если количество не совпадало, приходилось стоять часами и ждать, пока совпадёт. Счётные поверки проводились ежедневно два раза: утром и вечером. После так называемого «завтрака» тех, кто работал за пределами лагеря, колоннами угоняли на работу. Лагерный состав пленных оставался на месте и работал в лагере. В 13 часов был перерыв на час. В это время выдавали тарелку горячего супа. Ежедневно в обеденный перерыв передавали граммофонную музыку. Это были всегда одни и те же пластинки с мелодиями из оперетты Легара «Весёлая вдова». Их проигрывали беспрестанно потому, что они были, якобы, из любимой Гитлером оперетты!

Базовый состав лагеря работал до 18 часов, потом проводилась счётная поверка, а после неё — выдача сухих пайков. До отбоя было свободное время, которое полагалось проводить в закрытых помещениях. Пока не раздавалась команда: «Потушить свет!», — в коридорах и лестничных клетках шёл обмен. Самым ходовым товаром было курево. В 22 часа выключался свет. Темноту в лагере прорезали лишь освещающие ограду из колючей проволоки лучи прожекторов на карательных вышках.

БУТЕРБРОДЫ В ТУАЛЕТЕ

Жизнь человеческая в концлагере соткана из маленьких и больших везений, удач — иначе не выжить. Шарифу Заирову повезло — он попал не в «русский» барак, а к бельгийцам. Его объединили ещё с четырьмя мусульманами-узбеками и выделили им отдельный «загон».

Узбеки попали в плен ранней осенью 1942-го на подступах к Сталинграду. Были они из кишлаков Ферганской долины, не шибко грамотные, по-русски почти не говорили; запуганные растерянные, сразу же безоговорочно признали авторитет более старшего по возрасту

соседа по нарам. Он общался с ними на узбекском, но не скрывал, что по национальности таджик. Возможно, его новые соседи подозревали, что Заиров не тот, за кого себя выдаёт, не таджик, а еврей — об этом мы можем лишь догадываться. Однако своими возможными подозрениями они ни с кем не делились, прежде всего, с надсмотрщиком-капо, постоянно дежурившим в бараке.

К радости Шарифа, все четверо не проявляли религиозность, не молились по пять раз в день, и вообще вели себя тихо, страдая от голода. Бельгийцы не обращали на них внимания. Зато к Шарифу приглядывались, он чувствовал это.

Рядом с мусульманским отсеком на койке лежал пожилой бельгиец, заросший седой щетиной, казавшийся глубоким стариком. Его пару раз таскали на допросы (Заиров приметил), после которых старика буквально приносили на руках и укладывали на койку. На руках и лице виднелись следы побоев. Старик, похоже, неслучайно интересовал кассельское гестапо — к нему почему-то не подходили бельгийцы, словно боясь «засветиться». Такое предположение сделал Шариф.

Неподалёку находился бачок с водой, Шариф слышал просьбу-стон старика: «Аква!» «Аква!» Догадался — тот просит дать попить. Шариф напоил его, старик что-то произнёс на непонятном языке и погладил его руку. Так происходило несколько раз.

Старика, кажется, пытались скрыто подкармливать: Заиров слышал, как он иногда ночью что-то жуёт. Бельгийцы получали посылки Красного Креста. Но почему не подкармливали открыто, днём? Это было непонятно.

Заирову было жалко старика. Воспитанный в определённых традициях, он уважал и почитал старость и по доброте душевной старался облегчить старику страдания. Однажды утром после поверки он обратился к капо и кое-как объяснил, больше жестами, нежели словами: койка старика издаёт плохой запах, пахнет мочой. Капо приказал Шарифу убрать койку, проветрить тюфяк. Бельгийцами это не осталось незамеченным и было оценено.

Шарифа вместе с узбеками определили работать на каменоломне. Уставал он зверски. Как-то после смены зашёл в барачный туалет, кто-то подкрался сзади и прижал лицом к стене. Он не успел испугаться, как почувствовал — в карман рабочей робы что-то положили.. «Schauen Sie nicht zurück!» — «Не оборачивайся!» — услышал приказ

на немецком. Он понял. Через минуту оглянулся — никого. На койке полез в карман и достал завёрнутые в вощёную бумагу два куса чёрного хлеба с сыром и колбасой. Потянуло забытым мясным чесночным духом. Хорошо, узбеков рядом не было, иначе бы запах учуяли...

Он пожевал бутерброд, остаток спрятал под матрасом. Ночью, удостоверившись, что все вокруг спят, тихо слез с нар, прокрался к старику и сунул ему второй бутерброд. Тот проснулся и понимающе закивал...

Это продолжалось почти каждый вечер. Кто-то в туалете, чьего лица он не видел, засовывал ему в карман еду, которой Шариф ночью делился со стариком. Кому надо, те видят мои тайные вылазки, решил он, начиная что-то соображать. Похоже, старик — важная птица, к нему идут связи бельгийцев, готовящих нечто серьёзное. Скорее всего, побег. Немцы что-то унюхали, поэтому бельгийцы так осторожны, со стариком лишний раз не общаются, а используют меня, не дающему старику умереть голодной смертью. Если немцы узнают, мне не отвертеться...

Побег манил, как притягивает нечто невозможное и желанное. Узников предупредили: если поймают при побеге или после побега, то неминуемо ждёт расстрел. Неужто бельгийцы всё-таки решатся? Но куда бежать из центра Германии, где находится лагерь...

...В бельгийском отсеке шталага Цигенхайн что-то готовилось — Заиров кожей чувствовал это. Его, понятно, не посвящали в планы, тем не менее тайные передачи еды для старика участились. «Подопечный» Шариф окреп, на допросы его не таскали. Сами собой наплывали мысли о возможном побеге, и так же легко развеивались. Слишком уж несбыточным выглядело исчезновение из тщательно охраняемого лагеря... Шариф прикидывал: ну, хорошо, каким-то образом удастся проникнуть за колючую проволоку, а что дальше? Допустим, бельгийцы, скажем, через Красный Крест, установили связи с местными жителями, те их укроют, помогут с нормальной, цивильной одеждой, снабдят какими-то документами. Но как двигаться через пол-Германии и куда? Европа в руках немцев...

Так продолжалось некоторое время. И вдруг среди бельгийцев началось волнение — Шариф почувствовал это по некоторым признакам. В частности, почти прекратилась передача для старика бутербродов в туалете. С несколькими бельгийцами он иногда общался на ломаном немецком. Те по секрету сообщили — похоже, их переводят в другое место — недалеко от французско-бельгийской границы, в город Кассель. Созвучие удивило Шарифа: их лагерь находится вблизи немецкого Касселя, а оказывается, есть ещё и французский Кассель!

Возможно, это только слухи. Хотя кто знает — бельгийцы, как и другие узники из стран Европы, всё-таки на особом положении. Может, с помощью Красного Креста их готовят к отправке на родину, а пока хотят переместить поближе к границе. Шарифа будоражила мысль: если отправка состоится, то не объединят ли старика и его товарищей с мусульманским отсеком? Он не имел бы ничего против, лишь бы покинуть опостылевший немецкий концлагерь.

Однажды старик и группа бельгийцев исчезли. Их забрали ночью и увезли из лагеря. Заиров — единственный из мусульманского отсека — оказался в их числе

«ВИВА РУССИЯ», «РУССКИЙ ХАРАШО»...

Куда везут? Далеко ли? Никто ничего не знал. Вагон был наглухо закрыт, и только для подачи пищи и воды открывался люк в двери. Но по разговорам снаружи «пассажиры» товарняка могли немного ориентироваться. Двигались по Франции, предполагали, что на юг, но куда именно — загадка.

И вот утром на одной из станций услышали сильный гомон и неожиданные выкрики «Вива Руссия», «Вива Сталин», «Русский харашо» и т.д. Кто-то в вагоне сказал, что перевалили границу Италии. Но почему так дружелюбно приветствуют русских, и откуда они здесь взялись?

Выгрузили узников недалеко от Рима, где они вместе с другими военнопленными неделю грузили в вагоны какие-то авиационные приборы. Среди них и впрямь оказалось немало русских. Заиров обрадовался — по-русски он неплохо говорил и потихоньку начал общаться с трудившимися бок о бок, узнавать от них новости.

Они познакомились с местными грузчиками. Сначала с недоверием отнеслись к итальянцам, считая их союзниками немцев. Знали, что итальянская армия сражалась вместе с гитлеровцами против советских войск под Сталинградом и вдруг — такие изменения. Надо было узнать причины. И вскоре стало ясно, что с итальянским фашизмом в стране покончено, дуче Муссолини отстранён от власти и арестован. Шёл август 1943-го...

Вступившая на территорию Италии Германия со своими порядками пришлась не по душе измотанному долголетней войной итальянскому народу. Из союзника немцы превратились в смертельного врага. Стремление немцев пополнить свои терпящие поражение армии за счёт итальянцев терпело неудачи. Мобилизации срывались. Молодёжь не хотела вновь ввергнуть себя в огонь войны. Единственное стремле-

ние большинства слоёв населения — как можно быстрее освободиться от такого навязчивого союзника. Так бывшие советские военнопленные нашли в итальянцах друзей по оружию.

Через неделю Заирова и группу новоприбывших «русских» военнопленных отправили в местечко Монтеротондо, юго-восточнее Рима, и поместили в концлагерь. Выглядел он необычно: высокое здание было заселено немцами, узников поместили на чердаке. Утром выходили на работу, спускаясь с чердака по главной лестнице, а вечером поздно, приходя с работы, забирались наверх. На работе, которая заключалась в погрузке в вагоны ящиков с оборудованием, запчастями и другими грузами, встречались с итальянскими рабочими. Часто те приносили из своих скудных запасов кое-какую еду. Практикуясь ежедневно в итальянском языке, Заиров вскоре начал связывать целые фразы. Перемешивая немецкую, русскую и итальянскую речь, он изъяснялся, и его понимали. Например: «Дойтш солдат Руссия скапаре» — «Немцы бегут из России». Переходили к разговору о положении на фронте. Находилась карта, на ней уже чьей-то рукой были нанесены возвращённые советской армией населённые пункты.

Возникла идея организации побега. Прежде всего, требовалась подходящая одежда, чтобы выкинуть наводящую на подозрение лагерную экипировку. Нужно что-нибудь из оружия — пригодится при побеге. Подобрать надёжных ребят, способных идти на риск. Насчёт одежды и оружия Луиджи, работавший на погрузке рядом с «русскими», они подружились с ним, пообещал кое-что сделать. Команда подобралась — Заиров и ещё с десятков крепких духом. Некоторые, правда, сначала отнеслись к смелой идее с недоверием. Как можно бежать, не зная языка, в чужой стране? Допустим, побег наш будет удачен, потом что? Пробирайтесь через фронт к союзникам, которые к этому времени высадили десант на юге Италии? Скрываться в лесах и горах? Вот такие вопросы. Но когда группа смельчаков начинала рисовать радость свободы, то скептики умолкали.

Луиджи активно взялся готовить одежду, принося брюки, рубашки, куртки по одному-два предмета, их прятали на чердаке. Скоро гардероб будущих беглецов имел всё необходимое на первый случай и даже по одной ручной гранате типа лимонки на каждого человека. Появился пистолет. Принесли карту окрестностей Монтеротондо, где уже был помечен пункт первой остановки после побега. Если, конечно, он будет удачным.

Для побега наметили день 24-е октября. Этот день устраивал потому, что у немцев был какой-то праздник, а праздник у них всегда сопровождается крепкой попойкой, песнями и, во всяком случае, полной беспечностью. Для побега были два варианта.

Один — более рискованный и дерзкий. Бежать через главные ворота, уничтожив охрану. На каждом этаже, а их было три, стояло всегда по часовому на лестничной площадке. Если только поднимется тревога, то выскочат все из своих комнат, и беглецам, конечно, с ними не справиться, но если выходить поздно ночью часа в три, да притом зная, что все пьяные и спят, и часовой не всё время обращает внимание на лаз наверху, а иногда и дремлет. Снять его без шума ничего не составляет, на втором этаже тоже — один, и на первом, там проходные ворота, в которых сидит вахтёр и пропускает с прогулки возвращавшихся немцев, не обращая внимания, что делается в доме.

Второй вариант — менее рискованный, но требующий много времени и некоторой сноровки. Спускаться по верёвке на крышу прилегающего к нашему зданию дома. Спуск — метров пять-шесть. А там, пользуясь тем, что в Италии все дома прилеплены друг к другу и по крышам можно обойти чуть ли не весь город, — выбраться в нужную его часть. Однако найти такое количество верёвок и принести их в лагерь нелегко. А вдруг оборвётся верёвка — надо иметь запасную...

Подумали и решили использовать обе возможности.

Ещё раз условились о месте встречи с Луиджи. Для спуска было приготовлено всё, включая заранее припрятанные железные ломы.

Ночь выдалась дождливая, ветреная. На нижних этажах пели и веселились охранники. Вскоре они утомились от излишне выпитого шнапса и успокоились. Пора за дело. Три часа ночи. Тихо по одному на крышу вышла первая группа. Нервы напряжены. Первыми начали спускаться более лёгкие. Слышна команда: «При малейшей подозрительности действуйте гранатами».

Не дожидаясь спуска последнего человека, группа Заирова начинает свою операцию. Босиком попарно вышли с чердака. Двоим ребятам, Петру и Фёдору, дано задание часового на третьем этаже снять без малейшего шума, иначе всей затее конец. Вслушиваются, что происходит вокруг. Три этажа, трое часовых, а внизу ворота, где тоже один часовой. Надо действовать тихо, чтобы не проснулись крепко спящие в своих комнатах немцы. На площадке третьего этажа, прислонившись к перилам, дремлет часовой. Пётр и Федя, два сибиряка с одной де-

ревни, подкрадываются к часовому, Петя накидывает на голову фрица пиджак, а Федя ломиком довершает дело. Тихо, нигде ни звука. Начало сделано, медлить некогда, идут по двое на дистанции.

На втором этаже часового не оказалось. Как тени, скользнули на нижний этаж. Здесь часовой ещё беспечнее дрыхнет, заливаясь храпом. Спустились бесшумно, выключили свет в вестибюле и, пользуясь темнотой ночи, шумящим в деревьях сильным ветром, подошли к сторожевой будке у ворот. Прислушались. Всё тихо. Вдоль каменного забора старые каштаны свешивают ветви на другую сторону. По каштанам, поддерживая друг друга, группа быстро перелезла через забор.

Шлёпая по лужам уже далеко за забором, услышали тревогу. Зажглись огни во всём доме, поднялась беспорядочная стрельба из автоматов в воздух. Поздно, голубчики, проспали наш побег, лихорадочно думает Шариф. Мы уже на том месте, где условились встретиться с Луиджи. Один из первой группы хромает — упал при спуске и сильно зашиб ногу. Не выдержала верёвка. Оказывается, он стал спускаться, когда ещё не совсем спустился предыдущий, вот верёвка и не выдержала такую нагрузку.

Вот и Луиджи. Куда он нас ведёт? Достаточно ли мы его знаем, чтобы доверять судьбу четырнадцати человек? Так думает Шариф, так думают остальные. Мы все в его распоряжении. Куда захочет, туда и приведёт. Лавируя между домами, гуськом по одному, в более опасных местах укрываясь в тени домов и заборов, вышли в открытое поле. За ним — лес. Спустились под крутой обрывистый берег. Под берегом, в вырытых небольших пещерах, Луиджи осветил карманным фонариком двух людей. Одеты в итальянскую солдатскую форму, к стене грота приставлены два карабина. Что за люди? Как они сюда попали? Не ловушка ли? Сомнения быстро развеиваются. Оказывается, это итальянские солдаты, бежавшие из немецкой армии и ставшие партизанами.

— Нон паура квесто итальяни партиджани, — видя наше недоумение, успокаивает нас Луиджи. — Не бойтесь, это итальянские партизаны.

Они принесли винтовки и патроны в ящиках.

Так началась партизанская жизнь еврея-гаджика Шоломохая-Шарифа. В отряде его называли «Сашка» — такое русское имя придумал он себе сам.

...Прибежал дежуривший на посту, предупредил: «Алесслио, тедески мольто ква, ква, ква» — это значило: «Немцы идут сюда, много немцев». Поняв опасность положения, бойцы вышли на край оврага и, пользуясь

густыми зарослями кустарника, стали наблюдать. Около пятидесяти немецких солдат под командованием нескольких офицеров расположились напротив оврага на расстоянии четырехсот метров, разбившись на группы по десять человек. Они заняли исходные позиции, используя высоковольтные мачты тянувшейся вдоль оврага линии электропроводов. Партизаны приготовились к обороне. Огневые точки для четырёх пулемётов были намечены заранее. Пользуясь маскировкой густого кустарника, отряд хорошо видел фрицев, угадывал их намерения. Враг же их не видел. Видно, как немцы перемещаются от одной мачты к другой, а офицеры подают неслышные команды, видно поблёскивание на солнце окуляров их биноклей. «Ребята, открывать огонь только по моей команде и не раньше, как подпустив их на пятьдесят метров», — отдаёт приказ командир русской группы Анатолий. Петя не выдерживает и требует: «Чего ждать, мы их тут у этих столбов всех к чертям перекошим, давай команду». — «Петро, пойми, что как только они услышат выстрелы, сразу залягут в бетонированные фундаменты мачт и мы ничего не добъёмся, а себя разоблачим».

Ждут, не подавая вида, час, другой. Немцы в замешательстве. У каждой мачты офицер с биноклем, сверкая окулярами, разглядывает фронт, но что он может увидеть в густых зарослях? Так и не решились они уйти вперёд от высоковольтных мачт. Стало уже смеркаться — тогда, выстроившись в походный порядок, ушли, несолоно хлебавши, в сторону Монтеротондо. Кто знает, чем бы это всё кончилось, но стало ясно, что немцы знают о расположении отряда.

В эту ночь перебазировались на другое место, недалеко от Монтеротондо, но с другой стороны. Немцы же предприняли на другой день более организованную облаву на лес, но было уже поздно, так как свои следы партизаны замели очень тщательно.

Через неделю перебрались на старое место, но уже с большей осторожностью. «Атенционе» стало их девизом. *Atenzione* — внимание.

Вскоре бойцы отряда напали на немецкий склад продовольствия — запасы съестного заканчивались, пополнить их было негде, так как население тоже бедствовало. Операция получилась неудачной — охрана, возможно, была предупреждена, усилена и готова к отражению нападения. Поднялась стрельба. Партизаны вынуждены были спасаться бегством. На базу никто не вернулся, ибо имелось опасение, что местоположение её хорошо знакомо гитлеровцам.

Была и ещё одна причина решения командира не возвращаться на базу. Партизанам удалось собраться вместе после неудачного боя,

недоставало только «русского» Сашки. Он пропал. В отряде всполошились — не выдаст ли он, если попадёт в руки к немцам? А может, уже попал? Сашка оказался под подозрением.

А он тем временем, не найдя товарищей, вернулся на базу и день-другой провёл в одиночестве. Никого не было, ни своих, ни врагов. И еды тоже не было.

Оголодав, Сашка покинул базу и через заросли кустарника пробрался к речке, решив понаблюдать за окрестностями. Вдалеке виделись очертания большого дома. Никакого движения в доме и вокруг него не наблюдалось. Биногля у Сашки не было, разглядеть детали он не мог. Решил дожидаться темноты и незаметно уснул.

Проснулся от шорохов и непривычных звуков, увидев рядом лошадиные копыта. Поднял голову — на лошади сидел какой-то человек. Сашка потянулся к винтовке, человек заговорил по-итальянски, дружелюбно улыбаясь. Сашка поднялся и жестом показал: «Хочу есть». Всадник спешил и повёл к тому самому дому, маячившему вдали. В окнах горел свет. Сашка шёл за проводником и испытывал неуверенность — что ждёт его?

Хозяином оказался пожилой итальянец с седой бородкой клинышком. В доме было много книг. Сашка назвал про себя хозяина «профессором». Его накормили. На стол подавала дочь хозяина Беатрис — молодая симпатичная светловолосая, что редкость для итальянок. В доме больше никого не было.

Скудного запаса итальянских слов и выражений, которыми владел Сашка, хватило для объяснений: «русский», бежал из фашистского концлагеря, партизан, потерял связь со своими. Он не боялся открыться — иного выхода у него не имелось.

Беатрис сказала: немцы в дом не заходят, мы их не интересуем, они ищут партизан, мой отец-учёный вне подозрений.

И Сашка нашёл в доме уют, пищу и благосклонность Беатрис. На всякий случай, ему определили место нахождения в полуподвале с двумя бочками вина и запасом сушёных фруктов. «Если вдруг нагрянут немцы, прикинься глухонемым», — учила новая подруга.

Так прошло несколько месяцев.

Беатрис объявила, что беременна. Эта новость оглушила Сашку.

По какому-то поводу городе готовилась ярмарка. «Я хочу пойти», — заявила девушка. — «Иди с Сашкой. Если что, он — глухонемой», — решил отец.

Они гуляли по торговым рядам. Сашка выглядел как итальянский крестьянин: стоптанные башмаки, тёмные холщовые брюки и кургузый пиджачок с вытертыми локтями, а сверху — серое поношенное пальто из профессорского гардероба.

Его окликнули. Двое молодых мужчин подошли и крепко взяли под руки. «Привет, Сашка, мы тебя искали...» Оказались ребята из отряда — русский Алёша и итальянец Массимо. Алёша сообщил, что отряд существует в новом месте дислокации. Про Сашку в отряде вспоминали, кое-кто думал — предатель, потом перестали так считать — поводов не было. Пропал и пропал. А теперь нашёлся.

«Пошли с нами», — приказал Алёша.

Беатрис смотрела с недоумением, русскую речь она не понимала. Массимо пояснил, что её спутника они забирают с собой. Девушка стала возражать, но партизаны приказали ей замолчать и не подвергать риску быть пойманными немцами. Растерянного Сашку увели у неё на глазах...

Трудно сказать, какие чувства его обуревали в эту минуту. Он не хотел расставаться с Беатрис, беременной его ребёнком, однако и надолго оставаться в её уютном, гостеприимном и покуда безопасном жилище считал для себя невозможным. Да и товарищи по совместной борьбе не позволили бы — это он отчётливо понимал.

...В отряде ему обрадовались. Вскоре поступило распоряжение: всех «русских» перебросить в Албанию на подмогу местным партизанам. Набралось человек двадцать. Их присоединили к группам, собранным в других отрядах. На лодках они переправились к албанскому берегу.

Он всё реже вспоминал Беатрис. До конца своих дней он так и не узнал, кого она родила и родила ли вообще.

В АЛБАНСКИХ ГОРАХ

Обрисую ситуацию в Албании в ходе Второй мировой войны.

В результате итало-албанской войны 7–12 апреля 1939 страна была оккупирована итальянскими войсками. В 1940 в стране появились первые партизанские антифашистские отряды, возглавлявшиеся бывшими офицерами королевской армии. 8 ноября 1941 разрозненные марксистские группы в Тиране объединились в Коммунистическую партию Албании. 16 сентября была проведена подпольная конференция в городе Пеза, в результате которой был создан Национально-освободительный фронт Албании (НОФА). В этом фронте были объеди-

нены антифашистские группы и движения с различной политической ориентацией, однако доминировали в нём коммунисты. К концу 1942 на территории страны сражались 22 партизанских отряда.

Албанская компартия во главе с Энвером Ходжей действовала на территории южной Албании. С июня 1941 года небольшие отряды партизан начали устраивать засады на итальянские патрули. Весной 1942 года началось формирование мобильных батальонов и сил местной самообороны, а в апреле 1943 года в Албанию прибыла английская военная миссия, в задачу которой входила поддержка партизан. В мае территорию Албании разделили на оперативные зоны и был сформирован партизанский генеральный штаб. К июлю силы албанских партизан насчитывали порядка 10000 человек, действовавших в составе 20 батальонов и 30 отрядов. Во главе этих сил, получивших название Народно-освободительной армии, стоял генерал-полковник Энвер Ходжа.

Осенью 1943 англо-американские войска высадились на территории Италии. Пользуясь растерянностью итальянских войск, части НОАА взяли под свой контроль побережье Ионического моря, создав в перспективе возможность установления связей с находившимися в Южной Италии войсками союзников.

Капитуляция Италии, произошедшая в сентябре 1943 года, стала поворотным пунктом в истории албанского партизанского движения. Некоторые итальянские солдаты отправились домой, дивизия «Фиренце» в полном составе перешла на сторону партизан.

В декабре 1943 года немцы нанесли удар по территории на юге Албании, контролируемой партизанами. Разгромить их фашистам не удалось — к этому времени Энвер Ходжа располагал шестью бригадами общей численностью 35000 штыков. Под натиском противника партизаны отступили в горы. В феврале 1944 года они спустились с гор, снова овладели утраченными территориями и начали продвижение на север. 17 ноября 1944 части НОАА взяли Тирану. 29 ноября был взят Шкодер, последний албанский город, удерживаемый оккупантами. Это был День освобождения Албании от фашистских захватчиков.

Такова общая картина.

К сожалению, достоверных сведений о пребывании Сашки в Албании не имеется. Алик вспоминает лишь обрывочные фразы об этом коротком периоде партизанской деятельности отца. Шоломохай, верный себе, не делился подробностями. Запомнилось сыну со слов отца: конец 1943-го выдался очень тяжёлым, постоянная бомбёжка, бойцы

Удостоверение
партизана Албании

вынуждены были вести полуголодное существование. Они ушли в горы. В горах было холодно, из пищи только рыба, добывали её в реках и водоёмах остро-

гами и ели сырую — разводить костры и топить печи в горных жилищах было опасно из-за обнаружения огня и дыма вражескими самолётами-разведчиками.

Привычка к спартанскому образу жизни сохранилась у Завурова на долгие годы. Зимой в своём доме он предпочитал спать в неотапливаемом помещении, укрываясь тонким одеяльцем. Переносить холод приучился в албанских горах.

Забегая вперёд, замечу: запись в военных документах о партизанских буднях в Албании крепко выручила Шоломохая и, быть может, избавила от перспективы снова оказаться за колючей проволокой — на сей раз советского лагеря. Об этом — позднее.

«РУССКИЙ» БАТАЛЬОН

Пик партизанской биографии Сашки приходится на Югославию. Когда в отряд прибыл связной из Македонии, несколько «русских» решили уйти к югославским партизанам. После тяжёлого двухнедельного перехода небольшая группа со связным прибыла в расположение одной из баз македонцев.

Герой этой книги, бухарский еврей, ради спасения ставший таджиком, оказался далеко не единственным иностранцем, сражавшимся в рядах югославских партизан. Документы говорят о том, что граждане Советского Союза составляли вторую по численности после итальянцев группу иностранных бойцов НОАЮ. Документально установлено наличие свыше 6 тысяч советских граждан в 188 частях, соединениях и военных учреждениях югославских партизан. Их традиционно называли «русскими», хотя они представляли многие десятки национальностей. Существовали «русские» роты, «русские» батальоны. В одном

таком подразделении, входившем в состав 18-й Словенской ударной Базовицкой бригады, в конечном итоге оказался Сашка.

Но до этого ему довелось участвовать в боях в разных областях Югославии. Особенно тяжело было зимой. Жили партизаны в большинстве случаев под открытым небом. Типичная картина: вечереет, бойцы тащат хвойные ветви для постелей, сушняк для костров. Копают в снегу ямы, устилают хвоей. Если возможно, разжигают костры (бывает нечасто), ставят дежурных и засыпают. Морозы в горах лютые, холод пробирает до костей. А ведь почти ни у кого нет тёплой одежды. Хуже всего — нехватка пищи. Обычная партизанская еда — жидкая мамалыга и крохотный кусочек мяса. Раза два-три в месяц получают по 100–200 граммов хлеба.

Разные люди пополняли отряды. Заиров стал свидетелем неприятного разговора. В его отряд попали несколько «русских», говорили, что бежали из плена. Одного звали Гриша, другого — Степан. Как солдаты оба оказались хороши, особенно Гриша, смахивающий на еврея. Шариф спросил его о национальности, тот ушёл от ответа. Степан, тот хоть и участвовал в боевых операциях и неплохо себя проявлял, часто бурчал, недовольный бытом. Однажды выпалил, не удержавшись: «Я у немцев в плену жил лучше, когда шофёром работал!» Командир-серб услышал и взорвался: «Да ты понимаешь, что такое партизанская война!? Как ты, вообще, можешь такое говорить!? Мы окружены врагами, почти всегда находимся в окружении, и тем не менее боремся, уничтожаем фрицев. Да, часто голодаем, спим на снегу, но не сдаёмся. А ты хоть и русский, а паникёр...».

Бои, стычки, переходы, нападения на маленькие отряды в деревушках, в которых находились немцы, диверсии... Почти каждый день что-то происходило. Подрывали рельсы: укладывали взрывчатку под полотно. подрыв производился шнуром, который поджигался. Заиров наблюдал, учился, сам участвовал в подрыве дорог, рельсов, небольших мостов. Пищу добывали, захватывая немецкие склады с припасами. Такое, правда, происходило нечасто — немцы ставили на склады усиленную охрану. Кое-что приходилось брать у крестьян. Например, брали овцу, а взамен выписывали бумажку, чтобы хозяин потом мог получить деньги.

В горах стояли одинокие домики. Бывало, зайдёт Шариф, хозяйева дадут маленький кусочек хлеба — и он готов тысячу раз благодарить за него. Даже когда удавалось добыть муку, хлеб не выпекался, поскольку разводить костры было опасно.

Так с боями продвигалась группа партизан по стране, пока не пришли в район местечка Кобарид, где их приняли в словенскую бригаду. Она была сформирована в октябре 1943-го в долине реки Соча на территории «Кобаридской республики». Там же позднее появились «русская» рота, а затем 2-й «русский» батальон под командованием Анатолия Дьяченко, ставший впоследствии самым известным боевым подразделением из советских граждан в НОАЮ.

Территорию «Кобаридской республики» обороняли 14 партизанских отрядов. Они отбивали попытки небольших вражеских подразделений продвинуться вглубь освобождённого района. Однако были рассредоточены на значительном удалении друг от друга, достигавшем до двадцати и более километров, что затрудняло связь и взаимодействие.

...Шла зима 1944-го.

Бойцы накапливали силы и проводили диверсионные акции. В ночное время 18-я бригада (так теперь она именовалась) совершила диверсии на участке железной дороги и разрушила три железнодорожных моста. Борясь с превосходящим противником, партизаны маневрировали и наносили неожиданные удары. 17 января «русская» рота в составе 2-го батальона, совершив бросок, пришла на помощь бойцам бригады, которые отбивались в селе Локовец от наседавших на них легионеров тюркской дивизии.

...Партизаны отправились в дальний рейд в район, где немцы их никак не ждали.

Поход в район большой концентрации немецких войск длился более трёх недель. Бойцам приходилось преодолевать значительные трудности. По воспоминаниям Дьяченко, часто по несколько дней люди в зимний холод не имели горячей пищи и даже возможности обогреться у костра. Праздником были дни, когда удавалось отбить у противника немного продовольствия.

Обстановку тех дней передают дневниковые записи Павла Ляшко:

Были на операции. Заминировали железную дорогу... От взрыва поезд перевернулся. Мы обстреляли состав и атаковали охрану. Много вагонов было с мылом и карбидом. Подожгли их и ушли. Весь день нас бомбили 4 немецких самолёта. Ранено 5 человек. После боя шли всю ночь. Утром форсировали глубокую и быструю р. Соча. Поднялись на плато Крн. Снег по колено, сильный мороз. Поход

длился 22 часа без еды. После длительного марша отдыхали. Раз только варили суп — почти одна вода. Хлеба давно не видим.

Был такой случай. Партизаны Гореньского отряда захватили лагерь французских военнопленных, работавших на одном из немецких предприятий, и хотели их освободить. Неожиданно те от помощи словенцев отказались. Не подействовали ни разъяснения целей народно-освободительной войны, ни предложения переправить освобождённых через Италию во Францию, ни попытки пристыдить их за отказ отозваться на призывы партизан. В итоге словенцы решили, что «это были одни буржуи». В их чемоданах обнаружили запасы продуктов — помощь от Международного Красного Креста, «как в магазине деликатесов: шоколад, рыбные консервы, паштеты, гуляш, банки с овощами, печенье и всё хорошее, с этикетками со всего мира — США, Англия, Аргентина, Испания, Египет, Португалия...»

Видя возмущение голодных русских, партизаны распорядились часть продуктов конфисковать и распределить между словенцами и русскими. Согласно отчёту, направленному в штаб 18-й бригады, командованию отряда «не стыдно признаться, что на их глаза вернулись слёзы, когда они увидели, как русские схватили шоколад дрожащими и натруженными руками...»

Вместе со всеми тяготы партизанской жизни испытывал Шариф Заиров. Ему отчаянно везло — в боях он не был ранен. Словно кто-то ворожил ему, спасал от вражеских пуль, от миномётных обстрелов и бомбардировок. Но так не могло продолжаться вечно.

ТРИ РАНЕНИЯ ЗА 12 МИНУТ

Мост решили взорвать или хотя бы повредить один-два участка пролёта, чтобы немецкая тяжёлая техника не могла проехать и участвовать в контрнаступлении. Но как подобраться к мосту? Немцы охраняют его взводом автоматчиков. Напрашивалось одно-единственное решение — незаметно под покровом ночи подплыть, вскарабкаться по металлической опоре наверх, заложить взрывчатку и так же незаметно спуститься и отплыть. Легко сказать — незаметно... И тогда родилась идея использовать не лодку, а корягу — мало ли что плавает в реке, коряга не вызовет подозрений.

Для участия в операции выделили троих: словенца Марко, русского Николая и таджика Заирова по кличке Сашка. «Роли» распределили так: Марко как самый физически крепкий, отличный пловец, толкает

корягу сзади и потом помогает Николаю доставить наверх взрывчатку и провода, Сашка устанавливает заряды под пролётом моста. Сашка не был подрывником, но уже знал, как использовать взрывчатку.

Но где добыть подходящую корягу? Обыскали лес и нашли мощное корневище дуба с многочисленными отростками. Очистили от земли, проделали внутри углубление, чтобы двое могли, скрючившись, улечься, вбили в заднюю часть железные скобы для Марко, который будет плыть, держась за скобы и управлять движением подобно рулю. Спустили корягу на воду — она, немного притопленная, хорошо держалась на поверхности.

После полуночи поплыли по течению в направлении моста. Вода в начале апреля была ещё холодная, Марко тепло оделся, предварительно смазался гусиным жиром, добытым у крестьян. Плыть предстояло недолго.

Беззвёздная ночь укрывала корягу, прятала в своих складках, плеск воды не был слышен. Марко сделал короткую остановку, передохнул. Лежавшие на дне на боку в обнимку Николай и Сашка поменяли позы, повернувшись на другой бок.

Возникли очертания моста, стоявшего на трёх опорах-быках. Марко подвёл корягу к срединной опоре и закрепил. Всё тихо. Немцы, похоже, дрыхли, шагов сапог не было слышно.

Все трое осторожно, выверяя каждое движение, начали карабкаться наверх по балкам и фермам. Главное, подобраться как можно ближе к плите проезжей части моста. Марко клацал зубами — холод пробирал его, в реке, кажется, было теплее. Двигались молча, наконец, над головами появилась чёрная изнанка плиты. Марко и Николай устроились на поперечной балке, достали из рюкзака тротилловые шашки-брикеты с запальными гнездами для установки капсуля-детонатора и провода. Сашка извлёк огнепроводной шнур и зажигательную трубку. Теперь самое главное — вставить зажигательную трубку в запальное гнездо заряда, закреплённого на балке, и поджечь шнур. Горит шнур один сантиметр в секунду, следовательно, метр горит чуть более полутора минут, длина шнура, захватившего все тротилловые шашки, — 8 метров. В распоряжении подрывников — 12 минут, в течение которых нужно покинуть опору моста и отплыть хотя бы на сотню метров.

Сашка-связист учился взрывному делу на мелких объектах. Это стало его второй военной специальностью. Тротил доставляли по воздуху союзники югославской армии. Кое-что удавалось «заимствовать» у фрицев. Однако мосты он прежде не взрывал и потому нервничал.

...Всё готово, Сашка достал самодельную зажигалку, и в этот миг ударил сноп света прожектора. Лучи выхватили корягу у «ноги» опоры, поползли вверх и поймали силуэты троих людей, прячущихся между балками. Видимо, часовые не спали и их внимание привлекли постоянные звуки.

Прожектор жадно шарил по металлическим конструкциям, от хищных лучей, казалось, не было спасения. Марко и Николай начали быстро спускаться, железо под их ногами гулко резонировало. Поднялась стрельба. Оба сиганули в реку. Сашка понимал — для него это не выход, плавать он не умел. Он поджёг шнур и начал спуск...

Прожекторные лучи упрямо скользили по воде, выискивая пловцов. Автоматные очереди буравили воду. Сашка думал лишь о том, как быстрее спуститься к коряге. Горевший шнур безжалостно глотал минуты. Вот и утлое «плавсредство». Ребят нигде не видно. Сашка отвязал корягу, плюхнулся на дно и почувствовал толчки в правую ногу, потом в правое плечо и в предплечье. Вначале не ощутил, что ранен, притом трижды. Боли не было. И лишь с проступившей кровью на бриджах и свитере толстой вязки понял, что дело его швах.

Правая рука отказывалась подчиняться. Он вжался в углубление коряги и, не прилагая усилий, поплыл по течению, уводящему от партизанской базы.

Марко и Николай исчезли, надежда, что они вот-вот подплывут, таяла с каждой секундой.

Вскоре за спиной грохнул взрыв. Сашка с трудом повернул голову и увидел зияющую срединную часть моста и обломки металлических конструкций в воде.

...Не раз в беседах с друзьями и близкими Завуров произносил как рефрен, как мантру: «Мне на войне везло. Я верил, что не погибну». Действительно, везло. Трижды раненый, истекающий кровью, периодически теряя сознание, он плыл куда глаза глядят. Течение вынесло корягу на мелководье, «судёнышко» застряло на мели. Какая-то женщина полоскала бельё, углядела человека, тщетно пытавшегося подняться и перевалить через бортик. Так Шоломохай Завуров оказался в доме вдовы со славным именем Даринка. Она и впрямь подарила ему жизнь.

Она быстро поставила партизана на ноги — раны, к счастью, оказались неглубокими. Лечила травами, снадобьями, отваренными кореньями.

Сашка начал искать связи с партизанами и вскоре вернулся в свой «русский» батальон. О Марко и Николае никто ничего не знал — очевидно, погибли. За взорванный мост его представили к награде, которую он по каким-то причинам не получил.

* * *

По численности бойцов 2-й батальон был самым большим в составе 9-го корпуса. Ему доверяли и поручали самые ответственные задания. Всего в течение лета 1944 года батальон провёл свыше 40 боевых акций, нанеся неприятелю значительный урон. Но и собственные потери батальона в этот период также были большими.

* * *

Осенью 1944 года Красная армия вошла на территорию Югославии. Началась наступательная операция войск 3-го Украинского фронта, Народно-освободительной армии Югославии и войск Отечественного фронта Болгарии по освобождению восточной и южной части страны и её столицы Белграда (28 сентября – 20 октября).

15 мая 1945 г. **страна была полностью освобождена** от войск оккупантов и их сателлитов (усташей, четников).

А Шариф Заиров ранней весной 1945-го уже находился в рядах Красной армии. Участвовал в освобождении Венгрии, в Венской операции.

Сын Алик помнит рассказ отца, как бойцов определяли на ночлег в освобождённых от гитлеровцев венгерских и австрийских городах и селениях. Хозяева домов, как правило, сами говорили, сколько солдат и офицеров могут принять на ночь. Входя в помещения, Шариф дивился порядку, чистоте, уюту и присутствию дорогих вещей и предметов — мебели, посуды, хрусталя. Неизгладимое впечатление оставляли сами постройки, дороги, сады. Всё выглядело аккуратным, ухоженным. Словно и не шла война. Разумеется, за исключением мест, подвергнутых артобстрелам и бомбардировкам...

Вот ведь как живут в Европе, говорил отец, и невольно сравнивал с увиденным в России и Украине.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Утром Эстер вышла во двор по хозяйственным делам и обратила внимание на незнакомого человека, сидевшего на корточках напротив на лужайке возле арыка. У ног его лежал велосипед. Человек присталь-

но глядел на Эстер. Живя в родительском доме под крылом Йишая и Яшуа, девушка привыкла опасаться незнакомцев — война прибила к Шахрисабзу, как и к другим узбекским городам, немало эвакуированных, беженцев, среди них попадались опасные личности. Но война закончилась, началась другая жизнь, полная ожиданий и надежд.

Незнакомец поднялся, он оказался высокого роста, очень худой. То-то кольнуло Эстер, черты лица человека показались знакомыми, напоминающими кого-то, кого она прежде отлично знала. Человек сделал несколько шагов навстречу, девушка обмерла.

— Ты кто, ты мой брат? — не веря себе, произнесла она. — И уже обрета уверенность: — Иби аким-ку?! — и по-русски: — Это же мой брат!

Да, это был вернувшийся домой брат Шоломохай. Решил заранее не оповещать родителей и сестёр о своём приезде, ибо боялся, что сердце матери не выдержит. Теперь сестрёнка должна всех подготовить...

Об этом эпизоде спустя годы рассказала мне старшая дочь Шоломохая — Тамара. И добавила:

— Все считали его пропавшим без вести, погибшим, все, кроме мамы Яшуа.

Возвращению предшествовали допросы следователей СМЕРШ — ведь Заиров был в плену. (Во всех советских документах он значился теперь как Шариф Заиров — *Д.Г.*). Для них не имело значения, что допрашиваемый в составе партизан, ставших основой Народно-Освободительной армии Югославии (НОАЮ), бережно хранящий партизанский билет и личное письмо с благодарностью от самого Тито, затем сражался с гитлеровцами в рядах 11-го и 8-го гвардейских полков 4-й гвардейской стрелковой дивизии 46 армии 3-го Украинского фронта, участвовал в освобождении Будапешта и в Венской операции, отмечен медалями. Что был трижды ранен...

Для смершевцев он оставался бывшим военнопленным, а таких следовало строжайшим образом проверять. Диалоги между следователями и бывшими военнопленными были частью розыскных мероприятий по выявлению изменников родины, немецких шпионов и диверсантов. Оперативные работники пытались уличить своих соседников, а те, в свою очередь, стремились оправдаться с тем, чтобы поскорее освободиться из фильтрационного лагеря — условия содержания в нём не отличались от тех, которые были в ГУЛАГе — и не получить нового срока, или избежать самого худшего — расстрела, или многолетних каторжных работ.

В поединке со следователем на кон была поставлена жизнь, так что ожидать от людей, прошедших концлагеря, полной откровенности было бы неразумно. И тем не менее, сквозь неумелую риторику, возникавшие тут и там фигуры умолчания, оправдательные мотивы, в рассказах красноармейцев проступает правда войны: многодневные марши к полям сражений, трагические столкновения мало обученных, наскоро сбитых частей с германской военной машиной, беспорядочное отступление, равнодушие местных жителей, отягощённое иной раз корыстолюбием, иной раз — злорадством, тяжкая безнадежность и опустошённость голодных дней и ночей, плен, и новые марши на сборные пункты, лагерный быт, тяжкая работа, освобождение... Или в других вариантах, слепая военная судьба, стечение обстоятельств, оборачивающиеся трагедией плена. Это не изнанка войны, это её особый пласт, сохранившийся в непосредственной — сейчас бы сказали оперативной — памяти её участников.

Большинство бывших военнопленных свой поединок выиграло, вернулось по месту жительства под неусыпный контроль вездесущих органов. И только в 1956 году те из них, кто всё-таки был осуждён за сдачу в плен противнику, были амнистированы. Полная реабилитация пришла спустя почти четыре десятилетия, при Ельцине. Герой этой книги её не дождался...

Ему в очередной раз повезло — трижды допросив, следователи отпустили домой. За ним ещё долго ходила тень бывшего военнопленного, которого надлежало ограничить в правах. С учительством возникали проблемы. Профессию пришлось поменять, это произошло уже после женитьбы.

Его избранницей стала красавица Яшуа Юсупова. Семья её была известна в городе. Отец Мордехай — активный коммунист, его жена Брухо — тоже член партии. В 20-е годы Мордехай стал жертвой нападения басмачей, его жестоко избили, выбили глаз. Чудом остался жив. Во время войны он и дочка Яшуа отвечали в городе за раздачу хлеба по карточкам. Надо ли говорить, сколь ответственной была такая работа... Она требовала абсолютной честности.

Яшуа выпала нелёгкая судьба. Перед самой войной её, 17-летнюю, выдали замуж за парня, окончившего институт в Самарканде. И сама девушка была весьма толкова, грамотна, завершила учёбу в школе с отличными оценками. Свадьбу сыграли 15 июня 1941-го, и через короткое время мужа вызвали в военкомат и призвали в армию. Его

направили в Иран. В конце августа началась советско-британская операция «Согласие» по разоружению и демилитаризации Ирана. Причиной военной операции стала прогерманская позиция шаха Реза Пехлеви. В стране имелись нацистские диверсионные центры, иранские студенты учились в Германии. Кроме того, иранские нефтяные месторождения являлись источником дефицитного стратегического сырья. Вскоре Реза Пехлеви отрёкся от престола и уехал за границу, а 17 сентября части Советского Союза и Великобритании вошли в Тегеран.

Муж Яшуа не принял участия в операции «Согласие». По пути в Тегеран эшелон взорвали и он погиб. Яшуа овдовела.

Шарифа познакомили с ней, они понравились друг другу и поженились. 27 апреля 1948-го родилась Тамара, 19 ноября 1949-го — Амнун (Алик).

Яшуа (все звали её Ю́ра — с ударением на последнюю гласную) была образована, хорошо знала математику, отчётность в ведении документации, поэтому, работая в торговле, занималась бухгалтерией.

Она была красивая, энергичная, умная, немного рискованная женщина. Обладала прекрасной памятью. Любила читать книги и рассказывать о прочитанном, знала много сказок и притч. Была толкова и в юридических вопросах. Когда её брат Арон по надуманному обвинению попал в тюрьму, она написала в Верховный Суд УзССР аргументированное письмо в его защиту. Суд принял решение пересмотреть дело и отменил приговор.

Юра родила шестерых детей, Шоломохай любил её всем сердцем, она же иногда раскладывала фотографии первого, погибшего мужа и плакала. Жена была хранительницей очага, для неё не существовало ничего выше благосостояния близких. Не лезла за словом в карман, порой критиковала мужа за, по её мнению, излишнюю доброту к чужим, незнакомым людям, стремление помогать каждому, кто просил об этом, иногда в ущерб интересам семьи.

«Я пошёл в маму, унаследовал её характер — горячий, эмоциональный, отчасти взрывной, старшая же сестра Тамара больше похожа на папу. Остальные братья и сёстры — тоже очень разные», — говорит Алик.

«Мама хорошо знала математику. Эпизод, засевший в памяти. Я учился в десятом классе, как-то вместе с приятелем-соучеником решил пойти к преподавателю и получить консультацию по поводу задачи, которую мы не могли решить. Мама готовила еду и поинтересовалась, куда это мы собрались. Я ответил. Мама отложила все дела и попросила дать условия алгебраической задачи. Села у стола, воору-

жилась ручкой и листом бумаги и через минут десять показала решение. Я был потрясён: школу она закончила в 1941-м, с той поры миновало четверть века, а она помнила формулы...»

...Учительствовать Заирову пришлось недолго — я уже говорил об ограничениях на ряд занятий бывших военнопленных. Да и заработки учителей были нищенскими. К тому же постоянные отлучки мужа, поездки по кишлакам не устраивали жену. И решил Шариф стать заготовителем шкур животных. Дело прибыльное, но нелёгкое физически — приходилось шкуры вымачивать, солить, производить иные трудоёмкие операции. В один момент он почувствовал озноб, боли в животе, периодически повышалась температура, на еду не мог смотреть, начал худеть. Доктор Кулинич, добрый ангел семьи Завуровых, установил — это бруцеллёз, следствие процедур с необработанными шкурами.

Как и чем лечить? Требуются антибиотики. Пенициллин. Сверхдефицитное лекарство. И Яшуа едет в Ташкент и за золото добывает препарат.

После выздоровления последствия бруцеллёза и голода в концлагерях Шоломохай ощущал все последующие годы. Жена готовила ему диетическую пищу.

Пришлось вновь резко поменять род деятельности. Завуров перешёл на работу в систему сельской потребкооперации. Жена уже трудилась в магазине сельпо, муж присоединился к ней. Сельпо считалось выгодным делом — люди оплачивали покупки и деньгами, и натурой: мелким рогатым скотом, курами, яйцами, овощами, фруктами. Семья встала на ноги...

И грянул гром.

Шёл 1951-й. Заиров получил вызов в горвоенкомат. В обозначенный в повестке день и час он предстал перед горвоенкомом в чине полковника. Звали его Сергей Иванович. Они были хорошо знакомы, на «ты», Сергей Иванович иногда обращался с просьбой помочь достать дефицитные ткани для жены.

Усадив Шарифа, он закрыл изнутри на ключ дверь кабинета, сел напротив за массивный двухтумбовый, крытый зелёным сукном канцелярский стол и завёл странный разговор.

— Я смотрел твои военные документы. Ты ведь партизанил в Югославии, так?

— Правильно.

— Имеешь личное письмо маршала Тито, верно?

— Да, имею.

— Он пишет о твоём мужестве и стойкости, о том, что ты пример для многих...

— К чему ты, товарищ полковник, вспоминаешь? Дела давно минувшие...

— Вчера минувшие, а сегодня настоящие. Ты в курсе, наверное, отношений Советского Союза и Югославии: Тито теперь злейший враг товарища Сталина, клика Тито-Ранковича-Поповича, статьи и карикатуры в «Правде» и так далее. Полный разрыв... К чему я рассказываю? — горвоенком закурил. — Я бумагу получил из Ташкента, туда она из Москвы пришла. Провести проверку военных документов и выявить тех, кто воевал в Югославии, сначала в партизанских отрядах, потом в Народно-Освободительной армии под командованием Тито. Я проверил — в Шахрисабзе таких один ты — бухарский еврей, считающийся таджиком. Чую — недоброе готовится, «органы» за вас возьмутся, можете загреметь в лагерь.

— Ты что говоришь, Сергей Иванович?! Я в Югославии с немцами сражался, имел ранения, прошёл три проверки СМЕРШ, и вот опять... За что, почему? В чём моя вина?

— Ни в чём твоей вины нет. Говорю как другу, при закрытой двери. Нас никто не слышит. Но я вынужден в силу занимаемой должности дать на тебя сведения. А это, по нынешним временам, криминал. Понял?

Заиров молчал, устремив тяжёлый взгляд в пол.

— У меня есть месяц на ответ начальству. Буду тянуть. Через месяц, если не дам сведения, меня самого за жопу возьмут. Давай вместе покумекаем, как из этой ситуации выкрутиться.

Шариф обсудил с женой услышанное от горвоенкома. Беда на пороге, как часто бывает, появилась там, где её никто не ждал. Яшуа, умная, деловая, рисковая, приняла решение — в некоторых бытовых вопросах она была смелее мужа.

Она пришла на приём к горвоенкому. Увидев выражение лица хорошо знакомой женщины, полковник вздрогнул и на всякий случай закрыл дверь изнутри.

— Сергей Иванович, давайте начистоту. Вы хотите сделать моих двоих детей, Тамару и Алика, сиротами? Я беременна третьим ребёнком. Как семье выжить без главного кормильца? Вы же дружите с моим мужем. Спрячьте эти опасные документы, порвите, сожгите! Это вам, —

и положила перед ним пакет с золотыми украшениями, снятыми с её пальцев и мочек ушей. — А это — облигации госзайма. Берите, товарищ горвоенком, только спасите мужа...

Полковник, очевидно, не был готов к такому повороту разговора.

— Возьми это всё назад... Спрятать, порвать, сжечь документы я не могу, не имею права. Но что-нибудь придумаю...

Через пару дней от него поступило негласное распоряжение: пускай Шариф придёт с военным билетом, мы кое-что исправим.

И исправил: не в Югославии партизанил Заиров, а в Албании, а с Албанией сегодня прекрасные отношения, Энвер Ходжа лучший друг товарища Сталина.

Так решился вопрос, грозивший другу горвоенкома серьёзными последствиями.

Заиров оказался далеко не один среди советских людей — бывших партизан Югославии, кому грозили аресты и ГУЛАГ. Отлавливали их по всей стране. Подобный случай описал в своём романе Чингиз Айтматов. Далее мы вернёмся к этой теме.

ПЕРЕД ЗАКАТОМ СОЛНЦА

Глава семьи работал не покладая рук. Жена помогала в магазине, отвечала за документацию. Семья жила в достатке. Росли, выросли шестеро детей: Тамара, Алик, Рахмин (Рома), Сара, Никодам (Нина), Роберт. Женились, выходили замуж, производили на свет потомство. Некоторые подумывали о репатриации в Израиль.

В 1976 году Заиров с женой Яшуа переехали из Шахрисабза в Душанбе, где уже жил и работал старший сын Алик.

Он ушёл на пенсию во возрасте, за несколько лет до этого став «Отличником советской торговли». Одним из двух во всей Кашкадарьинской области, отмеченных за долгий период этим званием. Он продал дом в Шахрисабзе и купил добротное жильё на новом месте, а также автомобиль. Здесь с полным правом он мог называться Шарифом Заировым...

* * *

Каким запомнился этот человек своим близким, друзьям?

Из воспоминаний Алексея Якутилова, мужа старшей дочери Шоломохая и Яшуа — Тамары:

К своей новой «спасительной» фамилии Заиров он привык. Иногда, правда, происходили казусы. На свою свадьбу я пригласил двух профессоров из Самаркандского мединститута, где училась моя будущая жена. Её знали как Тамару Заирову, но не делали акцента на национальности. Одновременно со мной этих профессоров пригласил мой без пяти минут тесть. Я об этом не знал. И вот перед началом торжества профессора неожиданно поинтересовались: «Вы женитесь на таджичке?» Я успокоил их и, не особо вдаваясь в подробности, поведал историю чудесного спасения тестя на войне.

Мой тесть обладал многими хорошими качествами: честность, порядочность, доброта, преданность семье. Сам много переживший, он помогал людям, попавшим в беду. Я дружил с тестем, мы часто советовались друг с другом.

Кроме прочего, я ценил его житейскую мудрость. Когда меня назначили на более высокую должность, он специально приехал в Самарканд и уговорил отказаться от этой должности, несовместимой, по его мнению, с состоянием моего здоровья в то время (проблемы с сердцем). Думая, что я иду на эту работу из-за заработка, он даже предлагал мне деньги за мой отказ от этой должности. Я его послушался и отказался...

При возведении нашего дома в течение пяти месяцев он был главным консультантом. Он разбирался в тонкостях строительства. Однажды рано утром тесть исчез. Я недоумевал, куда он пропал. Через несколько часов он вернулся с машиной, гружённой старыми рельсами. Оказывается, тесть договорился на железнодорожной станции, что ему продадут списанные рельсы. Они понадобились для укрепления фундамента дома.

Меня отправили в Харьков на курсы усовершенствования врачей. Зима, очень холодно, я простудился. Позвонил домой, сообщил жене. Каково было моё удивление, когда неожиданно появился тесть. Оказывается, он попросил мой харьковский адрес у Тамары и спешно прибыл меня лечить, захватив тёплые вещи.

В этом он весь, человек огромной души, теплоты и заботы о близких.

— Не только о близких, — добавляет его сын Алик. — Вспоминаю такую историю. В воскресенье к папе пришли друзья, за разговорами выпили. И тут прибежала соседка: «Шариф-ака, выручите — срочно надо

отвезти родственника в больницу, а сын мой, который водит нашу машину, как назло уехал... Отвезите, пожалуйста...»

Папе бы сказать, что он выпил и не может сесть за руль. Но надо знать его — абсолютно безотказного, всегда готового помочь. И папа завёл свою машину... Кончилось плохо — произошла авария, к счастью, без тяжёлых последствий. Однако на здоровье папы это потом отразилось — он всё-таки испытал стресс.

Несмотря на занятость по работе, а работал Шоломохай все дни недели, глава семьи в выходной, если таковой выпадал, посещал городской парк. И обязательно в дни праздников. Приходил с женой, с подрастающими детьми.

Парк в центре Шахрисабза был заметным местом отдыха и развлечений — применительно к скудному послевоенному быту. Вдоль главной аллеи от самого входа росли цветы, особенно впечатляли розы. Далее располагались открытый кинотеатр, танцплощадка, тир, столы для настольного тенниса; в кафешках всегда было людно, продавалось вино, пиво, пирожки, сладости...

В парке люди встречались, общались, делились новостями. Шоломохая знали многие, с ним здоровались, завязывались беседы. Среди посетителей выделялись бывшие фронтовики с орденами и медалями на пиджаках, некоторые на костылях...

Заирова действительно знали многие. И не только потому, что он торговал в магазине. По пятам за ним шла репутация доброго, отзывчивого на чужую беду человека, готового прийти на помощь, иногда даже в ущерб интересам семьи, как считала Яшуа. Пару раз на этой почве возникали конфликты. «Сколько у тебя детей? Помнишь об этом?» — не стесняясь, отчитывала его жена. Шоломохай парировал критику: «Бог помогал мне, я помогаю людям...»

Он умел дружить, готов был разбиться в лепёшку, выполняя просьбы друзей и знакомых, слово «отказ» в его лексиконе отсутствовало, и люди платили ему добром за добро.

...В 40-е — 50-е годы в Советском Союзе были популярны бурки — разновидность сапог. Купить их было трудно — дефицит. Высота бурок доходила до колена, голенище неразрезное, шнурки или застёжки отсутствовали. Основное отличие бурок от сапог (например, армейских) — голенище изготавливалось из тонкого войлока или фетра (как правило, белого цвета). Такая обувь была тёплой, практичной, красивой.

Климат Шахрисабза нельзя было назвать холодным, однако в декабре, январе и феврале температура опускалась ночью до нуля и ниже, а днём поднималась не выше 6–7 градусов. Бурки приходились в самый раз, особенно тем, кто рано вставал и проводил немало часов на воздухе. Среди них был и приятель Заирова — директор животноводческого совхоза, получавшего элитных коров из России. Фронтоник, он при ходьбе прихрамывал — след ранения в ногу. Как-то в разговоре он обмолвился, что хотел бы приобрести бурки, но не может достать. Шоломохай пообещал посодействовать. Даже ему, известному в торговле человеку, выполнить обещанное оказалось непросто. Но, в конце концов, бурки были найдены.

Директор, в свою очередь, решил отблагодарить. Подарок его оказался щедрым — в виде... дойной коровы. Заиров, как положено, оплатил покупку по госрасценкам, дабы избежать нежелательных разговоров.

Покупка пришлось весьма кстати — семья росла, дети нуждались в свежем молоке. Доившая бурёнку Яшуа, однако, не хотела делать наличие коровы «достоинством обществу» и поначалу скрытно держала её в сарайчике, а вход закрывала мешковиной. Но нет ничего тайного, чтобы не стало явным. Однажды соседка зашла во двор и подглядела. Бурёнка, в свою очередь, тоже заметила незнакомую женщину, с интересом заглядывающую в сарайчик. И отреагировала нервно, по-своему; на первой же утренней дойке ударила Яшуа задними копытами. И так продолжалось всё время. Сколько ни пыталась хозяйка образумить бурёнку, ничего не выходило, та брыкалась. «Корову сглазили», решила Яшуа. И пришлось спустя год продать кормилицу...

Другая история тоже связана с бурками.

Директор питомника по разведению плодовых деревьев тоже попросил Заирова посодействовать в покупке тёплых сапог. Шоломохай по своей натуре не мог отказать, и пришлось ему просить начальство выделить пару дефицитных буроков. Директор питомника сердечно поблагодарил. Он посетил магазин Заирова, тот угостил его чаем и айвовым вареньем.

— Такого вкусного варенья я не ел! — признался гость, понимавший в этом толк.

— Это моя жена варит, — с гордостью сказал Шоломохай.

Прошло несколько дней. Неожиданно во дворе Заирова появились двое рабочих с саженцем айвы. Яшуа удивилась: «Мы не заказывали

посадку». — «Выполняем распоряжение нашего начальника», — пояснили рабочие питомника.

Они посадили саженец в саду. Через три года он превратился в трёхметровое дерево с косо вверх поднимающимися ветвями. Каждый сентябрь оно приносило замечательные плоды... Яшуа, когда готовила варенье из плодов этого дерева, всегда благодарила директора питомника за такой замечательный подарок...

* * *

Шоломохай очень любил своих детей и внуков. Он хотел, чтобы они получили высшее образование, и для достижения этой цели делал всё возможное.

Когда в СССР началась Перестройка, теще хотел навесить дочь Сару, жившую в Израиле. Его опять долго проверяли. После получения из московских архивов документов о его службе и участии в партизанском Сопротивлении разрешили выехать, но он уже был неизлечимо болен...

Из воспоминаний внучки Сусанны:

Дедушка старался исполнять все наши желания. Однажды, когда папа с мамой были на работе, позвонил дедушка из Душанбе. Я ему сказала, что хочу одну игрушку. В тот же день он прилетел в Самарканд из Душанбе, купил эту игрушку, принёс мне и улетел обратно. Я никогда это не забуду!

Из рассказа Абрама Исахарова:

С Шоломо я был знаком около 40 лет. Он был одним из самых порядочных людей, которых я знал. Никогда ни с кем не конфликтовал, никого не обижал, не обманывал.

Некоторые участники войны часами могли рассказывать о ней, он же всегда скромно, в нескольких словах, говорил о своей службе, о плене, ранениях, побеге, участии в партизанском движении.

Если человек попадал в милицию, Шоломо по своей инициативе, иногда за свои деньги, старался вытащить его оттуда. Естественно, если речь не шла о серьёзных правонарушениях.

Помогал бедным, чтобы они могли прокормить свои семьи, отдавая дешёвый дефицитный товар, чтобы они могли перепродать дороже. У него были связи с работниками военкомата.

Многих парней освобождал от прохождения воинской службы, не желая, чтобы парни оказались в армии, где процветала дедовщина.

Вспоминает Зильпо Якутилова, супруга Абрама Исахарова:

В наш дом постучалась беда — муж после несчастного случая попал в больницу. Ему требовалось ампутировать ногу. Он находился при смерти. Срочно требовалась помощь высококвалифицированных докторов, консультация хирургов, медицинская аппаратура. Понадобились большие деньги для их оплаты. Заиров подошёл ко мне и сказал: «Я дам вам деньги, сколько нужно, отдадите когда сможете». Буквально через пару часов я получила от него большую по тем временам сумму и смогла вызвать из Москвы санавиацию с врачами. Те сумели остановить кровотечение и вывели моего мужа из коматозного состояния. Разве такое можно забыть!..

Очень важную деталь подметил Абрам Исахаров — невероятную скромность героя этого повествования. Вот ещё один пример этого. В Душанбе он подружился с жившим по соседству художником Бегимовым. Его сын Яков — известный живописец, мозаист, автор многих замечательных работ, как в Таджикистане, так и в Израиле, куда репатриировался в 1991-м. С сожалением, он скончался в 2007-м... Так вот, директор республиканского Художественного фонда предложил Якову две путёвки в санаторий. Тот по какой-то причине не смог поехать и передал путёвки своему отцу. У того тоже возникли проблемы. Он пожаловался Шоломохаю: «Я строю новый дом и не смогу воспользоваться путёвками. За строителями нужен глаз да глаз...» И тогда Заиров предложил: «Знаешь что? Езжай отдыхать, а я прослежу за стройкой, все квитанции предъявлю тебе, когда вернёшься. Не беспокойся, всё будет хорошо».

Вспоминает Алик Заиров:

Во время поминок по папе выступил один из гостей и упомянул об участии его в войне, о немецком концлагере, пребывании в партизанских отрядах, о наградах. Бегимов-старший изумился: «Какой партизан?! Я дружил с ним десять лет, мы обо всём говорили открыто, а он ни разу об этом не обмолвился... На редкость скромный был человек...»

В 1979-м я работал в теле-радиокомитете Таджикистана. Председателем был Калонтаров, с его сыном я дружил. Как-то я кратко рассказал фронтовую историю папы, упомянув о его партизанских делах. Возникла идея сделать о папе передачу. Я сообщил ему об этом, он пожевал губами и ничего не сказал. Съёмочная группа

приехала к нам домой, установила аппаратуру. Мама приготовила по этому случаю бахи — разновидность плова, в котором вместо мяса используется печёнка, добавляются кинза, специи, и варится всё это в «мешке» полтора часа. Блюдо это особенно любили узбеки, таджики...

Мы готовились вкусно поесть после записи передачи. И тут папа, принеся искренние извинения телевизионщикам, отказался давать интервью. «Я не один партизан, в Югославии было нас, советских людей, шесть тысяч, самых разных национальностей, в том числе таджики. Расскажите о них, а меня не стоит выпячивать...»

Отталкиваясь от фактов, приведённых сыном героя книги, я попробую сделать вывод, на абсолютной точности которого не настаиваю. Мне кажется, Шариф Заиров тщательно скрывал негативное отношение к советскому государству. Он всё понимал, но не хотел ни с кем обсуждать опасную тему. Пройдя три проверки СМЕРШ, не попав в жернова системы в 1951-м, на волне ненависти Сталина к югославскому руководству и лично Тито, он, став предельно осторожным, не хотел рисковать, вновь касаться мучительных, саднящих моментов своей биографии: плена, концлагерей, побега, партизанских отрядов. Да и потом, в мирное время, он на практике постоянно сталкивался с коррупцией, воровством начальников торговли, взятками, которые приходилось давать, и пр. Потаённое чувство опасности угнездились в нём — разновидность страха, присутствовавшая в миллионах советских граждан.

Сын Алик хорошо запомнил 9 мая 1965 года. Этот день вновь стал праздничным, нерабочим. Напомним: во времена Сталина День Победы отменили уже в 1947 году, сделав день разгрома фашистских войск рабочим. При генсеке Брежневем всё вернулось на круги своя.

Заиров, тем не менее, 9 мая не отдыхал и не праздновал, как другие, а трудился в магазине. Вообще, он практически не имел выходных, находился за прилавком семь дней в неделю.

Алик нёс отцу кулёк с едой. Он поразился огромному количеству радостных людей на улицах Шахрисабза. Недалеко от магазина был овраг, за оврагом глиняный дувал, в его щелях торчали мишени — пустые консервные банки. Мужчины в возрасте и молодые парни устроили стрельбище, целясь в банки из мелкашки — малокалиберной спортивной винтовки, из которых обычно стреляли в тирах. Каждый меткий выстрел сопровождался аплодисментами.

Услышав выстрелы, Заиров закрыл магазин и направился на импровизированное стрельбище. Алик сопровождал его. Подросток услышал, как кто-то из незнакомых мужчин бросил в адрес отца: «А ты, наверное, воевал в Ташкенте и винтовку в руках не держал». Прозвучало презрительно и до боли обидно. Алик смотрел в лицо отца, на котором не дрогнул ни один мускул.

«Папа попросил винтовку и прицелился, — вспоминает Алик. — Вторым выстрелом он поразил мишень. Люди вокруг зааплодировали. Попал он и в несколько других банок. Я был горд за папу, меткой стрельбой посрамившего дурака-обидчика»...

Что он любил, чем заполнял досуг, которого почти не было?

Читал газеты. Книги не являлись приоритетом. Постоянно по приёмнику слушал радио, особенно «Маяк». К телевизору относился спокойно. Обожал кино, в Душанбе ходил в кинотеатр почти ежедневно. Его все знали, билетёрша Маруся прямо говорила: «Дядя Саша, не бери билет, я тебя и так пропущу. И друзей твоих, коль придут с тобой».

Отношение к религии. Как и его родители, был верующим, но без фанатизма. Синагогу посещал по праздникам. В доме соблюдался кошер.

Заиров заболел в конце лета 1985-го. Реально скверно чувствовал себя уже давно, но никому не жаловался на боли. Когда же всерьёз прихватило и понадобились доктора, то после анализов и тестов его спросили: «Почему вы так запустили болезнь?» Он ответил: «Времени не было по врачам бегать. Я очень много работал». Анализы и тесты дали неутешительную картину — кругом метастазы. Первопричиной стал рак предстательной железы.

Провёл он в больнице пару недель, облегчение не наступило.

При выписке из республиканской больницы в Душанбе врач-онколог Ирина в разговоре с Аликом вынесла неутешительный вердикт: «Ваш отец плох, вряд ли протянет более двух месяцев».

Она поделилась: «Таких, как ваш отец, я почти не встречала. На редкость терпеливый, стойко переносящий боль. Не я его, как врач, а он меня успокаивал: „Доктор, не переживайте так...“»

Шариф Заиров прожил ещё полгода.

Сеансы химиотерапии он переносил мужественно, хотя они были чрезвычайно тяжёлыми по последствиям. Это не нынешняя химиоте-

Памятник Шарифу Завурову
на еврейском кладбище Душанбе

рапия, которую организм больных воспринимает относительно легко. Тогда же это были адские процедуры.

Алик постоянно дежурил у постели больного. «Каждый раз, когда я приносил ему еду, видел взгляд отца, чувствовал, что с каждым днём он слабеет и прячет свою боль. Папа уже знал свой диагноз и старался успокоить меня: „Всё будет хорошо...“» Из последних сил я держался, чтобы не разрыдаться при нём. Плакал навзрыд, едва покидал палату...

Последние 45 дней Алик все ночи проводил с отцом. Распорядок суток складывался у него следующим образом. К восьми вечера Алик приезжал к отцу и проводил возле его постели бессонные часы до шести утра. Затем он будил мать или сестру, которые сменяли его на дежурстве, а сам уезжал домой, спал некоторое время и к десяти часам был уже на работе в Художественном фонде республики. В пять часов возвращался с работы домой, спал два с небольшим часа и к восьми вечера опять был у постели отца.

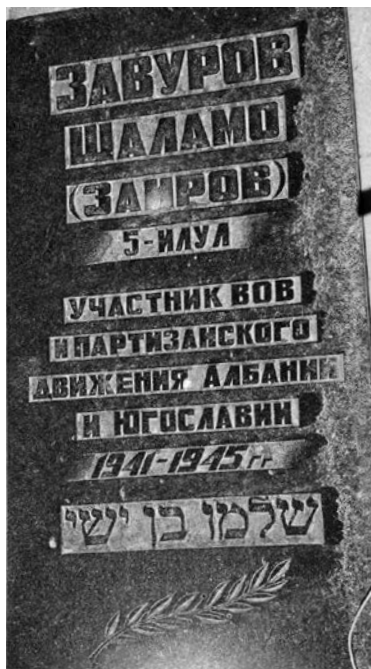
Так продолжалось полтора месяца.

Алик вспоминает:

Папа находился в сумеречном состоянии, часто терял сознание. Когда приходил в себя, то обращался к Богу. «Я всю жизнь старался никому не делать плохо, всегда и везде помогать людям, за что же Ты меня наказываешь? Но если такое было, прости, Боже, меня...» — и слёзы текли из его глаз.

Наступили самые страшные дни и ночи. Папа уже не говорил, только иногда стонал. По движению его рук, по вздрагиванию тела или век я понимал, какая помощь ему требуется.

Однажды я обратил внимание: руки и ноги отца похолодели. Вызвали «Скорую». «К утру умрёт», — сказал врач.

Срочно приехали родственники, три дня провели в доме папы. Больной слегка оклемался. Смерть отсрочила приход. Сердце у него было крепкое.

Ночами, чтобы не заснуть, я читал книги. Так ко мне попал роман Айтматова «Буранный полустанок». Я читал роман впервые. Дошёл до описания жизненных перипетий Абуталипа Куттыбаева и всё во мне перевернулось. Ведь это же почти зеркальное отражение истории моего отца! Только без трагического финала. Куттыбаев, как и Заиров, сражался в югославских партизанских отрядах, его арестовали в 1951-м в связи с разрывом отношений Сталина и Тито, он предпочёл самоубийство, чтобы избавить семью от дальнейших преследований.

Мой папа, к счастью, избежал ареста. Но откуда писатель мог узнать ситуацию с советскими людьми — бывшими югославскими партизанами, объявленными вне закона? Проще всего сказать — на то он и писатель, чтобы знать всё о своих героях. Я же имею на сей счёт своё мнение.

Мне кажется, именно папа рассказал Айтматову о грозившей ему опасности как бывшему югославскому партизану.

Мама пару раз высказывала папе претензию: «Почему ты таскаешь меня в отпуск на Иссык-Куль? Другие мужья возят жён в Крым, в Сочи...» Отец любил отдыхать и лечиться в санатории на знаменитом озере, любоваться окрестной красотой, дышать дивным воздухом. Вполне возможно, здесь он и познакомился со знаменитым киргизским писателем, часто бывавшим в этих благословенных местах, и в беседах с Чингизом Торекуловичем поведал ему некоторые эпизоды своей биографии.

Я читал, переживал, и всё более укреплялся в своём предположении...

* * *

Шариф Заиров покинул земную юдоль 15 сентября 1986 года.

Похоронен на еврейском кладбище Душанбе. На могиле установлен памятник: на двух стеллах установлена Звезда Давида, посередине изображение Шоломохая Завурова (Шарифа Заирова), а внизу цифры «1915–1986» и слова: «Участник Великой Отечественной войны и партизанского движения Италии, Албании и Югославии».

Жена Шарифа Заирова — Яшуа скончалась тремя годами позже и похоронена рядом с мужем.

Двое их детей живут в США. Четверо — в Израиле. У всех большие семьи, растут внуки, правнуки, их многие десятки.

«Прошло столько лет после его кончины, — говорит Алик, — а я не перестаю его вспоминать. И корю себя, что не до конца выспросил папу о его фронтовых буднях, о том, как воевал в партизанских отрядах. Многое знаю, но многие подробности оказались упущены. Почему мы понимаем необходимость такого знания, лишь когда теряем близких?»

«Потеряв горячо любимого человека, я всей глубиной души и сердца понял, каким отцом наградил меня Всевышний», — словно итожит повествование сын героя этой книги.

ОБ АВТОРЕ

Давид Гай — известный журналист, писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живёт и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором русско-американских еженедельников. Ныне — главный редактор международного литературного журнала «Времена». Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Автор более тридцати художественных и документальных книг. Среди наиболее известных — роман «До свидания, друг вечный», посвящённый истории любви Достоевского и Аполлинии Сусловой; повесть «Телохрани́тель» (по ней в России выпущена аудиокнига); документальное исследование «Вторжение» — о войне в Афганистане (автор неоднократно бывал там в качестве журналиста); «Десятый круг» — о жизни, борьбе и гибели в годы Второй мировой войны Минского гетто (книга затем вышла в США на английском языке под названием «Innocence in Hell»).

Документальная повесть «Шоломохай-Шариф-Сашка» вышла в свет в 2023 году в бостонском издательстве M•Graphics на русском и английском языках.

Галина ИЦКОВИЧ

ОТВРАЩАЯ НЕОТВРАТИМОЕ

«БАШЕРТ» ИРЕНА КЛЕПФИШ В ПРОЧТЕНИИ ПОСЛЕ 7 ОКТЯБРЯ

На идише «башерт» означает «неотвратимость». Стихотворение Ирены Клепфиш описывает не-события, бесконечную череду мельчайших происшествий, случайностей и пермутаций, позволивших отсрочить, свернуть с курса острей смертоносного маятника уничтожения, отложить как будто бы предопределённый конец, случайно выбрать меньшее из зол.

Ирена Клепфиш родилась в Варшавском гетто. О выживании ей известно не понаслышке. Готовя её к побегу из гетто с самых первых дней, родители говорили с ней исключительно на польском, чтобы не выдать себя идишем. Она выучила идиш, только когда выросла. Первые несколько лет её жизни Ирену скрывали, передавая из рук в руки, католические монахини и сочувствующие евреям польские семьи, а после вооружённого восстания гетто, в котором погиб её отец, мать, воссоединившись с Иреной, смогла вывезти её в Швецию, и уже оттуда она попала в Америку.

Она — поэт, переводчик, активистка-феминистка. Многие годы преподавала в колледже.

Расстройство привязанности, расстройство языка наверняка замедлили психологический рост, формирование мировоззрения, изменили траекторию всей её последующей жизни.

Ирену учили не выделяться. Да и нас, восточноевропейских евреев второй половины двадцатого века, учили «не отличаться» с младых ногтей. Например, ни в коем случае не отличаться внешне. Этот урок был преподан ещё в то время, когда меня водили гулять за ручку на Соборку. Перед каждым выходом на улицу происходило одно и то же: дед-коммунист с раздражением тянул с бабушкиной головы платочек, бабушка, ругаясь, отмахивалась. Я не знала тогда, что замужней жен-

щине не положено показываться на людях с непокрытой головой, что религия была опиумом для народа, а иудаизм, соответственно, особо крупной порцией опиума. Они ругались на идише, а потому, попадая на улицу, переходили на сердитый шёпот. «Ш-ш, люди услышат!» — это было бабушкино любимое. «Бьют не по паспорту, а по морде». Вся эта мудрость не касалась школьных оценок и достижений в спорте или музыке. Ведь еврейский ребёнок твёрдо знал, что надо быть самым лучшим, бежать вдвое быстрее, чтобы оставаться на прежнем месте. В конце шестидесятых мы уже не боялись, что вышлют, но продолжали бояться соседа и сотрудника, тётку в очереди и милиционера.

Мы не знали тогда, что где-то в Израиле подрастают дети, больше не боящиеся. Дети свободных евреев Израиля выросли с интернализированным осознанием собственной свободы. Свободы не мимикрировать, а жить. Именно за это их убили 7 октября. Это вечная зависть внутренне несвободного к освобождённому.

KIDNAPPED! — на окрестных столбах расклеены эти уже примелькавшиеся с осени плакаты. Их, кстати, не только дождь смывал — кое-кто и срывает.

Я смотрю на фотографии убитых и взятых в заложники молодых людей, нормальную фестивальную толпу, на их последние фотографии. Я начинаю узнавать их, запоминаю имена, как когда-то имена жертв из «Близнецов». Но я запоминаю их не только как жертв массового злодеяния. Я *знаю* их тем особым знанием, которым узнаёшь в темноте земляка, по родинкам спину собственного ребёнка. Они *свои*. Они могли быть моими племянниками или детьми подруги. Они похожи на каждого из нас. Не потому ли нам хочется зажмуриться, притвориться, что всё это не по-настоящему?

На просмотре документального фильма «Супернова», где интервьюировали свидетелей и показывали снятые хамасовцами сцены расстрела этих самых, похожих на наших, детей, маленький зал был неполным. При всей любви к адреналину, эта порция, эта рубашка оказалась слишком близкой к нашему собственному телу. Да, о теле: опыт общения с семьями жертв показывает, что смерть без повреждения тела (т.е. без пыток и изнасилования) кажется гораздо менее страшной. По её собственному признанию, Хани Рикардо, мать убитой на «Нове» девушки, вздохнула с облегчением, когда ей сказали: «Не волнуйтесь, она умерла *целой* и прекрасной». Анастасия Д., вдова известного украинского боксёра, заплакала от счастья, узнав в ходе интервью,

что мужа «просто» застрелили: она считала, что его пытали, снимая кожу, якобы были очевидцы.

* * *

Нейропсихологи только начинают понимать значение, тонкости нейроцепции, автоматического нейропроцесса, — практически, системы распознавания опасности, управляющей нашим поведением. Мгновенные изменения, от укачивания ребёнка к звукам воздушной тревоги, от дыхания над субботней свечой к резким ударам в дверь, многократно повторённые переходы в тревожное и/или напряжённое состояние в конце концов отпечатываются на лимбической системе человеческого мозга, постепенно меняя его структуру. Исследования показывают, что изменения эти передаются по наследству. Еврейская нейроцепция «заточена» острее, чем у многих других народов, потому что не существовало еврейской жизни и будущего вне науки выживания.

И ещё: мы выжили только потому, что мы такие разные. Мы сохраняем свою особость и обособленность тысячи лет, но при этом становимся похожими на коренных жителей принявших нас стран. Марокканские евреи похожи на бедуинов, мексиканские на ацтеков. Испанские — на конкистадоров. Украинские — нос картошкой. Английские — вылитые пэры. Некоторые считают это идентификацией с агрессором. Другие видят в нашей способности к ассимиляции умение использовать ситуацию и выделиться в том, что в данном обществе считается достоинством, статусной способностью — от ростовщичества до атомной энергетики.

А вот американские больше похожи на прожаренных на солнце и обдутых хамсином свободных евреев Израиля. Потому что и они выросли с сознанием собственной свободы. Свободы не мимикрировать, а жить. Неужели мы готовы отдать эту, такую дорогую, свободу?

В этом апреле жители Северной Америки стали свидетелями редкого явления, полного солнечного затмения. Страшно признавать нашу незначительность, муравейность перед лицом Вселенной. Пока Луна закрывает от нас Солнце, наползает на самый источник жизни, за четыре минуты агонии в тени вечного по сравнению с нами космоса, мы чувствуем — видим, осязаем! — что от нас ничего не зависит. От нас ничего не зависит, кроме нашего следующего шага. Мы с домашними взяли обязательство на Хануку — каждый день клеить на столбы по фотографии похищенного человека. Девять дней — девять фотографий. Так мало надо, чтобы попытаться отворотить *башерт*.

* * *

ИРЕНА КЛЕПФИШ. БАШЕРТ

ЭТИ СЛОВА ПОСВЯЩАЮТСЯ ТЕМ, КТО МЁРТВ

Эти слова посвящаются тем кто мёртв
потому что они были одиноки в мире без любви
потому что было страшно и одиноко но они верили что это пройдёт
потому что они не могли попросить
потому что им завязали рот
потому что они заболели и тело не сопротивлялось болезни
потому что они предпочитали действовать навёрняка
потому что у них не было связей
потому что им не было места среди живых и они просто выбрали смерть

Эти слова посвящаются тем кто мёртв
потому что им нравилось жить на отшибе
потому что к ним тянулись что они легко заводили друзей
потому что они рисковали
потому что они были упрямы и не сдавались
потому что было так много желаний

Эти слова посвящаются тем кто мёртв
потому что выпала карточка или был пропущен номер
потому что им отказали в койке
потому что пока что не было места а другое освобождалось не скоро

Эти слова посвящаются тем кто мёртв
потому, что кто-то не проверил ещё раз
потому, что кто-то забыл и устал
потому, что на Бога надеясь сам оплошал

Эти слова посвящаются тем, кто мёртв
потому что кто-то другой опоздал
потому что кто-то совсем не пришёл
потому что кто-то велел им ждать но они не могли больше терпеть

Эти слова посвящаются тем, кто мёртв
потому что смерть — наказание
потому что смерть — награда наград
потому что смерть — это финальный насест
потому что смерть — это вечный гнев

ЭТИ СЛОВА ПОСВЯЩАЮТСЯ ТЕМ, КТО ЖИВ

Эти слова посвящаются тем кто жив
потому что учитель из младших классов дал им книг
потому что они не привлекали к себе внимание и растворились в толпе
потому что они повстречали случайно кого-то
кто знал кого-то ещё могущего им помочь
и столкнулись с тем кем-то нос к носу на углу в тот последний четверг
потому что они предпочитали действовать наверняка
потому что им повезло

Эти слова посвящаются тем кто жив
потому что они умели найти кратчайший путь
потому что всегда привлекали к себе внимание
потому что их выбирали всегда
потому что они рисковали
потому что они беспринципны и могли настоять на своём

Эти слова посвящаются тем кто жив
потому что они отказались сдаваться и становиться статистикой
потому что они держались за веру и доверились Богу,
потому что они ожидали худшего и были всегда готовы
потому что они были яростными
потому что могли задавать вопросы
потому что они выезжали всегда на других сохраняя силы
потому что они терпели поток унижений
потому что они подставляли другую щёку
потому что они отводили глаза от зла

Эти слова посвящаются тем кто жив
потому, что жизнь — это джунгли, а они оказались дикарями
потому, что жизнь — пробуждение, а они не спали
потому, что жизнь — цветение, а они расцвели
потому, что жизнь — борьба, а они боролись
потому, что жизнь — это дар, а у них оказались свободны руки,
чтобы принять его

Перевод с английского Галины Ицкович

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Галина Ицкович родилась в Одессе, живет и работает в Нью-Йорке. Психотерапевт по профессии и призванию, также преподает и читает лекции на русском и английском языках. Как психотерапевт оказывает помощь беженцам из Украины.

Дебютировала в роли переводчика, поэта и прозаика в 2012 году, с тех пор регулярно публикует стихи, прозу, переводы и публицистику в русско- и англоязычных журналах и альманахах. Неоднократный финалист и лауреат международных конкурсов. Соавтор книги переводов «Женская поэзия Америки».

Постоянный автор журнала «Времена».

Константин ГУЛИСАШВИЛИ АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ — ГЕНИЙ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Грузинский поэт, публицист, один из лидеров национально-освободительного движения Акакий Церетели родился 21 июня 1840 года в селе Схвители (теперешний Сачхерский район Грузии). Детские годы он провёл в селе Саванэ, в крестьянской семье своей няни. С 1852 года учился в Кутаисской классической гимназии, а с 1859 года на факультете восточных языков Петербургского Университета, который закончил в 1863 году со степенью кандидата.

Писать стихи Акакий Церетели начал ещё с юношеских лет. В 1859 году он уже был автором нескольких напечатанных стихов, а опубликованное в 1860 году лирическое стихотворение «Тайное послание», которое быстро распространилось в виде песни, принесло молодому поэту большую популярность.

Ему принадлежит величайшая заслуга в учреждении «Общества распространения грамотности среди грузин», в разносторонней культурно-просветительской деятельности, в создании и работе грузинского драматического общества. Он обогатил грузинскую журналистику не только исключительно плодотворной и значительной публицистической деятельностью, но и учреждением журнала «Месячный сборник Акакия» (1897–1900). Он также редактировал сатирико-юмористический журнал «Хумара» («Шутник»), который по причине антицарского и национального направления даже был арестован.

Вместе с Ильёй Чавчавадзе Акакий Церетели встал во главе национально-освободительного движения в Грузии и словом или делом неукротимо, целенаправленно боролся за духовное возрождение грузинского народа, за повышение его национального самосознания. Он создал новый этап развития грузинского художественного слова, что

законно упрочило поэту, вместе с И. Чавчавадзе, имя реформатора современного грузинского языка и одного из основателей новой грузинской литературы.

Хочу сказать пару слов об опубликованных в этом номере журнала стихотворениях А. Цертели.

Сперва о романтических стихах. Есть тип мужчин, для которых каждый новый любовный роман является своего рода формой самоутверждения. Поэтому такой мужчина обычно старается афишировать свои увлечения. Акакий принадлежал к совершенно противоположному типу мужчин. Он писал: «Любовь — это тайная молитва и исповедь...» Для него главным была та самая красота безмолвия и тишины, поэтому он не оставил после себя дон-жуановского списка, как это делали многие поэты того времени, и в большинстве своих любовных стихов не указывал имён истинных адресатов. Поэтому неизвестно, хотя и очень интересно, кому посвятил поэт строки «Знаем оба, что до гроба это чувство нас пленило» в своём стихотворении «Нерешительная любовь».

Также очень интересно, кто вдохновил поэта на такие романтические стихи как «Светлячок» и «Сулико», появившиеся вскоре после их публикации в виде песен, которые очень популярны и в наши дни.

То же самое можно сказать ещё об одном лирическом шедевре Акакия — стихотворении «То, что не горит, не светит...», написанном им уже в 60-летнем возрасте.

Стихотворение А. Цертели «Рассвет» начинается с горы Мтацминда (Святая Гора), вдумчиво глядящей на звезду утренней зари, под которой подразумевается Вифлеемская звезда, обрадовавшая человечество рождением Христа Спасителя. Мтацминда обретает здесь человеческие качества и молчаливо слушает реку Куру, которая поёт колыбельную доблестному рыцарю Дмитрию Кипиани, покоящемуся на склоне Мтацминды.

Поэт сравнивает с изумрудом и бирюзой небо и землю Грузии, у которой хватает силы вылечить больного ностальгией и духовным одиночеством человека. Акакий духовно возвышен, потому что он вернулся на родину и увидел своё солнце, луну и звёзды, которые только ему принадлежат. Лирический герой стихотворения является патриотом, ради родины он готов на всё, взамен же желает постоянно быть под покровительством этой родины. В конце стиха он в своём завещании закликает и молит Грузию, чтобы она похоронила его на своей земле.

Основная мысль стихотворения: человек счастлив на родине, а его рассвет и надежда — это сама Родина.

В своём стихотворении «Обращение к Важа Пшавела» А. Церетели пишет: «Мне язык твой не по нраву, о поэт высоких гор». Здесь суть в том, что равнинные части Грузии исторически часто были захвачены Персией и Османской империей. Эти захватчики до горных районов Пшави не могли добраться, поэтому пшавы сохранили много чисто грузинских слов и выражений, которые были потеряны в покорённых районах Грузии. Важа Пшавела считал, что все эти потерянные формы должны вновь войти в грузинский литературный язык. Акакий Церетели в своём «Обращении» после слов о том, что язык пшавского поэта ему не по нраву, тут же добавляет: «Впрочем, ты нам жемчуг сеешь!.. А читатель жнёт узор!». Здесь поэт равнины называет слова поэта гор жемчугом, а строки его стихов — узором, сплетённым из этого жемчуга.

Грузинский народ ещё при жизни признал Церетели народным поэтом. Он является автором множества стихов и поэм. Его творчество оставило нестираемый след в истории духовной культуры грузинского народа.

Акакий Церетели умер 8 февраля 1915 года в возрасте 74 лет. Он похоронен в Тбилиси, в Пантеоне на горе Мтацминда.

НЕРЕШИТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

(1873 г.)

Лет уж десять
горько грезить!
Сердце от любви сгорает!
Ежедневно
так плачевно
страсть в себе оно скрывает...

не без стоана,
возбуждённо.
Свой язык не понимаю,
ни словечка,
и, как свечка,
благодарный небу таю.

Ну а коли
с чувством боли
и она горит в печали...
то, о, Боже,
отчего же
нашу связь у нас отняли?!

Признак чувства...
нет, не буйство,
а смиренное молчанье,
ночью грёзы,
утром слёзы —
смесь улыбки и страданья.

Но я всё же
жду, что может
от неё хоть раз услышу:
«Мой родной ты!
Будь со мной ты!»
И... печаль свою превышу.

Знаем оба,
что до гроба
это чувство нас пленило!
Но робеем
и не смеем...
страсть, как пуля, грудь пробила!

Лет уж десять
горько грезить!
Негами сердца тревожим!
Но для уха
всё так глухо...
исповедаться не можем!

РАССВЕТ

(1892 г.)

На утренней зари звезду
Мтацминда¹ вдумчиво глядит;
к могиле звёздный луч припал,
где рыцарь доблестный лежит.

Здесь на Мтацминде тишина,
здесь слышно пение Куры,²
что колыбельную поёт
для рыцаря Святой Горы.³

И вот гора, прижав к груди
могилу родовую ту,
её «Давиду»⁴ отдаёт —
собору на своём хребту.

Собор поэта вдохновил,
горят в нём чувства, как в огне,
а сердце нежные слова
поёт прекрасной стороне:

«Дол-изумруд, высь-бирюза,
моя родная сторона,
вернулся я сюда больным,
меня ты вылечить должна!..

¹ Мтацминда (Святая гора) — гора в Тбилиси, часть Триалетского хребта.

² Кура — река, протекающая через Тбилиси.

³ «Рыцарь Святой Горы» — Дмитрий Кипиани (1814–1887), грузинский политический деятель, публицист, писатель и переводчик, могила которого находится в пантеоне на горе Мтацминда.

⁴ «Давид» — церковь Святого Давида, находится на склоне горы Мтацминда в Тбилиси.

Сиротство я снести не смог,
кровавую слезу пролил;
душа и сердце подвели,
тебя увидеть поспешил.

С улыбкой встретят тут меня
твои луна и солнце, дол,
команды светозарных звёзд,
сверкающий их ореол.

Отрада в сердце взорвалась,
и грусть отбросил я назад,
ты вновь к расцвету привела
роз и фиалок чахлый сад.

Дол-изумруд, высь-бирюза, —
не край, а вдохновитель душ,
я твой, умру я за тебя
всё по тебе скорбящий муж!..

Ни мёртвым мною, ни живым
не жертвуй, под покров возьми...
и не забудь: когда умру,
ты завещание прими:

Своей земле меня предай!
Поэта воля так скромна...
Дол-изумруд, высь-бирюза,
моя родная сторона!»

Сулико

(1895 г.)

Я могилу милой искал,
Но её найти нелегко!..
Горькою слезой зарыдал:
«Где же ты, моя Сулико?!»

Розу я в колючках узрел,
Что томилась в них глубокó;
С трепетом спросить я посмел:
«Может это ты, Сулико?!»

В знак согласия тот бутон,
Всколыхнувшись, стебель склонил,
И небесным жемчугом он
Вниз росу, как слёзы, пустил.

Зáмерший в листве соловей
Спрятался в ветвях высоко;
Птичку я спросил поскорей:
«Может это ты, Сулико?!»

С шелестом певец вниз слетел
И к цветку свой клюв приложил,
«Чик-чирик» — со стоном пропел,
Будто, да, мол, да! — доложил.

Надо мной сияла звезда,
Расходилса луч широко;
И её спросил я тогда:
«Может это ты, Сулико?!»

Луч мерцанием, как кивком,
Подтвердить мне всё это смог.
Ухо же таким шепотком
Мне обрадовал ветерок:

«Что искал, нашёл ты, поверь,
Перестань себя так вести!
Сладко ты засни в этот день
Да и ночь себе освети!

То одно развёрнуто в трёх:
В соловье и розе, в звезде,
Ведь любовь, — шептал ветерок, —
В мире сём всегда и везде».

Он заметил... уж не ищу
Я любимой могилу-гроб,
И на мир уже не ропщу,
И не плачу уже взахлёб!

Слышу розу и соловья,
На звезду с отрадой гляжу,
В этот час что чувствую я,
Языком никак не скажу!

Снова жизнь открыла мне дверь,
И открытие велико:
Знаю, жить ты будешь теперь
В трёх обителях, Сулико!..

ОБРАЩЕНИЕ К ВАЖА ПШАВЕЛА¹
(1913 г.)

Твой язык мне не по нраву,
О поэт высоких гор,
Впрочем, ты нам жемчуг сеешь!..
А читатель жнёт узор!

В Пшави хоть и не бывал я,
С этим краем всё ж знаком;
Ты его нарисовал мне
Пшавским чувством и умом.

Даже тех красот, которых
Описать ты не успел,
Я твоим же вдохновеньем
Их увидеть сам сумел.

Знаю, пшавская деревня
Высока, чиста — хрусталь,
С языка — одна лишь правда,
Грудь у пшава² — это сталь.

Раньше сабля грела душу,
Нынче дух пером согрет...
Горцам от певца равнины
Братский передай привет.

¹ Важа Пшавела (1861–1915) — грузинский писатель и поэт XIX века, признанный классик грузинской литературы.

² Пшав — житель области Пшави в горной части Грузии.

ТО, ЧТО НЕ ГОРИТ, НЕ СВЕТИТ...

(1898 г.)

То, что не горит, не светит, —
То сгнивает незаметно.
О любовь, меня сожги ты,
Освети, где беспросветно!

И одна секунда жизни,
Что лучом твоим согрета,
Мне дороже даже века
Без глубоких чувств и света.

Если в горы снег приходит,
То долины замерзают!
Так и волосы седые
Чувство сердца охлаждают;

Но в том месте, где Геенна
Дышит пламенем печально,
Это правило святое
Не подходит изначально.

Там, где чувства разрывают
Сердце тёплое поэта,
Седина чем помешает?
Возрастом не мерят это!

Верю в чистоту любви я,
Как и в минувшее время,
И благословляю сердце
На горящей страсти бремя!

И хоть жертвенная тайна,
Тайно разгоревшись, гаснет,
Даже в этих муках тихих
Иногда блаженство вязнет...

СВЕТЛЯЧОК

(1869 г.)

Ты летишь, мой светлячок,
Тихо и наискосок!
Почему твой дальний свет
Охладил меня и сжёг?

Светишься. Как ты хорош!
Только что с тебя возьмёшь!
Я хочу, чтоб был моим,
Ну а ты к другим плывёшь!

Бабочка, что шёлк пряла,
И пиявка, и пчела,
Хоть полезные они,
Но без света и тепла!

Пьявка — лекарь, но она
Мерзких запахов полна...
Голодна коль — кровный враг,
Как насытится — пьяна!

Так зачем с пиявкой мне
Кровь держать наедине?!
Снова ты и снова ты,
Светлячок мой в тишине!

От второй свечу и мёд
Получаем каждый год...
Правда, от укусов пчёл
Пухнут руки, нос и рот!

Так зачем же мне пчела
С жалом, острым как стрела?
Снова лучше светлячок,
Не уколёт как игла!

Третья одевает нас,
Тихо, мирно и не злясь,
Но по глупости своей
Гибнет, в кокон превратясь.

Мне и бабочка зачем,
Бестолковая совсем?
Ей конечно ж предпочту
Светлячка я без проблем!

Так куда ж, мой светлячок,
Ты летишь наискосок?
Предан только я тебе,
Все обманут под шумок.

Жаль тебя, мой сердцеед!
Ах, другим ты даришь свет!
Светишь в темноте другим,
Мне же нынче пользы нет.

Не робей, меняй пути!
И ко мне ты прилети,
И меня лучом покрой,
В сумерках и мне свети!

До сих пор горю в огне;
Поклянись в любви ты мне,
Ту любовь забуду я
Лишь в могиле, в вечном сне!..

Так куда ж, мой светлячок,
Ты летишь наискосок?
Твой далёкий дальний свет
Сердце любящее сжёт!

ОБ АВТОРЕ

Константин Гулисашвили родился в 1953 году в Тбилиси. Учился в Политехническом, Физкультурном и Педагогическом институтах. Работал инженером-гидростроителем, тренером по гимнастике и учителем математики. Имеет спортивные звания «Мастера спорта СССР» и «Судьи международной категории». С 1996 года живёт в США (Вашингтон). Работает тренером в государственном спортивном комплексе. Увлекается переводами поэзии с грузинского на русский и с русского на грузинский. В 2023 году в грузинском издательстве «Carpe Diem» вышло новейшее издание эпической поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в полном переводе Константина Гулисашвили на русский язык.

Владимир ВЛАДМЕЛИ

ПАРАСЕЙЛИНГ

САРАСОТА, 2010-Е ГОДЫ

Из магазина вышла женщина, в глазах которой было такое отчаяние, что я невольно спросил её, — что с вами?

Я потеряла мобильник, — ответила она, — а я без телефона как без рук, не знаю, что мне делать.

Продиктуйте свой номер, я позвоню, может, его уже нашли.

Она продиктовала, и я позвонил, но мне никто не ответил.

Наверно, телефон украли, а у меня там всё, — повторила женщина.

Любой телефон можно отследить, и вор наверняка это знает, — возразил я, вновь набирая номер.

После очередной попытки на той стороне сняли трубку.

— Здравствуйте, — сказал я, — это мой телефон, я потерял его в магазине. Вы где?

— В кафе, — ответил недовольный мужской голос.

— Где оно находится?

— Рядом с магазином женской одежды.

— Как я вас узнаю?

— Я буду около кассы, — сказал мужчина.

Когда мы к нему подошли, он спросил:

— Как выглядит ваш мобильник?

— Он в голубом футляре, на котором стоят мои инициалы Д.Л. — ответила моя спутница.

Мужчина вручил ей телефон и ушёл, а Д.Л. прижала телефон к груди. Лицо её сразу порозовело, и она превратилась из олицетворения безнадёжности в очень привлекательную женщину зрелого возраста. Весьма зрелого.

— Вы даже не представляете, как вы меня выручили, — сказала она, — я должна вас отблагодарить. Я готова выполнить любое ваше желание.

— Прямо золотая рыбка, — подумал я, пожимая плечами.

— Давайте выпьем по чашечке кофе, а вы пока подумаете, — сказала она тоном, который не предполагал отрицательного ответа.

Пока мы выбирали столик, я решил, что она, наверно, живёт одна, общаться ей не с кем, и теперь она замучает меня своими рассказами.

Мы сделали заказ, и она сказала:

— Меня зовут Дженнифер, а тебя?

— Виктор.

— Очень приятно. Так чего же ты хочешь, Виктор?

— Полетать на парашюте.

Она удивлённо посмотрела на меня и после небольшой паузы спросила:

— А ты уже летал?

— Да.

— Расскажи, ведь это, наверно, очень интересно, — попросила она, и я рассказал, как лет 15 назад в Мексике, когда парасейлинг только входил в моду, я увидел, что вдоль берега на парашюте летит человек, привязанный к катеру. Я проследил за ним и из любопытства пошёл туда, где он приземлился. Это оказалось довольно далеко, ноги мои утопали в песке, солнце немилосердно жарило, и я устал так, как будто пробежал марафон. Когда я подходил к пусковой площадке, на неё приземлялся очередной парашютист. Это был ничем не примечательный мужчина лет 40, совсем не похожий на мачо, и, глядя на него, я подумал, что если уж он не испугался подняться в небо, то мне и сам Бог велел.

Меня привязали к парашюту, объяснили, как им управлять, и сказали, что после того как катер отчалит от берега, я должен следить за канатом, а когда он начнёт натягиваться, пробежать за ним метров десять. Я так и сделал, и вскоре уже был в воздухе. Там я решил проверить как работают кольца, и парашют послушно отклонялся то влево, то вправо. Кайф был полный.

— Так ты хочешь словить кайф ещё раз? — спросила Дженнифер.

— Да.

— Я, пожалуй, тоже попробую. Может, и мне понравится.

— Шутите? — вырвалось у меня.

— Ты думаешь, я слишком стара?

— Нет, что вы, — ответил я, не зная, как бы поделикатнее выкрутиться из неудобного положения, — но ведь в небе всё может случиться.

— Конечно, и с тобой тоже.

— Но...

— Никаких но. Встретимся завтра на пирсе в десять утра, — сказала она.

* * *

В назначенное время к пирсу подплыл катер, которым управлял пожилой мужчина в тельняшке.

— Здравствуйте, — сказал он, — должен вас огорчить. Сегодня сильный ветер, и подниматься в небо опасно, тем более таким, как вы.

— Почему? — спросили мы хором.

— Вы слишком лёгкие, вас будет сильно болтать в воздухе.

— Пусть болтает, — возразила Дженнифер, — мы согласны.

— Это может вызвать морскую болезнь. Вы знаете, что ещё совсем недавно, когда самолёты летали не так быстро и попадали в воздушные ямы, пассажирам на всякий случай выдавали санитарные пакеты.

— У нас нет морской болезни, а если мы такие лёгкие, то можем лететь вместе. Мы с сыном завтра возвращаемся на Аляску, а там никакого парасейлинга нет, так что для нас это последний шанс. Сделайте доброе дело, мы вас отблагодарим, — она посмотрела на меня и спросила, — ведь ты согласен?

Я неопределённо промычал. Мне не хотелось, чтобы благодарность обошлась ей слишком дорого, но гораздо больше меня беспокоило то, что я плохо переносил качку.

— Вот видите, мы согласны, — сказала Дженнифер.

Когда мы вышли в море, помощники капитана пристегнули нас к стропам специальными ремнями, проверили надёжность крепления, расправили парашют и начали крутить ворот, разматывая канат. Механизм этот очень напоминал деревенский колодец, но вместо пустого ведра, опускающегося вниз, к нему был привязан парашют с людьми, поднимающимися в небо.

— Зачем вы соврали про Аляску? — спросил я, когда мы взлетели.

— Иначе у нас бы ничего не получилось, а что касается капитана, то он был прав. Мы действительно слишком лёгкие. Чувствуешь, как нас качает.

Я это очень хорошо чувствовал. Нас болтало из стороны в сторону, и скоро у меня закружилась голова. Я долго сдерживался, но потом согнулся, и за неимением санитарного пакета отдал свой завтрак океану. Капитан увидел это, и дал сигнал своим помощникам. Они тут же начали наматывать канат на ворот. Мы опустились на катер

и поплыли к берегу. Волна была довольно большой, и по дороге меня укачало ещё сильнее. На пирсе Дженнифер сказала, что она меня вылечит и повезла к себе. Там я лёг на диван и сразу же уснул, а когда открыл глаза, она стала извиняться за то, что настояла на парасейлинге. Затем она дала мне таблетку и стакан воды, а потом проводила в гостевую спальню.

Утром я встал очень рано и хотел незаметно уйти, но она, казалось, меня караулила.

— Давай сначала выпьем кофе, — сказала она и повела меня в гостиную. Это была очень большая, прекрасно обставленная комната, на стенах которой висели картины в духе импрессионистов.

— Нравится? — спросила она, видя, как я их рассматриваю.

— Очень, — ответил я, — а кто автор?

— А ты как думаешь?

— Похоже на Ван Гога.

— Это он и есть.

— Но его работы стоят огромных денег.

— В моём доме вообще всё дорого стоит, — довольно улыбнулась Дженнифер.

— Как же вы не боитесь приглашать к себе незнакомых людей. А вдруг я жулик, аферист или бандит. Вдруг я хладнокровный убийца и за копейку готов поджарить собственную бабушку.

— Собственную ты, может, и поджаришь, а меня — нет. Я ведь бабушка не простая. Прежде чем пустить тебя к себе, я про тебя всё узнала.

— Что именно? — спросил я.

— Например, что ты недавно был в театре Асоло и пиялился там на незнакомом человека.

* * *

Неделю назад я действительно пошёл в театр на дневное представление. Была обычная для Сарасоты жара, но на мне был костюм, белая рубаша и галстук. Выглядело это резким контрастом с затрапезной одеждой всех остальных зрителей. Вернее, всех, кроме одного. Я столкнулся с этим одним в фойе перед началом спектакля. Его вид и одежда так меня удивили, что я остановился и стал его рассматривать. Он тоже остановился, и, величественно взглянув на меня, спросил:

— Вспоминаешь, где меня видел?

— Да, — ответил я.

— Вспоминай, — сказал он, взял свою спутницу под руку, наклонился и что-то шепнул ей на ухо. Она взглянула на меня, и они пошли дальше. Я же стал вспоминать. Прилизанные волосы, строгая бородка, усы, вызывающий синий пиджак и розовая рубашка с белым стоячим воротничком. Всё это явно предназначалось для того, чтобы на него обратили внимание. Я понял, что он не мог быть моим знакомым, что, скорее всего, он популярный артист. Непонятно только, что он делает в Сарасоте. Разве что приехал сюда в гости, остановился у богатых родственников в миллионном доме и со скуки решил пойти в театр. Но поскольку специального театра для богатых и знаменитых нет, он, как простой смертный, вынужден вместе с остальными толкаться в фойе, а когда подопрёт, то даже идти в тот же сортир, что и они.

Я огляделся, увидел, что никто не обращал на него внимания, и решил, что он, наверно, не так уж и знаменит. Тем не менее, всё первое действие меня преследовала мысль, что я его где-то видел. В антракте я пытался его найти, но мне это не удалось. Я столкнулся с ним на улице уже после окончания спектакля. Он сел в машину, но увидел меня, задержался и спросил:

— Ну, что, вспомнил?

— Нет, — признался я.

— Жаль, а то я принял бы тебя в свой клуб, — сказал он, опустил на сидение и закрыл за собой дверь.

* * *

— Вы, наверно, были в театре с этим типом? — спросил я Дженнифер.

— Именно, — подтвердила она, — а этот тип — мой сын.

— И-из-вините, — прозаикался я.

— Не за что извиняться, — сказала Дженнифер, — он мне самой надоел хуже горькой редьки. Я бы с удовольствием его прочуила, да не знаю как. Деньги у него есть, отец оставил ему хорошее наследство, вот он и бесится с жиру. Недавно он со своими приятелями организовал клуб прототипов.

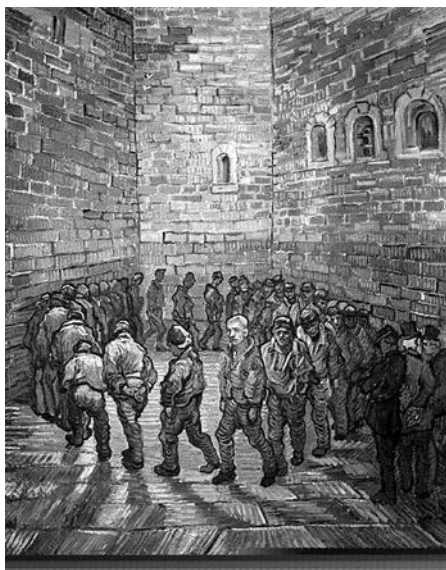
— А кого он прототипствовал в тот раз?

Дженнифер подошла к кофейному столику, взяла большой, прекрасно изданный альбом Ван Гога, открыла его на странице с портретом доктора Рея и протянула мне.

подходящее место. Потом они гримируются, переодеваются, делают фотографии, выставляют их на ФБ и собирают лайки. Всё бы это и ничего, но никто из них мне не помогает. Они же артисты и считают, что черновая работа не для них. Я очень хотела бы их проучить, только вот не знаю как.

— Я знаю. Предложите им инсценировать картину Ван Гога «Прогулка заключённых». Пусть они переоденутся в тюремные робы и сыграют эзков, а чтобы сцена выглядела натурально, вы арендуете на-

стоящую тюрьму, и после того как

сделаете фотографии, всех членов клуба там и оставите.

— Отличная идея, — сказала Дженнифер, — ты опять мне очень помог. Что ты хочешь на этот раз?

— Картину Ван Гога.

— Картину я тебе не дам, а в клуб порекомендую, но при условии, что ты будешь одним из заключённых.

ОБ АВТОРЕ

Владимир Владмели родился в Москве, окончил Московский энергетический институт, много лет водил экскурсии по Пушкинским местам. В конце прошлого века эмигрировал в США, живёт в г. Миннеаполис.

Публиковался в журналах «Нева», «Зеркало», «Слово-Word», «Чайка» «Новый журнал», в различных газетах. Издал несколько книг прозы. книги:

Повесть «Полковник» вошла в 2012 г. в «короткий список» премии им. М.Алданова, а рассказ «Прекрасный возраст» в 2014 г. — в «длинный список» премии им. О'Генри. Роман «В Старом Свете» вошёл в «длинный список» премии им. И. А. Бунина в 2015 г.

Ксения ГАМАРНИК

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДРУЖБЫ-ВРАЖДЫ

*125 лет со дня рождения Эрнеста Хемингуэя
и 150 лет со дня рождения Гертруды Стайн.*

Американский писатель Джон О'Хара назвал Эрнеста Хемингуэя «самым значительным автором после Шекспира». Написав романы «И восходит солнце» (в СССР издавался под названием «Фиеста (И восходит солнце)» (1926) и «Прощай, оружие» (1929) Хемингуэй занял место на литературном Олимпе. Новой вершиной стал роман «По ком звонит колокол» (1940). За повесть «Старик и море» (1952) он в 1953 году был награждён Пулитцеровской премией. Год спустя получил Нобелевскую премию по литературе.

Биографии Эрнеста Хемингуэя (1899–1961) хватило бы на несколько военных и приключенческих фильмов. Человек отчаянной храбрости, в юности полицейский репортёр, доброволец-водитель санитарной машины в Первую мировую войну в Италии, военный корреспондент в годы гражданской войны в Испании и в годы Второй мировой войны в Европе, увлекавшийся спортом, в том числе боксом, любитель корриды, завзятый рыболов и охотник, экспедиции которого включали сафари в Африке. Благодаря такой биографии, фигура Хемингуэя окружена ореолом мужественного искателя приключений.

Однако, кроме романтических красок, постоянный поиск опасностей имеет оборотную сторону. Согласно религиозным верованиям мусульман, у каждого человека на плечах сидят два ангела. Ангел, сидящий на правом плече, записывает добрые деяния. Ангел, сидящий на левом плече, ведёт счёт дурным поступкам. Перечитывая жизнеописание Хемингуэя, возникает ощущение, что у него на одном плече сидел ангел-хранитель, спасавший его в самых опасных ситуациях

до того рокового момента, когда писатель решил свести счёты с жизнью. А над другим плечом у него клубилась тёмная сила, которая раз за разом стремилась его уничтожить. Хемингуэй на удивление часто получал травмы, попадал в автоаварии, перенёс несколько серьёзных заболеваний, включая сибирскую язву, страдал от алкоголизма и депрессии. В 1918 году он получил тяжёлое ранение на фронтах Первой мировой войны. В 1928 году ему на голову рухнуло окно, оставив на всю оставшуюся жизнь шрам на лбу. Возможно, две самые близкие встречи со смертью на протяжении двух суток произошли в 1954 году, во время очередной поездки в Африку. Тогда потерпел крушение небольшой самолёт, в котором находились Хемингуэй с женой. Им пришлось заночевать в джунглях. Но и этого испытания судьбе показалось мало — на следующий день супруги сели в другой самолёт, который загорелся и рухнул при взлёте. Газеты тогда поторопились сообщить о гибели писателя.

Хемингуэй был натурой увлекающейся и влюбчивой. Он был женат четыре раза, кроме того, пережил ещё несколько влюблённостей. А вот его сложные отношения с американской писательницей Гертрудой Стайн интересовали критиков в контексте влияния их творчества друг на друга. «За двадцать четыре года они прошли путь от отношений наставницы и ученика к соперничеству между коллегами-творцами», — пояснял литературовед и писатель Лайл Ларсен в книге «Стайн и Хемингуэй: История непростой дружбы» (2011). Несмотря на резкие колебания — любви, восхищения, ревности, обид и оскорблений — они продолжали личное и литературное общение, отчасти потому, предполагает Ларсен, что Хемингуэй испытывал потребность в одобрении со стороны Стайн.

Гертруда Стайн (1874–1946), родившаяся в Пенсильвании в состоятельной еврейской семье с немецкими корнями и выросшая в Калифорнии, навсегда переехала во Францию в 1903 году. Литературное творчество Стайн, её романы, пьесы и стихотворения отличалось экспериментами в области языка — нарочитыми повторами и сознательным нарушением порядка слов в предложении. Таким способом она стремилась воспроизвести поток сознания. Пожалуй, самая известная строка из стихотворения Стайн: «Роза это роза это роза это роза». Долгое время её эксперименты оставались не понятыми читателями.

В 1907 году в Париж приехала американка Алиса (или Элис) Токлас (1877–1967). На второй день жизни в Париже Алиса, также выросшая

в еврейской семье, только родом из Польши, повстречала Гертруду Стайн, и с тех пор они не расставались почти сорок лет, до самой смерти Гертруды. Алиса стала возлюбленной, музой, правой рукой, домоправительницей, секретарём, критиком и редактором Стайн.

В Париже Гертруда и её брат Лео стали патронами художников-бунтарей, фовистов и кубистов. Брат и сестра собрали прекрасную коллекцию картин, начав одними из первых покупать работы Анри Матисса, Пабло Пикассо, Жоана Миро, Хуана Гриси и других. В своём салоне Стайн принимала подающие надежды дарования, в то время как Алиса в соседней комнате занимала разговорами их жён и подруг, до общества которых Гертруда не снисходила.

ТЕСНАЯ ДРУЖБА

В 1921 году Хемингуэй вместе с первой женой Хэдли приехал в Париж в качестве международного корреспондента канадской газеты. Через несколько месяцев, вооружённый рекомендательным письмом уже получившего известность американского писателя Шервуда Андерсона, Хемингуэй пришёл на улицу Флерюс, в дом 27, где царил Стайн. Она немедленно расположилась к высокому, красивому, стройному молодому человеку, стала его ментором, читала его рукописи, делала замечания и давала советы. Именно она порекомендовала Хемингуэю бросить работу в газете, на которую уходили почти все его силы, и сосредоточиться на труде писателя. В свою очередь, и Хемингуэй в 1924 году помог Гертруде опубликоваться.

В мемуарах «Праздник, который всегда с тобой» в главе «Мисс Стайн поучает» Хемингуэй вспоминал: «Мисс Стайн была крупная женщина — не очень высокая, но ширококостная. У неё были прекрасные глаза и волевое лицо немецкой еврейки, которое могло быть и лицом уроженки Фриули, и вообще она напоминала мне крестьянку с севера Италии и одеждой, и выразительным, подвижным лицом, и красивыми, пышными и непокорными волосами, которые она зачёсывала кверху так же, как, верно, делала ещё в коллеже. Она говорила без умолку и поначалу о разных людях и странах».

Дружба была настолько тесной, что когда Хэдли в 1923 году родила сына, Гертруда по просьбе Хемингуэя стала крёстной матерью мальчика. К тому времени Хемингуэй по совету Гертруды уже съездил впервые в Испанию, в Памплону, посмотреть бой быков, поэтому полное имя сына было Джон Хэдли (в честь матери) Никанор (в честь испанского матадора Никанора Вильяльты-и-Серреса).

Гертруда Стайн, 1913.

Фото: Алвин Лэнгдон Кобурн
Из коллекции George Eastman House

Прилежный слушатель, Хемингуэй впитывал уроки Гертруды как губка. Американские критики сходятся во мнении, что Стайн оказала огромное влияние на его формирование как писателя, хотя он позднее отрицал это. Лайл Ларсен приводит в качестве примера рассказ Хемингуэя «Мистер и Миссис Эллиот» (1924): «Рассказ... настолько близко имитирует её манеру скрытых аллюзий и иронических повторов, что, кажется, будто у Хемингуэя перед глазами была копия произведения Стайн в момент сочинительства. По крайней мере, в его голове звучал её голос, когда он писал».

С Ларсеном соглашался литературовед Эдмунд Вилсон. Анализируя влияние Гертруды Стайн на американскую литературу, он писал: «Я говорю о её влиянии на Шервуда Андерсона и Эрнеста Хемингуэя и не только в жанре рассказа, такого, например, как „Мистер и Миссис Эллиот“ ... Но он (Хемингуэй) подобным образом обязан ей и в некоторых пассажах „И восходит солнце“ и „Прощай, оружие“, где хочет поймать медленное течение времени или зловещую банальность человеческого поведения в ситуациях, полных эмоционального напряжения».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВРАЖДА

Охлаждение дружеских отношений Стайн и Хемингуэя произошло после публикации романа «И восходит солнце». В книге группа друзей, американцев и англичан, поселившихся в Париже, приезжает на фестиваль Сан-Фермин в испанской Памплоне и наблюдает за бегом быков и корридой.

Роман открывается эпиграфом: «Все вы — потерянное поколение. Гертруда Стайн (в разговоре)». Благодаря роману, «потерянным поколением» стали называть группу американских писателей, которые возмужали в эпоху Первой мировой войны, оторвались от родины

и завоевали литературную репутацию в Европе. Утрата веры в прежние идеалы привела к тому, что многие из них стали гедонистами, им были присущи цинизм и разочарование, которые определили литературный ландшафт 1920-х годов. В более широком смысле так называют всё поколение, повзрослевшее во время Первой мировой войны.

Подробнее о своём диалоге о потерянном поколении со Стайн, беспелляционно поставившей крест на молодых людях («Вы все сопьётесь»), Хемингуэй рассказал в «Празднике, который всегда с тобой». Впрочем, разногласия возникли не из-за «потерянного поколения». Сперва Хемингуэй обиделся на Гертруду, которая отказалась читать отрывки «И восходит солнце», поскольку решила ждать публикации завершённой рукописи. А когда роман вышел из печати, оказалась обижена Гертруда. Илья Басс, исследователь творчества Стайн и переводчик её трудов, пишет: «Дружба с Хемингуэем дала серьёзную трещину, особенно после выхода „И восходит солнце“. Главный герой, еврей Роберт Кон, регулярно подвергается насмешкам, ему постоянно, в оскорбительных выражениях напоминают, кто он такой. Гертруда и Элис нашли в романе скрытые антисемитские мотивы, хотя мнения критиков и читателей разошлись. В самом деле, такие слова как „улучшило форму его носа“ уже в первых строчках можно отнести именно к таким мотивам. А вкладывать в уста героев, пусть и отрицательных, постоянные оскорбления в сторону Роберта Кона? ... Остаётся неясным, характеризовал ли Хемингуэй общую атмосферу тогдашней Америки, или свою собственную позицию ... Гертруда и Элис выбрали второй вариант, ибо в качестве прототипа Кона Хемингуэй избрал Гарольда Лоба, приятеля Гертруды».

В 1926 году вышла новелла Хемингуэя «Вешние воды» (Хемингуэй зачитывался Тургеневым), написанная за десять дней. Это была злая пародия на малоудачный роман «Тёмный смех» Шервуда Андерсона, друга Гертруды. В новелле высмеиваются американские литераторы, жившие в Париже. В письме поэту Эзре Паунду Хемингуэй писал, что он «выведет на чистую воду Андерсона, Стайн, Синклера Льюиса ... и остальную, возомнившую о себе фальшивую шушеру». «Не думаю, — продолжал он, — что Шервуд сможет (после этого) написать что-нибудь ещё. А такой материал как, например, у Гертруды, даже не стоит изобличать. Достаточно просто процитировать отрывки».

Описывая новеллу, Илья Басс говорит: «Досталось не только Андерсону, но, в меньшей степени, и Фицджеральду, и Дос Пассосу и, разумеется, Гертруде Стайн. Глава о Стайн называется „Падение Великой

Гертруда Стайн сидит на диване в своей парижской студии, на стене за ней висит ее портрет работы Пабло Пикассо и другие картины современного искусства, май 1930 года.

Коллекция фотографий газет New York World-Telegram и Sun (Отдел печати и фотографии Библиотеки Конгресса США).

Нации и Становление и Порча Американцев“. Большинство критиков совершенно справедливо восприняло пародию как публичный отказ от менторства Андерсона и Стайн. Близкие друзья отметили явное злорадование Хемингуэя». Публикация привела к разрыву отношений.

Общение Хемингуэя и Стайн, хотя и без прежней сердечности, восстановилось в 1928 году и было прервано новым конфликтом год спустя.

В 1933 году вышла из печати «Автобиография Алисы Токлас», которую Гертруда Стайн написала от имени своей подруги. В ней она отказалась от экспериментов с языком, и книга, в которой рассказывается о встречах с писателями и художниками, пользовалась большим успехом. Скрывшись за спиной Алисы, Стайн пропела дифирамб самой себе: «Могу сказать, что только три раза в жизни я встречала гения, и каждый раз во мне звонил колокольчик, и я не ошибалась, и в каждом случае я могу сказать, что это было до того, как в них появилось какое-либо общее признание их гениальности. Три гения, о которых я хочу поговорить, — это Гертруда Стайн, Пабло Пикассо и Альфред Уайтхед» (английский философ и математик — К. Г.).

Заметим, Хемингуэя в списке гениев нет. Наоборот, в «Автобиографии» ему досталось: «Гертруда Стайн и Шервуд Андерсон частенько посмеивались над Хемингуэем. Последний раз, когда Шервуд был в Париже, они часто говорили о нём. Они вдвоём сформировали Хемингуэя, и оба немного гордились и несколько стыдились этого результата творчества их ума ... Как я уже говорила, — писала Гертруда от имени Алисы, — Шервуд и Гертруда Стайн не переставали удивляться Хемингуэю. Они допускали, что Хемингуэй труслив. Да, да, настаивала

Гертруда Стайн, он совсем как матрос на плоту на Миссисипи, которого описал Марк Твен ... Потом они оба согласились, что испытывают слабость к Хемингуэю потому, что он такой хороший ученик. Он дрянной ученик, возразила я. Ты ничего не понимаешь, сказали они оба, очень лестно иметь ученика, который учится, сам того не осознавая, иными словами, он воспринимает уроки, а каждый, кто воспринимает уроки, любимый ученик. Они оба признали это своей слабостью».

Эти язвительные пассажи привели Хемингуэя в ярость, он не забыл о них до конца жизни. Первой его реакцией было сочинить пародию под названием «Автобиография Алисы Б. Хемингуэй», написанную от имени Алисы, воображаемой жены Хемингуэя, посещающего салон Гертруды. Пародия не была окончена и осталась в черновиках.

В 1934 году Хемингуэй отказался писать статью о Гертруде Стайн для журнала «Эсквайр», но подчеркнул, что наган держит заряженным, знает все её уязвимые места.

Обида на обвинение в трусости прорвалась в следующем году. Слово Илье Бассу: «Частично свой пистолет Хемингуэй разрядил в романе „Зелёные холмы Африки“, вышедшем в свет в 1935 году; особенно в рукописи. Он „наградил“ Гертруду мало лестными эпитетами и лишь по просьбе издателя смягчил текст. В опубликованном варианте книги (часть 2, глава 3) ... Гертруда представляется ревнивой и злостной писательницей, которой Хемингуэй помог печататься и которая выучилась у него диалогам. Пошли в ход и эпитеты „мерзкая баба“, „ревнивая злюка“. В этом же отрывке читатель обнаружит и причину авторского сарказма: „В благодарность она тебя же трусом обозвала“. Таким образом, Хемингуэй припомнил обвинения в трусости и, в отместку, превратил Стайн в свою ученицу, а сам предсталав себя не в виде её ученика, а в виде наставника.

Стайн по-прежнему не давала покоя Хемингуэю. В одном из его лучших романов «По ком звонит колокол» (1940) в руководительнице группы республиканцев-партизан можно распознать черты Гертруды: «пятидесяти лет, с массивной фигурой, лицо которой могло бы послужить моделью для гранитной скульптуры; чёрные курчавые волосы, в завитушках; язык как бич — ошпаривает и кусает». Вместе с тем, она может проявить доброту и понимание, она надёжна — неслучайно её зовут Пилар (что означает колонна; кстати, именно так писатель назвал свой катер для морской рыбалки, купленный в 1934 году). В 24-й главе Хемингуэй даёт внимательным читателям ещё одну подсказку в диалоге героев, воспроизводя повторы Стайн и намекая на её фамилию:

«— Как роза, — сказал он. — Совсем как роза! Роза — это роза — это лук.

— У тебя от лука ум за разум заходит, — сказал Агустин. — Берегись.

— Лук — это лук — это лук, — весело сказал Роберт Джордан и прибавил мысленно: „Камень — это stein (камень), это скала, это валун, это галька“.»

Во время нацистской оккупации Гертруда и Алиса остались во Франции, на территории так называемого Французского государства, находящегося в зоне правления Вишистского правительства. В отличие от литературной героини Пилар, Гертруда отнюдь не стала партизанкой. Исследователи биографии Стайн упрекают её в том, что она завязала сомнительную дружбу с Бернардом Фэем, чиновником правительства в Виши и ярким сторонником теорий заговора. Кроме того, на протяжении полутора лет Стайн перевела на английский язык около 30 речей из сборника речей маршала Филиппа Петена, лидера коллаборационистского режима Виши. Она продолжала работать над переводами даже тогда, когда США вступили в войну с Германией и разорвали дипломатические отношения с режимом Виши. В том числе, Стайн переводила заявления Петена о поддержке Гитлера и его указания французам сотрудничать с нацистами.

Защитники Стайн оправдывают её поведение тем, что таким образом она спасала свою коллекцию. Действительно, её обширная коллекция произведений искусства осталась нетронутой, в то время как многие другие коллекции авангардного искусства, особенно принадлежащие еврейским коллекционерам, были конфискованы и уничтожены как «дегенеративное искусство».

У Хемингуэя и Стайн состоялась ещё одна встреча, о которой он и Алиса Токлас вспоминали совершенно по-разному. «Мне повезло встретиться с ней (Гертрудой) в Париже, когда мы вернулись осенью 44-го. Тогда времени было в обрез, и я только сказал, что всегда любил её, и она ответила, что любит меня тоже, что, по моему мнению, было искренним с обеих сторон, — написал Хемингуэй в одном из писем. А вот согласно воспоминаниям Алисы, между ними якобы произошёл следующий обмен репликами: „Привет, Гертруда, я стар и богат. Давай прекратим цапаться“. На что Гертруда ответила: „Я не стара. Я не богата. Давай продолжим схватку».

И, наконец, немало страниц уделено образу Гертруды Стайн в «Празднике, который всегда с тобой», написанном уже после её смер-

ти, где Хемингуэй с иронией рисует не слишком привлекательный образ. Например: «За три-четыре года нашей дружбы я не помню, чтобы Гертруда Стайн хоть раз хорошо отозвалась о каком-нибудь писателе, кроме тех, кто хвалил её произведения или сделал что-нибудь полезное для её карьеры». Друг и биограф Хемингуэя А. Э. Хотчнер однажды сказал: «Он никогда не прощал того, кто оказывал ему услугу».

ДВА «ПРАЗДНИКА»

В 1956 году Хемингуэй начал работу над автобиографической книгой, которую он не успел завершить и выбрать среди нескольких вариантов окончательное название. «Праздник, который всегда с тобой» был издан в 1964 году в нью-йоркском издательстве «Скрибнерс» после смерти писателя. Книга проникнута ностальгией по молодости, по парижским кафе и улицам, по тому времени, когда Хемингуэй был молод, беден, ещё не знаменит, но счастлив с первой женой и маленьким сыном.

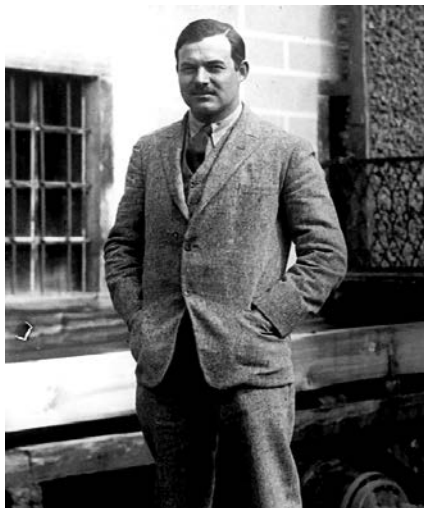
Однако, позднее публикация вызвала резкую критику. После того, как в 1979 году для исследователей стал доступен личный архив Хемингуэя, выяснилось, что его четвёртая жена Мэри Уэлш и редактор Гарри Браг перекраивали и правили черновики по своему усмотрению.

Литературоведы не могли пройти мимо этого открытия. В 1982 году появилась статья Джерри Бреннера, профессора университета Монтаны, под названием «А идём ли мы на праздник Хемингуэя?». В 1991 году увидела свет книга Жаклин Тавернье-Курбен, профессора университета Оттавы, которая называлась «Хемингуэевский „Праздник, который всегда с тобой“: Создание мифа». «Можно сказать, что опубликованная книга на самом деле — не та книга, которую написал или хотел опубликовать Хемингуэй», — уверена Тавернье-Курбен.

В 2009 году, 45 лет спустя после выхода в свет первого «Праздника», был выпущен том «Праздник, который всегда с тобой: Восстановленное издание», с предисловием сына писателя Патрика Хемингуэя и под редакцией внука писателя Шона Хэмингуэя, с добавлением десяти отрывков, которые не вошли в первое издание. Некоторые фрагменты, в которые Мэри и Брэг внесли правки или и вовсе вычеркнули, были сверены с черновиками и восстановлены, главы поменяли месторасположение.

Тем не менее, споры продолжаются по сей день. Теперь, вместо критики издания 1964 года, специалисты ломают копья на другую тему: какое из двух изданий нужно считать «правильным», ведь первое

Эрнест Хэмингуэй в Париже в 1924 г.
Из коллекции Библиотеки Дж. Ф. Кеннеди

готовилось людьми, которые были лично знакомы с замыслами автора. Нужно ли вообще было второе издание, почти полвека спустя, особенно раздел с отрывочными записями-повторами, которые могут быть интересны только специалистам? А. Э. Хотчнер даже написал статью в защиту первого издания «Не трогайте „Праздник“». И, действительно, миллионы поклонников творчества Хэмингуэя любят текст, изданный шестьдесят лет назад.

В СССР «Праздник, который всегда с тобой» впервые был издан в 1965 году в издательстве «Прогресс». Перевод на русский язык осуществили Михаил Брук, Лев Петров и Феликс Розенталь, и с тех пор роман в этом переводе переиздавался десятилетиями. В 2015 году московское издательство «АСТ» опубликовало «Праздник, который всегда с тобой: Восстановленное издание» в переводе Виктора Голышева.

Думается, какое бы издание ни взяли в руки в руки читатели, оно поможет окунуться в атмосферу Парижа 1920-х годов, каким его увидел Хэмингуэй: «Париж никогда не кончается, и каждый, кто там жил, помнит его по-своему. Мы всегда возвращались туда, кем бы мы ни были и как бы он ни изменился, как бы трудно или легко ни было попасть туда. Париж стоит этого, и ты всегда получал сполна за всё, что отдавал ему. И таким был Париж в те далёкие дни, когда мы были очень бедны и очень счастливы».

ПАМЯТЬ, ОБОЖЖЁННАЯ ВОЙНОЙ

К 100-летию со дня рождения Василя Быкова (19 июня)

Выдающийся белорусский писатель Василь Владимирович Быков (1924–2003), которого называют «совестью Беларуси» и чьи произведения переведены на сорок языков, знал о войне не понаслышке. Он был направлен на фронт летом 1942 года после окончания военного училища, участвовал в боях за освобождение Украины. Младший, потом старший лейтенант, командир взвода артиллерии, где на вооружении были 45-миллиметровые противотанковые орудия — «сорокопятки», к тому времени устаревшие, а потому получившие прозвище «Прощай, Родина!». Два тяжёлых ранения и даже одна похоронка, по ошибке отправленная родителям. В составе Второго и Третьего Украинских фронтов воевал в Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии и Австрии.

В интервью «Радио Свобода» в январе 2000 года Быков пояснял:

Я пытался написать несколько вещей на темы действительности, но оказалось, что они все непроходимы. А военные рассказы, а потом — повести, они прошли. Это во всей советской литературе. Помните, с появлением первых военных повестей Бакланова и Бондарева появилась «лейтенантская проза» ... И вот, таким образом, я переключился на военную тему. Вовсе не потому, что меня так увлекала война или армия, я как раз всю жизнь её ненавидел — и ту, и другую. Но я и видел там возможность реализации некоторых моих идей.

Василь Быков стал одним из крупнейших представителей «лейтенантской прозы». К числу её авторов также относят Виктора Некрасова, Бориса Васильева, Юрия Бондарева, Григория Бакланова и ряд других советских писателей. Эта проза писалась людьми, прошедши-

Василь Быков в Румынии, 1944 год.

ми Вторую мировую войну в звании младших офицеров, и её главными героями тоже часто становились младшие офицеры. В повестях и рассказах авторы заново переживали свой военный опыт, сосредотачивали своё внимание на вопросах нравственного выбора, стремились показать войну без прикрас.

В своих произведениях Василь Быков раз за разом рассматривал поступки человека, поставленного в нечеловеческие условия войны. Именно в экстремальной ситуации наиболее сильно обнажается сущность человека, становится видно, может ли он побороть страх, проявить мужество, помочь другим или же он оказывается трусом, ничтожеством, подлецом. Сюжеты Быкова и сегодня звучат современно, как притчи о человеческой природе, о сильных и слабых духом. Его стиль лаконичен, но он рисует такие выпуклые, живые картины, что читатель ощущает, словно оказался рядом с его героями. «На фоне всего написанного про войну рассказы, повести, романы Василя Быкова выделяются резко, ярко и живо. Не движение армейских группировок, а движение души. У Быкова война опустошает земли и души, разрушает города и мораль. Человек остаётся один на один с самим собою, и этот бой — самый страшный и тяжёлый», — писала парижская газета «Русская мысль».

В конце 1950-х — начале 1960-х годов написан ряд повестей, в том числе, «Альпийская баллада» (белор. «Альпійская балада», 1963). Известность Быкову принесла повесть «Третья ракета» (белор. «Трэцяя ракета»), которая увидела свет в 1962 году в белорусском журнале «Маладосць». События происходят в Румынии в 1944 году. Немецкое наступление прорвало оборону. Советские войска отступили, и расчёт противотанковых средств оказался отрезан от своих. С помощью 45-мм орудия несколько бойцов пытаются остановить наступление немецких танков. Однако Лёшка Задорожный, прежде казавшийся товарищам смельчаком, решает покинуть позиции и спасти свою жизнь. Атака отбита страшной ценой — один за другим гибнут артиллеристы и помогавшая раненым медсестра, в живых остался всего лишь один

боец. Последней, третьей ракетой он в ярости стреляет из ракетницы в вернувшегося Задорожного.

Военные воспоминания жгли душу, рвались наружу. Быков чувствовал, что должен рассказать о том, что не все, кто воевал, были героями:

Встаёт перед глазами отрядный старшина Клыбов, известный у нас скупердяй и барахольщик, у которого нельзя было выпросить лоскут на заплатку и который возил с собой три воза разных трофеев. Снаряд ударил как раз в повозку, где сидел старшина, и разбросал по кустам всё богатство хозяина вместе с его потрохами. Помню, видел я в госпитале, как хирург оперировал одного солдата и, наверное, около часа ругался. Оказывается, немецкий осколок разбил в кармане этого автоматчика семеро часов, и сотни шестерёнок, осей и пружинок вонзились в бедро. Нет, пусть будет проклято барахло, причиняющее лишние заботы людям! До него ли мне нынче, когда стоит только зажмурить глаза, — и вот они, страшные ко-леи... («Третья ракета»).

Поворотной в судьбе писателя стала публикация повести «Мёртвым не больно» (белор. «Мёртвым не баліць»). Она увидела свет осенью 1965 года в белорусском журнале «Маладосць».

Повесть начинается с того, что рассказчик безуспешно пытается устроиться на ночь в гостиницу. В очереди к стойке он видит человека, чьё лицо внезапно напоминает о военном прошлом. Быков мастерски чередует два временных пласта — улицы белорусского города, по которым бродит приезжий, освещаемые салютом в честь двадцатилетия со дня Победы, и январь 1944 года в Украине, военную операцию по освобождению Кировограда (ныне город Кропивницкий), то время, когда он был девятнадцатилетним младшим лейтенантом. Писатель говорил, что в этой повести наиболее полно рассказал о своём собственном опыте — неслучайно фамилия главного героя Василевич.

В привокзальном ресторане Василевич оказывается за одним столом с человеком, которого он принял в холле гостиницы за безжалостного капитана Сахно, особиста, то есть, военнослужащего Особого отдела — военной контрразведки НКВД. 17 июля 1941 года вышло постановление Государственного комитета обороны, в котором, среди прочего, говорилось: «Главной задачей Особых Отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредствен-

Повесть «Мёртвым не больно», впервые изданная в Беларуси без цензуры в 2014 году.
На обложке рисунок В. Быкова.

но прифронтовой полосе. Дать Особым Отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте». На фронте Сахно боится и ненавидят все, кто с ним сталкивается. Он, как инквизитор, повсюду вынюхивает крамолу, обшаривает пленных немцев в поисках поживы, отдаёт нелепые приказы, угрожает, посылает людей на верную смерть и даже расстреливает советского тяжелораненого бойца.

Незнакомец представляется говорящей фамилией Горбатюк. Похожий на Сахно внешне, он оказывается двойником Сахно и по характеру, возможно, ещё более страшному, чем тот:

— Вот именно — дурак, — добродушно соглашается Горбатюк. — Или вот другой пример. Судили командира танка. Выскочил с экипажем раньше, чем подбили машину. Ударила болванка, ну он и скомандовал: покинуть машину! На суде говорит: экипаж пожалел. Видишь ли, был уверен, что вторым выстрелом его подожгут. «Тигр» стрелял. Поджог действительно. А лейтенант прямо из танка в штрафную загремел.

Горбатюк сладко затягивается сигаретой. Неожиданная догадка заставляет меня вздрогнуть.

— А вы не прокурором были?

Он почему-то оглядывается и прищуривает в дыму один глаз.

— Председателем трибунала.

Мне кажется, я недослышал.

— Чего?

— Военного трибунала, — тихо, но выразительно повторяет Горбатюк ...

— Слушайте, Горбатюк! А не могло так случиться, что кто-нибудь из осуждённых вами сейчас реабилитирован?

Горбатюк делает наивные глаза:

— Ну и что ж! Вполне естественно. Реабилитирован — и с Богом. Я всецело одобряю и поддерживаю.

— А вы не боитесь с таким вот на улице встретиться?

Горбатюк бросает на меня насторожённый взгляд и, кажется, искренне удивляется:

— А чего мне бояться? При чём тут я? Тогда были одни законы, теперь — другие.

Он оглядывает зал и добавляет уже спокойнее: — Да и не встретятся. Ещё не встречались.

— Что, разве всех — к высшей?

— Почему всех? Не всех. Разбирались, — говорит он и засовывает руки в карманы брюк. В глазах его появляется выражение нагловатой самоуверенности, он смотрит на меня почти враждебно. Да, это его успокаивает. Не вернутся. Всё сделано чисто. Всё по правилам оформлено, утверждено. Осуждённые не угрожают, совесть не грызёт. А за всё подлое и противозаконное пусть отвечает Берия.

Но у большинства фронтовиков душевные раны так и не залечились. В своих блужданиях по городу Василевич встречает двух ветеранов, которые пьют спиртное из стаканов, одолженных из автомата с газированной водой:

— Меня интересует мой собутыльник. Насчёт дивизионного, по-видимому, он всё же загнул.

— Не слишком ли высоко?

— Высоко? Думаешь, до дивизии недобрал? Да? А ну, подсчитаем.

Один комплект роты двести человек...

- Смотря какой роты.
- Какой? Штрафной, конечно.
- Штрафной?

Я с новым интересом поглядываю на этого человека. Плечом тот прислоняется к красной обшивке автомата.

— Ну и вот. Двести умножь на двенадцать. Двенадцать раз формировались. Не считая частичных пополнений. Дивизия!

Ну, может и не дивизия, но тоже немало. Я впервые встречаю человека, который на фронте командовал штрафной ротой, и с нескрываемым любопытством гляжу на него ... Водка через край стакана льётся на асфальт. На этот раз они пьют вдвоём и молча. Я понимаю: пора идти. Но Кузьмич, выплеснув остаток спиртного под ноги, поднимает на меня покрасневшие недовольные глаза:

— Что смотришь? Осуждаешь, да? Осуждаешь? Двенадцать на двести, думаешь, где? В земле! Из плена прибежали! Не усидели до конца войны. Вот! Кто сегодня в героях?

Брестская крепость и так далее! А я четверых из Брестской на Сандомирском плацдарме закопал. Вот! Тогда не спрашивали, как в плен попал! Спрашивали, почему не застрелился! Ясно?

Боль и ярость писателя, ненависть к командирам, посылавшим солдат на бесцельную смерть, к мародёрам, к доносчикам-особистам, к прокурорам, приговаривавшим к высшей мере или отправлявшим в штрафбаты солдат, попавших в плен, вылилась в повести «Мёртвым не больно». Мёртвым не больно, а Василию Быкову больно, у него горит и жжёт в груди память о войне. Он рисует портреты командиров, отказывавшихся слушать предупреждения о наступлении немецкой танковой части, и, в итоге, картины хаотичного бегства: «Самая противная и страшная изо всех картин на войне — драп». Скупыми штрихами он создаёт образы фронтовиков, которые своей кровью оплатили победу: «Зло меченные войной, мы и так отлично понимаем друг друга. Я обхожусь без ноги, он — без глаз. Мы — братья одной судьбы». «Его (Быкова — К. Г.) этический долг — рассказать как оно было по правде и тем воскресить людей военной поры, не оболгав их жизнь, боль и смерть», — верно заметил журналист «Немецкой волны» Илья Мильштейн.

В 1966 году повесть опубликовал журнал «Новый мир», который то время редактировал Александр Твардовский. С того момента власти обратили недоброе внимание на Василя Быкова, началась его травля,

которая длилась почти до самой перестройки, а потом возобновилась снова, уже до конца жизни.

27 апреля 1966 года в газете «Правда» вышла разгромная статья В. Севрука, в которой говорилось: «надо сказать прямо и бескомпромиссно (о повести Быкова — К. Г.) как о неудаче автора», «Эта неудача — следствие серьёзных идейно-эстетических просчётов писателя». После разгрома в «Правде» повесть не публиковали двадцать лет. На белорусском языке без цензуры она была впервые издана только в 2014 году.

После статьи Севрука руководители сразу двух отделов ЦК КПСС — Отдела пропаганды и агитации и Отдела культуры — докладывали высшему руководству:

Трагическая судьба группы обрисована на фоне хаоса и сумятицы в наших частях и усугублена преступными действиями руководившего группой капитана «особиста» Сахно. Он наделён в повести чертами злодея, убийцы. Сахно творит суд и расправу над солдатами и офицерами, пристреливает наших раненых ... Повесть призывает к отмищению подобным «особистам» ... Грубое искажение исторической правды привело к тому, что из-под его (Быкова — К. Г.) пера вышло произведение, наносящее серьёзный вред делу воспитания советских людей, особенно молодёжи.

Писателя начали регулярно вызывать на «проработки» в Комитет госбезопасности и обком партии, приглашали в Минск на «профилактические» беседы к зампреда КГБ генералу Русаку. В школы Гродно, где жил тогда писатель, приходили люди в штатском и рассказывали ученикам (в том числе, в той школе, где учился младший сын писателя), что Быков — пособник немецких реваншистов. В результате жену писателя, учительницу, со словами «Жена врага народа!» ученики забросали помидорами. Неизвестные швыряли в окна квартиры Быковых камни.

Вслед за статьёй в «Правде» появилась обличительная публикация в газете «Советская Белоруссия». Статья «Вопреки правде жизни» была напечатана без подписи, что в то время означало позицию ЦК Белоруссии: «Как случилось, что в Союзе писателей БССР и его литературных изданиях столь долго не замечали, что В. Быков постепенно начинает отходить от жизненной правды, односторонне, а порой искажённо отображать историю Отечественной войны, что, естественно, не способствует воспитанию у народа любви и уважения к Советской Армии, оскорбляет лучшие патриотические чувства наших людей?».

К счастью, нашлись коллеги по литературному цеху, которые проявили смелость и встали на сторону автора. Молодые поэты Геннадий Буравкин и Анатолий Вертинский написали письмо в ЦК КПБ в поддержку автора. Письмо подписали 53 белорусских писателя.

За настроениями в среде белорусской интеллигенции внимательно наблюдали в КГБ. Председатель Комитета Государственной безопасности В. Семичастный писал в докладной записке: «Резкое размежевание мнений было вызвано редакционной статьёй газеты „Советская Белоруссия“ „Вопреки правде жизни“ о творчестве В. Быкова и особенно данной в ней оценкой указанной повести. Ряд писателей старшего поколения одобряет критику газеты в адрес В. Быкова. По мнению А. Алешко, „Быков зарвался, хотел удивить всех и подчеркнуть, что он особый писатель и пишет так, как ему вздумается. Кто был на войне, таких явлений, которые показаны в повести, не встречал“. Некоторые белорусские писатели открыто стали на защиту В. Быкова, считая, что газета „Советская Белоруссия“ выступила необъективно ... Некоторыми писателями предпринимаются конкретные шаги с тем, чтобы публично, на страницах печати выступить в защиту В. Быкова».

В конце 1960-х годов в «Советской Белоруссии» было опубликовано письмо генералов, обрушившихся на произведения Быкова за то, что в них якобы принижается героизм советских людей. Быков даже проходил тогда по делу о «клеветнических измышлениях группы белорусских литераторов против подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны».

Несмотря на критику в прессе и давление со стороны КГБ, в следующие десятилетия Василь Владимирович продолжает много и плодотворно работать. В 1970-е годы увидели свет военные повести «Сотников» (белор. «Сотнікаў», 1970), «Обелиск» (белор. «Абеліск», 1971), «Дожить до рассвета» (белор. «Дажыць да світання», 1972), «Волчья стая» (белор. «Воўчая зграя», 1975), «Пойти и не вернуться» (белор. «Пайсці і не вярнуцца», 1978), в 1980-е «Знак беды» (белор. «Знак бяды», 1982), «Карьер» (белор. «Кар’ер», 1985) и другие произведения. В 1998 году изданы повести на темы современности: «Афганец», про человека, прошедшего войну в Афганистане, и «Волчья яма» (белор. «Ваўчыная яма»), герой которой, призванный на военную службу, сбежал из расположения своей воинской части из-за издевательств старослужащих «дедов» и скрывается в лесу чернобыльской зоны. По книгам Быкова снимают фильмы, среди них выдающаяся картина режиссёра Ларисы

Василь Быков на недатированной фотографии.

Шепитько «Восхождение» (1976) по повести «Сотников», его произведения награждаются государственными премиями, в 1989-м он был избран народным депутатом СССР.

В годы перестройки и гласности Быков посвятил себя делу огромной важности: он стал одним из учредителей Белорусского народного фронта и возглавил «Мартиролог Беларуси» — общество, занимавшееся реабилитацией жертв сталинских репрессий. В 1988 году входил в состав Государственной комиссии по расследованию советских преступлений в Куропатах,

лесном урочище под Минском, где были обнаружены массовые захоронения людей, расстрелянных сотрудниками НКВД в 1937–1940 годах.

Журналист «Немецкой волны» Владимир Дорохов писал: «Середина 90-х как будто вернула Василя Быкова назад в советские времена. Последние годы он не мог жить на родине. Как рассказывают друзья, писателю было невыносимо находиться в атмосфере, установившейся в стране после прихода к власти Александра Лукашенко. Широкая травля в государственной прессе, запрет цензуры на выход его новых произведений, ухудшающееся на этой почве здоровье заставили Быкова покинуть Белоруссию. Несколько последних лет он жил за границей. Сначала в Финляндии, потом в Германии. В декабре 2002 года писатель переехал на постоянное жительство в Чехию. В решении проблемы переезда Быкова в Чехию активное участие принимал президент Гавел».

Близкий друг Быкова белорусский поэт Рыгор Бородулин подчёркивал: «Последние годы он был вынужден писать свои исповеди практически в изгнании. Быков заслужил право на спокойную жизнь дома, но дома для него не нашлось места».

Василь Владимирович возвратился в Беларусь неизлечимо больной за месяц до смерти, чтобы быть похороненным в родной земле. Автор, всю жизнь писавший о войне, ушёл из жизни 22 июня 2003 года, в годовщину гитлеровского вторжения в СССР.

Быков знал, что освобождение своей земли от оккупантов — это героическое усилие всего народа, что в войне нет ничего романтического, а есть кровь и пот, голод и холод, насилие, грабежи, депортации, разрушенное физическое и психическое здоровье, потеря близких и смерть. «Говорить неправду о войне — не только аморально, но и преступно как в отношении миллионов её жертв, так и в отношении будущего», — предупреждал Быков. К сожалению, люди, бредящие войной, упивающиеся мечтами о лёгких победах и о захвате чужих земель, не прислушиваются к предупреждениям историков и писателей. Перечитывая военную прозу Быкова сейчас, в первую очередь думаешь не о Второй мировой, а о полномасштабной войне, развязанной Россией против Украины. Оккупанты лицемерно объявили себя «освободителями» и «братьями» украинцев, чью страну они разрушают. Хорошо, что Быкову не довелось этого увидеть. Восемьдесят лет назад мир противостоял фашизму, сегодня помогает Украине противостоять российскому вторжению. Военная проза Быкова напоминает о том, какой кровавой ценой достаётся победа добра над злом.

ОБ АВТОРЕ

Ксения Гамарник родилась в Киеве. Окончила художественное училище и Киевский национальный университет театра, кино и телевидения (факультет театроведения).

С 1994 года живёт в Филадельфии.

Публиковалась в украинских, американских и канадских периодических изданиях: в журналах «Український театр», «Сучасність», «Ренессанс», «Побережжє», «Русские евреи в Америке», «Зеркало», украинских и американских газетах. Автор книги «Влюблённые в театр» (2014), написанной в соавторстве с литературоведом Ириной Панченко.

Постоянный автор журнала «Времена».

Валерий СЛУЦКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Памяти Анатолия Добровича

Ушёл меня считавший братом.
Но притерпевшийся к поре,
Когда умом готов к утратам,
Привыкну ль к двум на камне датам,
Где жизнь означена «тире».

В сём знаке сомкнутые губы
Молчат о вычтенной судьбе.
И что доверил лишь ему бы,
Скажу единственно себе.

Я не солгал ни полусловом
В незавершившемся «тогда»,
Делясь за рюмкой смыслом новым,
Который застит мне беда.

Брат, если смысл не по заказу —
Боль не советчица уму.
Нам уходить по одному
Туда, где вместе все и сразу.

* * *

Не возразишь. Реальность налицо,
 В какой очнётся, жизнь прожив, не просто.
 «Приехал, друг. Конечная. Кольцо. —
 По новой входят. — Эй! к скамье прирос ты?»

Любой финал помыслить впереди
 Я мог в гипотетическом обзоре:
 Несовместимость с постуком в груди
 Шальной беды равно внезапной хвори,

Всё, кроме испытанья: одному
 Из ставшего привычным, вроде дома,
 Пространства жизни двигаться во тьму
 И холод отворённого проёма.

Поверх сомнений, вер, альтернатив
 Нужде неотменимости отвечу,
 Как в Гефсиманском, ясность совместив:
 «Нельзя не быть» и слабость человечью.

* * *

В пространстве, именуемом квартирой,
 Смирившись (засиделся допоздна)
 С отмашкой стрелок, дескать, репетируй
 Из бренного уход посредством сна,

Не быть не можешь, сгинуть, прекратиться,
 Хоть явь на сон, хоть сон на явь сменя.
 Я непрерывен (слово очевидца).
 Как мир возможен: мной, но — без меня?

* * *

Точно в зеркале заднего вида,
Что вверху ветрового стекла
Удаляется, дымкой овита,
Перспектива, что встречной была.

Пусть не истины, но равновесья
Мне момент предлагает ничью.
В точке жизни, зовущейся «здесь я»,
Примирительно виски налью.

Есть как есть. Не избыть кровоточин,
Что в душе именами кровят,
Мир которой любовью упрочен,
Обнят словом и женщиной свят.

* * *

Девочка моя, двенадцать лет
Дню переменившегося мира,
Новому сознанию: деда, дед,
Дедушка, чьё будущее — Кира.

Будущее понятого мной,
Знаемого, чаемого. Ты ли
Возвратишься матерью, женой
В памятную даль, где вместе были.

В доме за столом (которых нет)
Усажу напротив (шоко, бисли)
Понятый тобой уже не дед —
Собеседник твой и спутник мысли.

Приберём, расставим по местам
Смыслы, что покуда разделить я
Не могу с тобой, а только там
С долгожданной в доме всегдабытья.

* * *

Монстр берёзовый с хваткой вампира,
За каким по чинам упыри,
Без которого, якобы, сирот
И которого ради умри.

Покидая места дорогие,
Хлеб не с теми, с кем рос, преломив,
Понял явственно: нет ностальгии,
Ложь — «Отечество», «Родина» — миф.

Пусть не всюду как ждалось встречали,
Где скитания ни заверши,
Что любил — достоянье печали,
Грусть о бывшем — пространство души.

Вне угроз, вопреки укоризне
Здесь пристанище, мир твой, земля,
Озарённая святостью жизни —
Быть, бессмертность с другим разделя.

* * *

Оглянешься на жизнь — в сухом остатке:
Семья потомка, дерево и дом,
Следы вранья, с каким опоры шатки,
И угрызенья, коими едом.

Осада, отчуждённость и обида —
Итог труда, затеянного зря.
И в сейфе (до конца договора)
Чернеет оком ангел суицида.

Унынием застигнутый врасплох,
На сказанное сам себе отвечу
Прощением из ясности как Бог,
В себе познавший слабость человечью.

* * *

Когда в свой адрес слышу: «Ты опора»,
Неловкость скрыв, доверию кивну
С сознанием непойманного вора,
Скрывающего (вынужден) вину.

Что я могу? Лишь поддержать обманом
Иллюзию, потупясь от стыда.
Бессилен званый ближним, с кем одна нам
Маячит участь с разницей «когда».

Облаткой сострадания («мне плохо»),
Запитой заверением в любви,
Кого спасёшь, равно, посредством вздохо-
Участия по типу «селяви»?

И принимая помощь человечью,
Которой цену знаю изнутри:
«В чём смысл, — спрошу, — нужды в ней»? И ответчу:
«По разуму. Твой выбор. Сам смотри».

* * *

Не внимая на пачке совету,
Не предвидя в спиртном колею,
Встречу день, раскурив сигарету,
И, прощаясь с ним, виски налью.

Благодарность ли, радость, слезу им
Пожинать, обстоятельствам дня.
Предсказуемо-непредсказуем
Мир и виды его на меня.

Жизнь, творящая мною меня же,
Осчастливит иль втянет в беду,
Предпочтёт исполнение блажи,
Отодвинув ответ на нужду.

От мольбы, волевого нажима
Не зависит исход и итог,
Где реальность, тобою творима,
Вроде щепки, что бросил в поток.

* * *

Спроси меня: чем мучаешься, друг?
Отвечу не таясь, смущён вопросом,
Мол, то, что должен, делать недосуг,
К досужему повёрнут с перекосом.

— А должен что? — Заделать там и сям
Пробоины и выбоины быта,
В бюджете шестерни вернуть осям,
Закреть согласованьем где открыто.

— А что с досужим? — Нет очередей,
Равно предмета для ажиотажа.
Страдаю неликвидностью идей,
Залётного порой обескуража.

Но не был спрошен, не было кому
Ответить от себя, не по науке:
«В бесспорном не указчик я уму,
Судить тебе, я умываю руки».

* * *

Спасибо, доктор, с вами интервью,
Означив точку, взгляд переменяло
На жизнь, ещё не бывшую мою
И ту, от коей, бывшей, отстою
На шум (пластинка памяти) винила.

Есть мера: на цепочке поднят вес,
И маятник под ходиками сердца
Отсчитывает спуск. Неважно, без
Кушшки или с ней... Открылась дверца...

Какой — кому у тиканья запас
По счёту звеньев с гирькою цепочки.
Биенья исчерпаются у вас,
Когда она дойдёт до крайней точки.

Тогда, без связи, молод или стар,
Не по сознанию: молодо иль старо,
Объятаям помешает не удар,
А то, что не хватило им удара.

* * *

К ремонту мира нас зовёт Каббала,
С каким Мессия справится. Вперёд!
Прибьёт, протрёт, поднимет что упало.
Пытались мы. Теперь его черёд.

Покуда с подходящим инструментом
До нас идти латателю прорех,
Любовь моя, воспользуйся моментом.
Не починить свою реальность — грех.

Пока в наружном мире всё как было,
 Во внутреннем, а именно — души,
 Заделай бреши, выровняй стропила,
 С чего начать, любовь моя, реши.

Наполни чувством чаянье, где поло,
 По ходу укрепляя что слабей.
 Учти, имея в плане, нужды пола,
 И удовлетворить сии успеи.

Починим наше. Внешнее — Каббале,
 С каким пусть разбирается сама.
 Нам — в срок, а там ещё не приступали,
 Где времени раскачиваться — тьма.

* * *

Я прошу: «Обещай»... «Обещаю». Хоть ясно обоим:
 За пределом возможного необещаем ответ.
 Невозможным при сём как возможным себя успокоим,
 Выражая нужду, для какой исполнения нет.

В обещаньях на просьбы «всегда», «навсегда», «никогда не...»
 То ли правда порыва, какой пересилена ложь,
 То ли чаянье, коим провидится непокиданье,
 То ли это молитва — что прошено, то обретёшь.

«Обещай-обещаю» поверх, вопреки и помимо,
 Обнадёжь невозможным, в каком пересиленность лжи.
 Что нельзя обратить, за пределом своим обратимо,
 Запредельною правдой своё обещанье сдержи.

* * *

Финал спектакля. В зале задержись.
Того, чему внимал, увидишь цену.
Открывшись, завершает пьесу «Жизнь»
Реальность, разбирающая сцену.

Под мышкой уносимы дом и сад —
Объёмность, уплощившаяся сбоку.
Подсобные снуют вперёд-назад —
К мостку и лодку двигавшему блоку.

И пусть в пустом увидится не ложь:
Запудрила, открылась, доконала...
Но, грусти не поддавшись, возрастёшь
Осмысливший в единстве два финала.

* * *

Призрак, ускользает существо
Понятия «свобода», прячась в слово,
Поскольку от чего-то одного
Свобода — несвобода от другого.

Не в помощь парадокс: «свобода» от
«Свободы-де свободна», — те же пути,
Где гелием логических красот
Наполнены слова, а смыслом сдуты.

Желаемым манит к себе предмет.
С проводником иль сам, решившись, следуй.
«Свобода» — выбор, — видится ответ,
Но вновь отвергнут смыслом-привередой.

Возможность выбрать определена
 Резоном надоб. Выглядя правдиво,
 Твоя «свобода» — видимость одна,
 Что на поверку рабство у мотива.

А смыслу только смысл необходим.
 Любые усмотрения отлуца,
 Провидит суть не там, куда глядим.
 «Свобода» лишь смотрящему присуща.

Не слышится мозгам благая весть,
 Буквальностью трубя, гремя, звеня им:
 «Свобода» и обнявший всё «Я есть» —
 Одно и то же. Поиск отменяем.

* * *

Жизнь как путешествие. Куда?..
 Движешься на встречу с кем? к кому?
 В даль, что именуется «года»,
 Глядя сквозь завесу, дымку, тьму.

Сквозь завесу разумных рутин,
 Дымку состояний и страстей,
 Тьму как безответность: «ты один».
 Спорь, мирись, бездельничай, радей.

Дар прозреть: не путь, не счётчик лет,
 Жизнь — незатворимое окно.
 Опыта «не быть» буквально нет.
 Я и мир как благо быть — одно.

Нет в резервуаре бытия
 В «не существовать» провалов, дыр.
 Но (одно и то же) — мир и Я,
 Сущий, существующий как мир.

* * *

Как помнишь, помни, знай, как знаешь, лишь
Без мемуаров или в этом роде.
Каким отца «он был» ни наделишь,
Ко мне имеет, как прогноз — к погоде.

Твоим смотреньем, сын мой, чудачком
Согласен быть, записан в астронавты.
Хотя с таким собой я не знаком,
Но в виденье твоём, возможно, прав ты.

Столь кратко достоверное «сейчас»,
Несомое без пауз и простоя
Оглядкой в неотвеченное: что я
Поверх усугублений и прикрас?

Пусть в памяти такой или другой,
Чудачества, падения, заслуги
Оставим до реальности, в какой
Надёжное узнаем друг о друге.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Слуцкий родился в 1954 году. Жил в Ленинграде. Окончил ЛГПИ им. Герцена. Участник сборника «Круг» (1985). В 1988–1990 годах заведовал отделом поэзии журнала «ВЕК» («Вестник еврейской культуры»). Репатрицировался в 1990 году.

Автор сборников «Стихотворения 1970–1977» (2002), «Оттіа» (1993), «Новый век» (2002), сборника переводов «Из еврейской поэзии XX века» (2001), а также книг стихов и эссе «Азы достоверного смысла» (2005), «Школа стихотворения» (2009), философских эссе «Третья определённая» (2006). Участник сборника «Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли» (Бостон, 2018).

Живёт в Израиле.

Михаил ГОНЧАРОК

ИЗ ЗАПИСОК АРХИВАРИУСА

ЛИЧНОЕ ПИСЬМО

На протяжении двух с половиной часов мучаюсь над документом, подлежащим каталогизации. Сижу, кряхчу, верчу, переворачиваю. Нюхаю. Три листа пожелтевшей линованной бумаги, с розовыми голубками и сердечком вензелем. СПб, 9.09.1904. Корреспонденка Анна Вай... (фамилия неразборчива) пишет главному редактору петербургского литературного журнала «Рассвет». На конверте наискось: *«Строго лично!! Редактору в собственные руки»*.

В пятисотый раз перечитываю, щурю глаза, бормочу текст себе под нос. Не понимаю витиеватого дореволюционного почерка с завитушками и ятями — хоть плачь.

«Многоуважаемый Л. Б., милостивый государь! Вот уже больше 2-х недель, как моя киска (киса? пися?) находится в Вашем полном распоряжении, но реакции на оную я не прочувствовала до сих пор; Вы можете представить моё нетерпение и беспокойство...»

Ай да Анна Вай.

Сначала автоматически пытаюсь внести письмо в компьютер в раздел «Интимная переписка» (в программе есть такой раздел). Потом одолевают сомнения. Звоню на пятый этаж, зову на помощь феминистку Рашель. Она, хоть сама и из Кейптауна, но дедуля у неё в своё время был маститым писателем из Литвы и обучил внучку сносному литературному русскому, который он полагал приятным дополнением к русской же ненормативной лексике. Именно русский мат литовский дедуля считал непревзойдённой вершиной языка. Вследствие этого, с детства англоязычная Рашель, пытаясь разговаривать на русском, выдаёт странный смешанный жаргон, от которого некоторые шара-

хаются. Она искренне полагает мешанину из романов Достоевского и надписей на заборах официальным языком, принятым в приличном обществе.

Тычу пальцем в экран.

— Рашель, посмотри. Это — письмо на русском. Как ты прочтёшь это слово? Странное какое слово... неужели сто лет назад *так* изъяснялись тоже? Я думаю, это... писька? Киска? Пусси, что ли?..

Нацепляет очки, склоняется над моим монитором. Старательно читает про себя, шевелит губами. Через минуту поднимает на меня ледяной взгляд. Цедит сквозь зубы:

— Я всегда утверждала, что ты — обыкновенный мужской шовинист. Какая ещё *пусси*, когда ясно, что этот вонючий шовинист-редактор удерживает у себя домашнее животное, принадлежащее этой несчастной! И, скорее всего, издевается над ней!

— Над кем?!

— Над кошкой! Тут же яснее ясного написано: «моя киса»! Не «киска», шовинист ты, а — «киса». Ты ни о чём ином думать не можешь, а речь в оригинале идёт о кошке. Это — издевательство над домашним беспомощным животным, вот что! Надеюсь, этого скота-редактора посадили в том же году.

Тут я вспоминаю, что Рашель — не только феминистка, но и идейная вегетарианка, зампреда местного Радикального общества защиты и покровительства животным, и понимаю, что позвал её на помощь в недобрый час, но остановиться уже не могу. Так или иначе, мне нужно закаталогизировать документ. И я выражаю вслух сомнение, что в начале прошлого века борьба гринписовцев приобрела такие абсурдные формы, как сейчас. В подтверждение я тычу рукой в дату письма.

— Рашель, я не понимаю всё же, в какую графу мне его занести. Я хотел в «Интимные письма авторов»; но, если речь идёт о кошке, то я вообще никуда его занести не могу: графы «Переписка о домашних животных» в программе нет...

— Нет? Значит, её нужно внести в программу, вот и всё! Я поговорю с директором и программистами. Они меня боятся и не откажут. О тебе, кстати, тоже нужно было бы поднять вопрос на учёном совете. Уверена — мне не откажут и в этом.

Я заискивающе улыбаюсь, бесцельно перебирая страницы неприличного письма.

Фыркнув как разъярённая пантера, она удаляется, хлопнув дверью.

Из коридора раздаётся грохот. С приставной лестницы падает новый репатриант господин Николая. Николай Петрович, для меня просто дядя Коля, родом из Оренбурга, бывший доцент русской словесности, подрабатывающий у нас дважды в неделю маляром и техником-на-все-руки. Я — единственный, кто с ним разговаривает на русском, и он благоволит ко мне. С лестницы сегодня дядя Коля падает уже в четвёртый раз. Услышав знакомое «Бляяяя!!..», я понимаю, кто мне действительно нужен, и выскакиваю из кабинета.

Из коридора доносится густой, как взбитые сливки, дух перегорелого бренди. Дядя Коля грузно ворочается на полу со всеми своими ведрами и кистями. Я помогаю встать пост-доценту.

— Дядя Коля, зайдите ко мне, пожалуйста... Мне очень, очень нужна ваша помощь. Там слово непонятное... в старом письме. То ли «киска», то ли «писька». Поглядите... очень нужно.

Дядя Коля бормочет что-то про *мандаты*. Пошатываясь и матюгаясь сквозь зубы, он подходит к монитору и, снимая очки, впивается взглядом в экран.

Я сажусь в своё кресло и, пригорюнясь, подпираю рукой голову.

...Оглушительный рёв разъярённого быка подбрасывает меня в воздух. Дядя Коля в восторге колотит по столу пудовым волосатым кулаком и тычет пальцем в экран:

— ГЫ-ГЫ-ГЫ-ГЫ-ГЫ-ГЫ-ЫЫЫЫЫ!!!! Пися! Кися! Мандаты-ыыыыы!!!!

Отдышавшись, он тихо читает текст спокойным, интеллигентным голосом. Маляр исчезает, рядом со мной находится доцент-филолог.

*«Многоуважаемый Л.Б! Милостивый государь! Вот уже больше 2-х недель, как моя **пiеса** находится в Вашем полном распоряжении, но реакции на оную я не прочувствовала до сих пор; Вы можете представить моё нетерпение и беспокойство...»*

Пiеса.

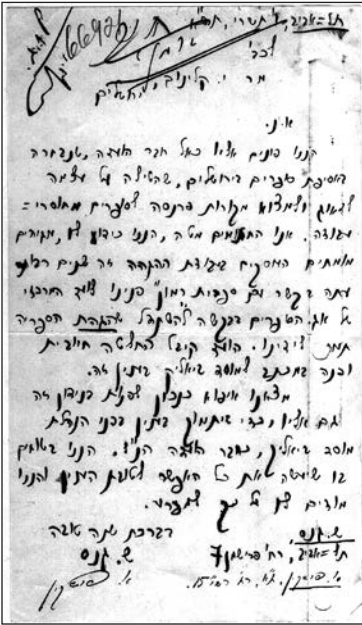
ПЬЕСА.

Чёрт бы побрал неразборчивые дореволюционные почерки с дореформенной орфографией.

06.02.2006

МЫ, НИЖЕПОДПИСАВШИЕСЯ...

День Вав осеннего месяца Тишрей, год ТаШа, Тав, Шин, Алеф по библейскому календарю — это будет, если немножечко не ошибаюсь, 9 октября 1940 г.

Два участника Союза ивритских писателей из Тель-Авива написали Исаяе Клинову, крупному административному работнику предвоенного Сохнута, письмо, в котором жаловались на тяготы писательской жизни и трудности в добывании пропитания. Верхняя фамилия — так, ничего особенного, некто Ш.Ганс. Идентифицировал его с Семёном-Шимоном Ганом, малоизвестным публицистом и газетчиком времён Второй алии. Ну, жалуется. «Как же так? Ведь решением писательского собрания в Иерусалиме давно решено, что положено только нам... А нам не дают». Но вот вторая, нижняя подпись. Сперва прочёл как А. Фошкин. Не знаю такого писателя. «Нет, не знаю. Нет та-

кого помещика». Потом вижу — не Фошкин, а Пушкин. Огласовок-то нет. А. Пушкин жалуется на недокорм и скандалит. Ай да арап Петра Великого.

Полез в энциклопедии и лексиконы. Нет такого писателя. Но адрес в письме указан. А. Пушкин, Тель-Авив, ул. Раши, д. 15. Адрес есть, а писателя нет. Позвонил в архив тель-авивской мэрии, перекинулся парой комплиментов с Эстер-Либой. Когда-то она была счастлива узнать, что носит имя трагической героини романа Иццокаса Мераса. Романа она не читала, про Мераса ничего не слышала, и откуда ей знать, если ни по-русски, ни по-литовски не читает; наша Эстер-Либа — из американских негров, из общины преподобного Джонсона в Кентукки, перекрестившихся в чёрных иудеев. Ну, неважно. Эстер-Либа, выручай, ищи по спискам А. Пушкина, проживавшего 70 лет назад по адресу: ул. Раши, дом 15. Нашла!

Был такой тель-авивский житель, Александр Пушкин, член Союза ивритских писателей. Ай да Пушкин, ай да сукин сын. И знаете что? Он таки оказался ещё и Сергеевичем.

Элишевы находится рядом с могилой её подруги, поэтессы Рахели, умершей от туберкулёза, на берегу озера Киннерет.

Из груды неразобранных бумаг, восемьдесят лет лежащих в архиве, извлёк до сих пор незакаталогизированное письмо Элишевы. 31 мая 1935 года она пишет Моше Гордону, директору иерусалимского книгоиздательства имени Бялика (вот и ещё два россиянина), что просит предоставить ей хоть какую-нибудь работу — не говоря худого слова, она умирает с голоду.

Следует вежливый отказ.

Говорят — как можно выучить эти закорючки? Можно. И даже стать классиком.

Даю сигнатуру S83/212. В архив.

05.08.2012

ИЗ АРХИВА МЕНАХЕМА УСЫШКИНА

«Его высокоблагородию Главарю, нашему уполномоченному по Екатеринославской губернии — с пламенным революционным приветом от Абраши-координатора по Луганскому уезду, село Большие Гепатиты. В знак низжайшего почтения в ночь на праздничный день первого мая от имени нессанкционированной вами но состоявшейся сходки товарищей позвольте передать вам этот сонник».

Авторская орфография сохранена.

И вот он, этот сонник. Хватаю и сразу открываю его на пятой странице: *«ежели вы храпите, то вы весьма сердиты и обижены».*

И ещё раз та же подпись: «Абраша, село Большие Гепатиты, 01.05.1901. Во имя полунощной сходки на старой мельнице».

Господи, помилуй! Даже меня наводит на самые искренние размышления о заговоре сионских мудрецов. Во время полуночных бдений на чёртовой мельнице в селе Большие Гепатиты.

И ведь этот бред — тоже исторический документ и подлежит каталогизации. И мы даём этому письму и прилагаемому соннику официальную сигнатуру: A24/658/78.

09.03.2008

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

4 того Марта 1925

Г-осподину Директору Палестинской Телеграфни

М.Г.

Я ниже по-дписавши уже ест 7 месяцев съ смейством приехал сиуда и ходил за какой небудь дело или служ-ба но с жаленю не ношёл и у меня семя болшая которая тепер не могу кормить их и с жаленю у меня нет такая б-олшая сума что бы занимат с какой не буд делом что бы можно было кормит своего семя и я умею ниже писавших языка

Русски писат и читат как нужно

Еврейски — ** —

Фарсидски значит персидски как нужно

Английски писат и читат

Французски — ** —

Арабски — ** —

И припомощи этого не хотел обежать вас с своего несласти и поэтому прошу покорнейши от вашего высокого благородю что бы примемат меня под вашего добротности дат мне какой не буд службу или поругание чтобы моя кормит своего семя с вашего доброго романса надею исполнит моего просбу что бы жит с ней.

Два слова о себе. Пренемал участие в басмач-бойнях в Коканде и у Каспи помагал красным бит басмач-алеманов бандыта Абдулла спасал его гарем-жон у меня были руские друзья одиного звали Сухав своими руками задушил три басмач у меня заслуги

Ожидаю от вета с ниже писавши

Джавдет Р. Ха-Хамов

mea shearim Jerusalem

Palestine

* * *

Долго, долго сидел в полной прострации, подперев щеку рукою. Зачем ты убил моих людей, Саид? Не ищи Джавдета в Сухом ручье, его там нет. Он уже в Меа Шеарим.

Как много нам открытий чудных.

Так, всё. Каталогизирую это письмо. Даю сигнатуру J 95/86. В архив.

23.05.2013

К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

...В графе «пол» положено отмечать галочкой буквы «з.» и «н.», т.е. «самец» или «самка».

*(Из пособия об устройстве на работу
для новых репатриантов)*

Раз в году всем сотрудникам положено проверить их личные данные, занесённые на сайт Управления, предназначенный для внутреннего пользования. Может, в течение года что-нибудь изменилось? Кто-то у кого-то родился, кто-то ушёл от жены, от кого-то жена ушла сама. Телефон изменился или домашний адрес. Умерла любимая теща. Может, кто поменял специальность? Стал профессором или разжалован в доценты. Всё, всё нужно проверить и при необходимости внести исправления. Я всегда затруднялся с этой проверкой — там непонятно куда тыкать, и вообще всё непонятно. Непонятно даже где я — и где директор.

Однажды, когда я был ещё молодым и неопытным сотрудником, то залез в персональное дело председателя Управления по кличке Натан-Толик и исправил там всё в соответствии с реальным положением дел. То есть я не знал, что исправляю его страничку. Я только удивился, почему на размытой фотографии у меня плешь. Я искренне написал, что у меня умерла теща, что родилась дочка, потом — что я получил статус писателя, и что у меня вышла пятая книжка. На следующий день всё Управление шепталось: ай да Толик! Тёщу похоронил, ополоумел от счастья, никому ничего даже не сказал, прижил младенца на стороне, и это в шестьдесят пять лет, да ещё и писателем заделался. А ещё министр! А ещё депутат кнессета! Ай да Толик.

Мне позвонили через два дня из отдела безопасности и сказали, что мои политические взгляды всем известны, но это не даёт мне права... и так далее. С тех пор я внимательно слежу за собственной страничкой на нашем сайте. Правда, я всё равно никогда не вчитывался, что

там написано, я только поместил туда свою фотографию, сделанную лет пятнадцать назад в городе праотцов Хеврон, куда наша контора выезжала в полном составе на экскурсию. По сути, теперь это арабский город, арабов там живёт тысяч сто пятьдесят, а наших — человек пятьсот только. У меня была тогда длинная борода, и на улице меня время от времени принимали за ваххабита.

Экскурсоводом у нас была Алла из отдела пропаганды. Она хороший экскурсовод, но я немедленно потерялся. Все отправились в Пещеру праотцов, она называется на иврите Маарат а-Махпела. Там похоронены Адам с Евой, Авраам с Саррой и ещё куча народа. Пещера — направо, но я, как всегда, зачем-то пошёл налево. Я ходил по городу и зывал: «Алла! Алла!» Встречные арабы уважительно кланялись. Они принимали меня за паломника. Моя борода торчала, как у террориста-камикадзе. Трижды я наткнулся на военные патрули. У меня требовали документы, я их предъявлял, и меня пропускали, принимая, видимо, за агента службы безопасности, охотящегося за потенциальными террористами. Лишних вопросов мне не задавали.

Наконец, офицер третьего патруля, в ответ на мой риторический вопрос, где же Алла, мрачно сказал, что — везде. Налево или направо, или взад? — плачущим голосом спросил я. Судя по твоей бороде, тебе нужно взад, — сказал он, и я, не поняв, что он имел в виду, послушно повернул назад.

Через минуту я вышел на рыночную площадь, где сновали толпы. На краю площади я увидел памятный знак — камень, на котором была выбита надпись, что здесь находился дом, в котором жила еврейская община, вырезанная горожанами в 1929 году. Аллы здесь не было. Я плюнул и пошёл в сторону. Торговцы у зеленных рядов решили, что я плюнул, прочтя, как правоверные изгнали из города неверных, и стали бурно выражать мне свою поддержку: они хлопали в мозолистые ладони, подносили мне турецкий кофе и гладили мою бороду. Я лепетал: «Алла!.. Алла!..» Это воодушевляло их ещё больше. Мой плохой арабский их не удивлял — меня принимали за почтенного мусульманина-иностранца, скорее всего, неопфита.

Чтобы от меня отвязались, я согласился с тем, что я татарин. Подумать только, какой богобоязненный мужчина, прибыл из дикой страны северной, не испугался сионистских патрулей и плюнул на этот камень, мы и то такое можем позволить себе лишь по ночам, правда, Ибрагим? — сказал носильщик с лицом как лезвие топора. Ибрагим был согласен. Как зовут твоего уважаемого отца? — почтительно спро-

сил меня кто-то. Я ответил, что зовут его Марк; они решили, что это отменная шутка. Меня взяли под руки и отвели на другой конец площади. Там проходил митинг — судя по всему, какой-то террористической организации.

Толпа народа хлопала в ладоши и вопила. Алла! — взывал я. Мой голос тонул в общем рёве — вокруг все, стараясь помочь мне, взывали к Алле, но называли её фамилию почему-то неправильно — Ахбар. Я пытался спорить и утверждал, что её фамилия — Прайсман. Сперва окружающие пытались спорить, потом решили, что я еретик, и благожелательное настроение присутствующих изменилось мгновенно, — они пришли в бешенство.

В последний момент какой-то старик в платье, свидетельствующем о принадлежности к мистическому ордену суфиев, выхватил меня из толпы и, завопив «табууууууу!», увлёк меня в проулок. Там он рванул себя за бороду, как старик Хоттабыч, она слетела, и он оказался совсем молодым парнем.

— Тебе что, жить надоело? — спросил он меня на прекрасном иврите безо всякого акцента. Я ответил, что никак нет. Его трансформация внушала мне робость. Я как будто стоял перед офицером советской армии. Я отвечал по уставу.

— Каких, однако, идиотов посылают работать!.. — вздохнул он. — Новичок?

Я кивнул. Действительно, в этом святом городе я был сущим новичком.

— Закурим, — предложил мне парень, и мы закурили. По площади и переулкам поплыл сладковатый дурмящий запах. У меня слегка зазвенело в ушах.

— Ты из какого отдела? — спросил меня он, и я ответил, что работаю в архиве.

— У них что — нет оперативников, чтобы сюда архивных работников присылать? — изумился он. Постепенно я сообразил, что это переодетый полицейский агент. Когда он наконец понял, кто такой я, то выпучил глаза и сказал, что мне очень повезло, что он оказался рядом. Я поблагодарил его.

— Это случайно, — сказал он, — ну, раз так, то давай, я отведу тебя... куда тебя отвести? — я сказал, что мне нужно к Алле.

— Все там будем, — сказал парень. Мы пошли по городу, благоразумно обогнув рынок, взывая к Алле. Попадавшие навстречу умиленно кивали и трогали свои бороды руками.

— Тебя сперва только борода спасла, — сказал мой новый знакомый, и я стал машинально поглаживать её. Через пять минут я оказался у Пещеры праотцов и был сдан с рук на руки перепуганной, плачущей Алле. Она была уверена, что меня зарезали или похитили. Толпа сотрудников окружила меня. Мне тянули руки, души, папиросы. Я только трогал бороду и растроганно бормотал — Алла, Алла... Тут меня и сфотографировали, и именно эту фотографию впоследствии я поместил на свою страничку нашего сайта. Вернувшись домой, я сбрил бороду.

И вот, получив ныне указание Управления проверить мои личные данные на сайте, я открыл свою страничку и впервые за двадцать с лишним лет как следует вчитался в то, что там было написано. Надо сказать, что в первый раз я заполнял данные через полгода после приезда в страну, диктуя секретарше то, что мог ей объяснить на моём слабом тогда ещё иврите. Боюсь, она с трудом понимала меня. Чтобы скрыть смущение и показать, что я парень с тем же отсутствием комплексов, как и уроженцы страны, я старался говорить несколько развязно. Я рассказал ей, что с детства ненавижу математику и люблю малые северные народы, например, эскимосов, что учил иврит в подполье, что у меня в прежней жизни было много друзей, с которыми перед отъездом я был вынужден, к сожалению, расстаться, что я вообще симпатизирую женщинам, и что даже официально был женат, по крайней мере, дважды. Она старательно внесла эти данные в компьютер. Только теперь я всмотрелся в эти строки. Это было дивно. Там было написано, что я математик, что я эскимос, что насильно обучал север-

ные народности ивриту, что у меня двое детей от большого количества женщин, что я бросил всех своих жён, включая ту, на которой женат сейчас, и что я самка.

28.09.2011

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

Директриса вбегает — выпученные глаза, физиономия вся в мыле, штукатурка сыплется:

— Мойшеле, помогай!..

(Когда помощи не требуется и заходит разговор о повышении зарплаты и, скажем, об оплате сверхурочных, то — «г-н Гончарок», а когда нужна помощь, то сразу же — «Мойшеле». Плавали — знаем.)

— Чиво надо?

(Тут главное — неприветливое лицо сделать, чтобы на место поставить сразу же. Чтоб на многое не рассчитывала.)

— Письмо пришло от важных людей! Переведи и помоги чем можешь! Чем можем! Чем я могу.

— Чего — на карфагенском письмо, что ли?

— Почему — на карфагенском? На русском...

— А-а. А я думал — на финикийском.

— Нет, на русском. Из канцелярии премьер-министра звонили, просили посодействовать.

— Ишь ты. А чего канцелярия на нас спихивает? Вот сами бы и помогли. А то работать никто не желает, сразу все к нам.

— Ой, ну не упрямься ты, ты же можешь помочь, когда хочешь...

— А что мне за это будет?

— Ну... Я тебя похваляю.

— Хм.

— Ну, нету денег! Не могу я платить сверхурочные! И зарплату поднять не могу!

— А себе — могла?

— Ну, это же решение канцелярии премьер-министра!

— Вот пускай тебе премьер-министр и переводит.

— Ой-й-йй, ну пожалуйста!

Аж копытами, как коза, забила на месте.

— Я буду жаловаться в Лигу Наций, в Большой хурултай. Давай письмо.

Подаёт распечатку двумя пальчиками. Читаю.

«Господа! В Украине заканчивается строительство Самого большого в мире Еврейского центра „Минора“ с музеем Халокоста. Предлагаю незамедлительно оказать помощь в наполнение музея артефактами и литературой.

И. О. Сёмы Крейцера»

Перевожу. Особенно про И. О. Сёмы Крейцера. Смотрит испуганно.

— Ой, как же мы могём им помочь?

— Никак.

— Ай, но у нас же исторический архив, какие атифаты мы могём им послать? И книжки... у нас в библиотеке все книжки только в двух обязательных экземплярах!..

— Хорошо, что ты хоть это знаешь.

— Но канцелярия! Ой, что же делать?

— Ясно что.

Просияла.

— Да?

— Да.

— Ай, ты мой спаситель!..

— Хвали.

Начинает неуверенно, загибая пальцы и преданно лупая синими глупыми глазами, перечислять:

— Ты хороший... Умный...

— Так.

— Добрый...

— Ещё.

— М-м-м...

— Забыла.

— Забыла...

— Красивый и в меру упитанный мужчина в са...

— В самом расцвете сил — хоть куда! Да!

— Самое главное всё равно забыла.

— Талантливый!

— Вот. Ладно. Иди уж.

— А что сказать в канцелярию?

— В канцелярию скажи, как на четвёртой странице рассказа «Король», в самом конце.

Лупает глазами.

— Какой рассказ? Какой король?

— Ты ещё спроси — «какой Бабель».

— Какой бабиль?

— Впрочем, в канцелярии премьер-министра этого тоже наверняка не знают. Бог с тобой, золотая рыбка. Позолоченная.

— Какая рыбка?

— Это Пушкин. В школе учила?

— Не-а...

— А, ну правильно. В школе ты учила Фошкина. И вся канцелярия премьер-министра тоже.

— А-а-а! Поняла. Только это мы учили в переводе. Как это... «Легенда о золотой рыбе».

— Типа да. Ну, иди.

— А что же сказать в канцелярию? Про бабиля?

— Ты им процитируй: «— *Что сказать тётке Хане за облаву?* — Скажи: *Беня знает за облаву*».

Тщательно записывает. Того и гляди, позвонит к премьер-министру и старательно зачитает вслух. Греха не оберёшься.

— Тпрууу! Стой! Не передавай ничего. Скажи, что справимся своими силами.

Уходит, сияя и посылая воздушные поцелуи.

Атифаты. Они там, наверное, полагают, что у нас не архив, а ярмарка-распродажа. Ярмарка тщеславия. Бесплатная притом. «Предлагаем незамедлительно...» Ишь ты. В приказном порядке. Небось сидят на каких-то международных грантах. И в канцелярии сидят идиоты, раз нам это письмо переслали. Да они его и не читали, уверен.

Что ответить И. О. Сёмы Крейцера, представителю (представителям?) ещё недостроенного, но уже самого большого в мире музея? Причём — Еврейского с большой буквы, причём именуемого «Минора» через «и» и Халокоста через «а»? Что? Полувиновато оправдываться, лепеча, что у нас не склад подержанных бесплатных вещей, а исторический архив? Кто знает ответ на этот вопрос? Премьер-министр даже не знает.

А я знаю.

И я секунду смотрю на экран, пару секунд барабаню пальцами по столу, а потом секунд десять барабаню ими же по клавиатуре.

«И. О. Сёмы Крейцера, сиречь представителю (–ям?) самого большого в мире музея:

Киш мир ин тухес!»

Число, подпись.

И отсылаю.

02.12.2009

НИКТО НЕ ПРИДЁТ НАЗАД

На работе я сейчас разбираю архив «Алия бильти-легалит», уцелевших узников гитлеровских лагерей, которые после войны пытались на судах добраться до берегов Палестины. Известна история «Эксодуса», но таких беженцев было много. Английские сторожевые корабли ловили их и отправляли в лагеря для интернированных на Кипре. Среди груд документов, воспоминаний, фотографий, справок обнаружил грязный клочок бумаги, на котором карандашом, выцветшим, прыгающим почерком было написано: «На память Энн от Франческо». Под посвящением — стихотворение на английском. Копаясь в бумагах, я постепенно понял, что Энн и Франческо были подростками, выжившими в Терезиенштадте и познакомившимися на корабле беженцев.

Они плыли ночами и почти добрались до Хайфы. Уже в виду города английские сторожевики остановили судно, и пассажиров после драки с пограничниками переправили на Кипр. В феврале 1947 года Энн умерла в бараке лагеря для интернированных лиц под Ларнакой. Франческо выжил и в середине мая 1948, после провозглашения независимости, когда блокада была снята, на первом же корабле прибыл в Израиль, пошёл добровольцем на фронт и уже в июне был убит где-то при обороне Беер-Шевы, при наступлении египетского танкового корпуса. Отчего умерла Энн — непонятно. По-моему, девочка и мальчик влюбились друг в друга на корабле. В таких случаях принято говорить, что умерла она от любви. Но, кроме влюблённости, тут было ещё кое-что. Прочтя стихотворение, я вспомнил последнюю

строку оригинала, с которого Франческо сделал перевод на английский: «...о том, что никто не придёт назад». У Энн и Франческо в Европе никого не осталось, и строчка указывала на общность их судеб.

Кем они были, откуда, на каком языке общались между собой — вероятно, на английском? — окончательно я так и не узнал. Мальчик, судя по имени, был из Италии, а Энн... Может быть, это он так звал её, а дома — тогда, когда у неё ещё был дом — звали её Анна? Тогда она могла быть откуда угодно. Почему мальчик из Италии так хорошо знал русский язык, что смог сделать с него перевод стихотворения на английский для своей подруги — или, может быть, он переводил с итальянского? — этого я не узнал тоже, и теперь, думаю, уже никто не узнает.

Перевод стихотворения, сделанный Франческо, я перепечатаваю в дневник. Я не знаю английский настолько, чтобы судить о его качестве.

In the cathedral choir a girl stood singing
Of all the weary on an alien shore,
Of all ships gone to sea, and of all people
Who can remember happiness no more.

Her voice went soaring in the cupola,
And, listening in the darkness, everyone
Saw how the sunlight touched her on the shoulder,
And how her white dress sang in the beam of sun.

It seemed to all that happiness was coming,
The ships had reached a haven free from harm;
And in the strange land all the tired people
Had found a life of brightness and of calm.

Sweet voice — thin beam. Only a child was crying,
High up inside the sanctuary door,
Admitted to the mystery, understanding
That nobody will come back any more.

16.11.2011

ПИСЬМО

Во время Второй мировой войны иностранный разведотдел Хаганы, еврейской подпольной военной организации в Палестине, курировал отправку диверсантов в тыл германским войскам, преимущественно в страны Западной Европы, а также в Венгрии. Часть парашютистов была схвачена сотрудниками абвера и гестапо и расстреляна, часть отправлена в лагеря уничтожения. Поскольку большая часть диверсантов, прибывших из Палестины, имела британское гражданство, некоторых — видимо, по недосмотру — отправили в лагеря для военнопленных, откуда отдельным группам палестинских парашютистов удалось совершить ряд успешных побегов, в которых они участвовали вместе с военнопленными других стран. Впоследствии почти все они были уничтожены, единицы дожили в лесах и подполье до прихода армий союзников.

Трагическую историю Ханы Сенеш знают все, но таких диверсантов были десятки.

В Палестине «*Ваад ле-маан а-хайяль*» — Комитет солдатской помощи, Тель-Авив, — организовал среди населения сбор продуктовых и вещевых посылок для военнопленных. Британским представительством Красного Креста в Иерусалиме через посредство шведского Красного Креста посылки переправлялись в концлагеря. Одна из посылок попала советскому солдату Степану Авдееву.

20.10.43 г.

Avdeev Stepan

178 G.T.pal. Soy

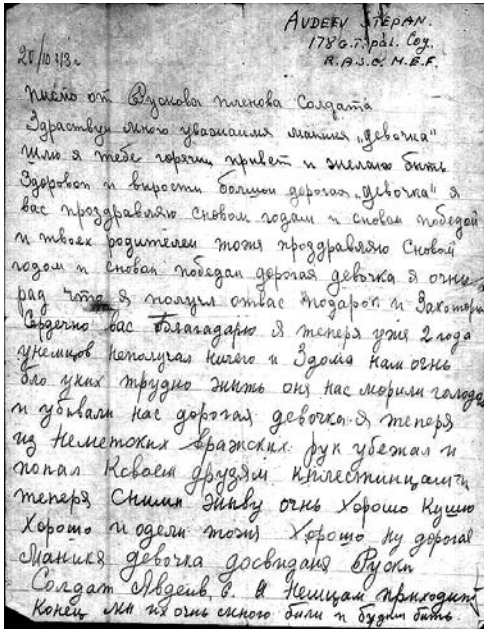
R.A.S.C. M.E.F.

Письмо от Рускова пленова Солдата

Здравствуй много уважаимия девочка

Шлю я тебе горячий привет и желаю быть здоровой и вырасти большой дорогая девочка Я вас проздравляю сновом годам и сновой победой и твоих родителей тоже проздравляю Сновом годом и сновой победой

дорогая девочка я очнь рад что я получил отвас подарок и Закотрый сердечно вас благодарю я теперь уже 2 года у немцов неполучал ничего и з Дома нам было очнь у них трудно жить оне нас морили

голодам и убивали нас дорогая девочка я теперь из неметских вражских рук убежал и попал к своём друзьям к плестинцам теперь сними живу очнь хорошо кушаю хорошо и одели тоже

Хорошо ну дорогая маникая девочка досвиданя Руски Солдат Авдеив

а немцам приходит конец мы их очнь много били и будим бить

я родм с деревни мы низнали кто таки иврее я сидел влагире с иврее сианисты они рассказали плестина эта страна внеи иврее живут я умираю с гладу вдруг красный крест шведав прислал

с краснава криста из плестины пасылку седой от девочки а патом мы бежали с этими плестинцами и спаслись мы типерь партизаны а я всё помню вашу пасылку сюдой девочка дай бох вам здаровя в плестине и родителям твоим

а немцов мы будим бить бить бить
твой навсигда Руски Солдат Авдиев

Ну, у меня комок в горле и волосы дыбом.

Думаю, за семьдесят лет я первый после девочки-адресатки, кто прочёл это письмо. Оно не было закаталогизировано.

Главное, письмо дошло.

Надо бы опубликовать.

Может, родственники этого Авдиева живы.

Фонд ha-Vaad ha-arzi le-maan ha-hayal ha-yehudi, Tel Aviv.

Даю сигнатуру J10/171.

В архив.

17.12.2013

ИДЁМ ДАЛЬШЕ

В моём архиве однажды я обнаружил рукопись мемуаров, в которой рассказывается нечто невообразимое. Я часто разнообразно невообразимое нахожу, и иногда пишу об этом, чтобы поделиться радостью находки, и сегодня напишу и поделюсь тоже.

Был такой Исаак Рабинович, в 40-е — 50-е годы руководивший «русским» отделом всемирного Сохнута. Что такое «Сохнут», все знают.

Идём дальше.

Как почти все руководители этой почтенной организации, Исаак родился и вырос в России. *А сало русское едят*, но это уже другая степь, да и не ел он никогда сала, ему это запаadlo было.

В 20-х годах он был участником подпольного «Гехалуца» в Москве, было такое движение, готовившее молодёжь к работе на земле в Палестине. Организация социал-демократического толка, против советской власти они, в принципе, ничего не имели — только вот советская власть, как ревнивая домовладелица, не желала никого из посторонних видеть на своём участке.

Идём дальше.

Вот на Песах, то есть на еврейскую Пасху, этого Исаака, одного из будущих их руководителей всемирного Сохнута, а пока что — просто мальчишку, арестовало ГПУ и посадило во внутреннюю тюрьму Лубянки; в камере с ним сидели разнообразные недобитые аристократы и оппозиционеры — грустный, свежевыбритый до синевы грузинский князь, какой-то старый анархист с бородою до пояса, юный левый эсер, у которого борода вообще ещё не росла, а также — один мулла, два ксёндза, три попа, и так далее. И вот настал праздник, и нужно было проводить *седер*, т.е. торжественную церемонию с застольем. Жратвы особой не было, и самого стола не было тоже, одни нары; но примите во внимание, что это была ещё середина двадцатых годов, как говаривал классик — время относительно вегетарианское, и нашему герою передали с воли упаковку мацы. Что такое маца, все знают, поэтому идём дальше.

Он усадил всех сокамерников на нары и открыл пачку мацы, и все — недобитые аристократы, оппозиционеры-атеисты, мулла и даже попы, потирая руки, придвинулись к нему, — и вдруг он понял, что некому задавать традиционные 4 вопроса, «*арба шеелот*», а без этого *седер* — не *седер*, как известно. Или неизвестно, но мы идём дальше.

И он сказал: «Эх!..» и вздохнул.

— Да ладно вам, сударь, не переживайте: я могу задать вам *арба шее-лот*... — вдруг раздался из угла голос какого-то невзрачного мужичка совершенно нееврейского вида. Он подошёл к нашему организатору и задал все вопросы на иврите, как положено, и помог провести седер, причём виртуозно и с большим знанием дела, а остальные смотрели ему в рот.

И наш герой прослезился, а после — благодарил его и долго тряс ему руку, а тот отвечал, усмехаясь — *пустое, батенька, не стоит*, рад был вашему народцу оказать ещё одну услугу.

И — знаете, кем оказался этот невзрачный мужичок?.. Не знаете, поэтому идём дальше.

Это был знаменитый Сергей Нилус, автор не менее, и даже ещё более знаменитых «Протоколов сионских мудрецов»...

Его тоже к тому времени арестовали и посадили, как в те годы водилось.

А ещё потом его, как известно, прикончила родная советская власть, а наш герой увернулся и уехал-таки в Палестину, и спустя полвека написал мемуар, который не успел опубликовать, потому что скоропостижно скончался. А дети его никогда ничего не читали, потому что были передовиками киббуцного производства, недосуг им было читать байки старого дряхлого мира, — они строили новую Палестину и представляли собой новую породу людей — породу физически развитых земледельцев с отменной мускулатурой и микроскопическими мозгами. И они просто собрали всё, что писал на старости лет их папа, и передали в архив. А через полвека в этот архив пришёл работать я; а я, как известно, мало чем напоминаю физически развитых земледельцев, зато обожаю копаться в старых исторических документах. У меня на этом деле даже четыре с половиной минуса, на носу очки, а в душе осень. Но это тоже всем давно известно, поэтому идём дальше, хотя дело, собственно говоря, подошло к своему логическому завершению, как интеллектуально выражается кто угодно, кроме передовиков производства, тем более киббуцного.

Об этой находке я опубликовал статью, и все натурально шизанулись. И в сети об этом открытии писали тоже.

Таки интересно, правда ведь? Мне — интересно, а вам — не знаю, это ваше дело, с какой стати я к вам в печёнки лезть буду.

2002, декабрь

Александр ДИМИДОВ
ИЗБРАННОЕ

* * *

Весна сюда заглядывает редко,
И мы бежим в чужие города.
Как голуби, сорвавшиеся с ветки,
Уносимся неведомо куда.

Никто из нас давно не верит страсти,
Но от постылой жизни с вороньём
Мы откровенно выбрали ненастье
И крыльями промокшими гребём.

Заведомо согласные на крохи
Лишь одного пугаемся с тобой —
Когда любовь задержится на вдохе,
Настигнутая собственной судьбой,

И будущность, качнувшаяся выше,
Внезапно остановится, осест,
Как гармонист, застреленный в Париже
Подвыпившим полковником СС.

* * *

Аминь.
Немым, нечаянным, непрошеным
И всем, не устоявшим на ногах
Амнистия.
Оплаканы и брошены
Обугленными душами
В снега.

Мы — мамонты.
Мы — жертвенники инея.
Мгновение —
Нас станут ископать.
Отшельники
Шлифованными бивнями
Они вот так же вспахивали гладь.

И тот же хрип,
И неменьше каяться,
Предчувствие забытой высоты.
Мы канули литой сусальной матрицей
В обглоданные временем хребты.

Седая мгла
Задушит наше стойбище,
Как звон суда,
Как позвоночный зуд.
Нас вынесут
Из общего позорища
И головы
На кубки разнесут.

* * *

В блокадном городе зимой,
Перед равниной мёртвых
Писал слабеющей рукой
Художник натюрморты.

В неизбываемой тоске,
Непреходящей стуже,
Передавал на сквозняке
Благоуханье груши.

Неимоверно пах кулич
Давно забытым миром.
Желтели персики. А дичь
Текла роскошным жиром.

Пестрела сочная ботва
Не виданных в помине.
И барражируя, пчела
Пристраивалась к дыне.

В пустынных комнатах, один,
Питаясь мутной жижей,
Он создал дюжину картин,
Состарился, но выжил.

Любить по памяти смешно.
Любовь не верит в сказки.
Но я приладил полотно,
И растираю краски.

Мне суждено, изведав страх,
Губительные мысли,
Её, младенцем на руках,
Нести дорогой жизни.

* * *

Мне снилась пустыня.
Из знойного дня
Глазницы пустые
Глядели в меня.

Оттуда, где небыль
Ущелий и гор
Дыхание неба
Сложило в узор.

Манила собою,
И ласковый зов
Несли над водою
Двенадцать ветров

Покорные силе.
Но тысячи миль
Песок превратили
В обычную пыль.

И облаком серым,
Незримой тропой
Немые берберы
Приходят за мной.

Есть в землях, где паства
Содержит погост,
Источники царства
Барханов и звёзд.

За хрупкой химерой
Могильной плиты
К подножью пещеры
Уводят ходы.

Отдушиной люду
Обманутых стран
Там белых верблюдов
Стоит караван.

Для странствия в вечность.
И стоит уснуть,
Погонщики
Тронутся
В путь.

* * *

Цветник за нашей спальнею разбит
По точному эскизу эшафота.
И сквозняки затаскивают в быт
Предгрозовые отзвуки с болота.

Всё также притягательны чаи,
Сказания про солнечные страны.
А воробьи купаются в пыли,
Стервятники, и даже пеликаны.

Ещё немного сумрака, тогда
Отправятся в безъякорные дали
Забытая под яблоней тахта,
Столешница, плетёные сандалии.

И пусть твоя изящная рука
Наворочит на календарной гуще
Один дождливый день,
из сорока,
Когда мы помечтаем о грядущем.

* * *

Затянут месяц мглою,
Последний блик погас.
А ты ступай за мною,
Не поднимая глаз.

Мы — пасынки отваги.
Прими нелепый труд.
Пусть молятся коряги,
Пусть топи отпоют.

Без крова, без дороги,
Мы вправе бросить стяг,

Но здесь — больные боги
И черти на сносях.

За твой утробный кашель,
Надеждами иных,
Мне видно вдвое дальше,
И страшно за двоих.

А там, в отместку чуду,
В купели вешних вод
Пусть будут все, кто будут
И каждый, кто дойдёт.

* * *

Никто не выбирает времена.
Всегда найдётся повод для подвоха:
А та ли это, собственно, страна?
И та ли это, в сущности, эпоха?

Когда-нибудь, на склоне бранных лет,
Седой мудрец, судьбой зажатый в угол,
Напишет окончательный памфлет
Про то, как мы дурачили друг друга.

Призвание художника — терять,
Талант — его пожизненная плаха.
Но души тех, кто мог ещё стоять,
Уже давно не восстают из праха.

Нет пьедесталов, аутодафе,
Богемной зависти, презренья черни.
Есть чашка кофе
В маленьком кафе
На солнечной террасе
Утром
В Берне.

Исход

По умирающим снегам
Свободно и невинно
Приходит март.
К его ногам
Ложится крестовина.

Едва осунувшийся лёд
Отслаивает камни,
Бельё с покорностью плывёт
За женскими руками.

И по течению судьбы,
Обманывая сердце,
К дверям заброшенной избы
Приходят погорельцы.

Здесь всюду плесень,
И кругом,
Из сумрака сквозь сени
Тоскливо тянет сквозняком
И сыростью осенней.

И как разводами вдоль скул
Ложится павший локон,
Рассыпаны по потолку
Густые пятна окон.

Среди царапин, щелей, нор
С прилежностью нелепой,
Они читают их узор,
Как надписи на склепах.

Как — будто всем им, от беды
Сюда сбежавшим йзвне,
Знакомы скорбные следы
Предшествующей жизни.

Но чтоб дойти до сути сна,
Не продавая душу,
Им надо выжить из ума,
Иль выбежать наружу.

И оставляя мёртвый дом,
Собравшись на рассвете,
Они навек запомнят стон
Его разбитых петель...

ОБ АВТОРЕ

Александр ДИМИДОВ (1972 г.р., Украина) — писатель, публицист, пишущий на английском и русском языках. Магистр филологии (специализация «Русский язык и литература»), переводчик с английско-го. Автор романов, повестей, эссе и сборников короткой прозы.

Публикации: «Дружба народов» (Россия), «Новый берег» (Дания), «Иные берега» (Финляндия), «Литературный Азербайджан», «Seagull Magazine» (США), «Иммигрантская лира» (Бельгия), «Literarus» (Финляндия).

Имеет диплом «Международное признание» на литературном конкурсе «Коронация слова 2019» (Украина), а также нескольких других конкурсов.

Фрида ИОСИЛЕВИЧ
КОМАНДИРОВКА

В один и осенних дней сорок третьего года, когда ежедневные военные сводки больше печалили, чем радовали, в комнату — она только называлась бухгалтерией, а по-настоящему объединяла несколько отделов со своими начальниками — вот в эту большую комнату ворвалась необычная весть. Весть эту нам принесла телефонистка. Телефонисток в нашем Облводхозе было четверо, они знали всё и, конечно, раньше всех. Они получали телефонограммы от подчинённых нам Райводхозов и, главное, из Министерства, которое находилось в Ташкенте.

На самом деле, они прекрасно знали, что можно рассказать по секрету и о чём нужно помалкивать. Например, слухи о возможном завозе овощей — дани Райводхозовских подсобных хозяйств — хранились в строгом секрете. Всё, что было связано с дополнительными благами, которые, по нашему общему мнению, попадали начальству, были лишь домыслами и никогда не базировались на рассказах самих телефонисток. В этом смысле в те далёкие годы секретность соблюдалась значительно лучше, чем в нынешние, интернетные.

Но эта новость как-то сразу стала всем известна: наше Министерство (Водного Хозяйства Узбекской ССР) прислало телефонограмму, в которой чёрным по белому говорилось, что в течение недели мы (Намаган) должны прислать в Ташкент одного человека, грамотного и толкового, сроком на шесть дней, для участия в составлении годового плана на 1944 год. Аналогичные предложения были сделаны всем областям, но наша, Намаганская, оказалась первой в списке.

Потенциальными кандидатами на эту командировку — а она ментально стала желанной для всех обитательниц нашей большой комнаты — были все, кроме, конечно, главбуха. Каждый примерял эту поездку на себя, взвешивая все «за» и «против».

Я тоже включилась в этот общий азарт, и моих «за» было даже несколько больше, чем у других. Я весь год то и делала, что переходила из отдела в отдел для «помощи» и поэтому умела многое. Кроме того, у меня не было детей, которых, в случае командировки, нужно будет пристраивать.

Постепенно накал страстей стал остывать, так как «против» оказалось немало. То тут, то там слышалось расхожее в то время выражение «ишачить» (на Министерство). Меня это всё не смущало. Я очень хотела и боялась верить, что этот счастливый жребий предназначен мне. Но дело оказалось срочным, и уже в конце рабочего дня главный бухгалтер Тоцкий позвал меня к своему огромному «главному» столу и, хитро улыбаясь, спросил: «Поедешь в Ташкент?» Я чуть не задыхнулась от радости: «Конечно!»

Тоцкий ещё подумал немного и задал второй вопрос: «А справишься?» — и, глядя в моё восторженное лицо, сам ответил своей любимой присказкой: «У матросов нет вопросов».

Следующий день прошёл в приятных хлопотах, которые по-настоящему делали мою поездку реальной. Я получила командировочное удостоверение, какие-то небольшие деньги (около двух рублей в день). Секретарша начальника, с которой я раньше никогда не общалась, отмечает «убыл» и ставит печать. Теперь это действительно реальность. Я уезжаю!

Билет на поезд, как известно, — проблема не из лёгких, хотя для командированных есть специальная касса. В этой кассе тоже обычные волнения, давка, но в конце концов билет в плацкартный вагон (верхняя боковая полка) у меня в руках.

Вечером меня провожает на вокзал папа, и я без труда (всё же плацкартный вагон) сажусь в поезд, который уносит меня в прекрасное будущее. Пока всё действительно прекрасно.

Проводник выдаёт мне полагающиеся на плацкартное место тюфяк и комплект белья. Бельё назвать белым можно только с большой натяжкой, кроме того, оно сырое, почти мокрое, так как не успело высохнуть после стирки на конечной станции.

С моей второй полки хорошо смотреть в ночную темень, на одинокие огоньки редких посёлков, на суетящихся пассажиров, когда поезд подъезжает к станции.

Незаметно наступает утро, и вот уже проводник торопливо собирает постели. Моя верхняя полка превращается в сидячее место, которое я делю с кем-то из попутчиков.

Мне всё нравится.

Мало-помалу, с остановками на всех небольших станциях, поезд приближается к Ташкенту. Я стою у открытого окна и с радостью вглядываюсь в пригороды большого города. Поезд медленно въезжает на перрон.

На параллельном пути, совсем рядом, стоит готовый к отправке длинный товарный состав — хорошо известные мне теплушки. Ещё совсем недавно, спасаясь от фашистов, в таких теплушках мы пересекли страну от Мариуполя до Нижнего Тагила. Но этот состав отличается от того, нашего. Он весь, все вагоны, заполнен мальчиками и девочками. Они стоят у открытых дверей — двери теплушек открыты настежь — и оттуда просто выливается веселье, песни, смех. Всё понятно, студенты уезжают в колхоз.

Мой поезд движется всё медленнее и вдруг, дёрнувшись в последний раз, останавливается.

И тут, через всё ещё открытое окно (очень скоро сердитый проводник закричит, чтобы я его немедленно закрыла), я вижу в двери теплушки Витю в обрамлении девочек и мальчиков. Он очень вырос за эти два года. Но это был Витя! Он тут же узнал меня и крикнул, как было в детстве: «Фрица!» На нас с удивлением смотрят столпившиеся в дверях теплушки девочки. Я каким-то образом собираюсь с мыслями и громко объясняю (моё открытое окно так близко от их двери, что даже не надо кричать): «Я в командировку, в Ташкент, а ты?» В этот момент Витин поезд начинает медленно уходить, и я ещё успеваю прокричать: «Энгельса, 29, это мой адрес! Приходи!» Я высовываюсь в окно, машу вслед уходящему поезду, и Витя (а вместе с ним и девочки) машет мне в ответ.

Проводник останавливается возле меня: «Ты что, гражданка, с нами на запасные пути?». Я оглядываюсь. Вагон опустел. Хватаю свой баульчик и, подгоняемая сердитыми словами проводника, выскакиваю на перрон.

Мне грустно. Я стою на перроне и смотрю в ту сторону, куда скрылся весёлый Витин поезд.

Рабочий день в Министерстве начинается поздно, в 10 часов. К этому времени я уже слоняюсь по коридорам в ожидании начальницы. Мы знакомимся, и я тут же получаю в своё распоряжение необъятных размеров дубовый письменный стол с изрядным количеством ящиков. В этой большой комнате, где мне предстоит работать, много таких пустых столов: недавно прошла очередная мобилизация в Армию.

Моё первое задание простое, но я отношусь к нему со всей серьёзностью. Мне поручено разгрузить ящики стола от бумаг и, если на обороте есть чистое место, хоть в пол-листа, оставить для дальнейшего использования. Остальные в утиль. Я работаю усердно, мне интересно заглянуть и в содержание этих бумаг, но я ограничиваю своё любопытство, так как к концу дня эта работа должна быть сделана. Работа, конечно, достаточно механическая, и мысли мои в большой степени витают вокруг вчерашней встречи на вокзале. Я представляю себе, как эта весёлая пёстрая команда рассеялась по хлопковому полю, и как Витя дурачится с девочками.

Мне грустно, я хотела бы быть там, где Витя. Впрочем, что Витя? Мы не виделись больше двух лет; я, как была, так и осталась восьмиклассницей, а он студент института (я даже не знаю, какого). Мы не переписывались, и он, конечно же, забыл обо мне. Ведь ещё в Одессе, когда кончилось наше детство на Чижикова и мы стали учиться в разных школах, у него появились новые товарищи и новые интересы, среди которых мне не было места. Правда, иногда мы встречались и возникала прежняя непринуждённость в отношениях, но к тому времени я точно знала, что существует Дружба и Любовь.

Я считала, что у нас дружба. Уж очень много вокруг Вити было девочек (я была уверена — лучших, чем я), которые заслуживали любви. По Витиному поведению трудно было судить, к какой категории он относит меня. И вот теперь мы встретились. Может быть, встретимся ещё.

Я работаю усердно. Стопка бумаги, которую можно использовать, растёт. По-видимому, на этой бумаге будет создаваться план на 1944 год, которому предстоит быть, увы, военным. До конца войны ещё далеко.

Вдруг моя рука нащупывает среди бумаг какой-то необычный предмет. Я вытаскиваю его, он оказывается небольшим квадратным пакетиком, аккуратно завернутым в бумагу и перевязанным верёвочкой. Разворачиваю эту находку, и мне на ладони падают три небольших квадратных чёрных сухаря, твёрдых как камень. Богатство этого клада меня настолько ошеломляет, что я перестаю ощущать свои душевные страдания, напрочь забываю о них. Мне хочется понять, имею ли я право съесть немедленно это Богом посланное богатство. Ведь инженер, который работал за этим столом, уже давно уехал на фронт.

В это время ко мне подходит начальница, оценивает мою работу и вручает талоны на обед (знаменитые Министерские обеды, о них немало переговорено у нас на периферии). Всего я буду работать 6 дней

(суббота в те времена не была выходным), но я получаю всего 5 талоннов — на сегодня я ещё не в списке. После её ухода — уже безо всяких колебаний — съедаю все три каменных сухаря. Они исчезают в моём изголодавшемся желудке с молниеносной быстротой, и воспоминание о них утешает во время обеденного перерыва без обеда.

Вечером я беседую с тётей Верой. Она с интересом расспрашивает меня обо всех моих делах, радуется тому, как хорошо мне работалось (ни слова о сухарях и несостоявшемся обеде). Как бы невзначай, я упоминаю о встрече на вокзале с соучеником. Теперь он студент, их послали в колхоз на уборку хлопка, к концу недели он, может быть, вернётся и зайдёт к ним, чтобы узнать мой рабочий адрес.

Глаза у тёти Веры, добрые, выразительные глаза душевного человека, зажигаются вёселыми огоньками, и она с пристрастием начинает обычный в таких случаях допрос: «Что за мальчик? Откуда?». Я отвечаю как можно спокойнее, оставляю свой министерский адрес и подробное описание, как меня найти в два часа дня, когда в моём отделе обеденный перерыв.

Между тем, работа моя всё усложняется. Я быстро усваиваю все премудрости планирования и, кажется, нравлюсь начальству.

Министерские обеды — большая миска густого наваристого супа — скрашивают жизнь и до двух часов, когда его ждёшь, и после двух, когда приятная сытость разливается по всему телу и держится там долго-долго, вплоть до следующего дня.

В пятницу я решаю не идти на обед, чтобы сохранить талончик на случай, если Витя всё же придёт. Когда наступает обеденный перерыв, я ухожу гулять по Ташкентским улицам — солнечным, шумным и, не смотря на войну, многолюдным.

Зато вечером я вознаграждена. Переступаю порог дома, и тётя Вера восторженно сообщает: «Приходил. Взял адрес. Придёт!»

Потом мы пьём чай, и тётя Вера, как бы почувствовав, что я целый день ничего не ела, подкладывает мне «лишний» кусочек хлеба. Она излучает доброту и восторженность по поводу моих служебных успехов. Для неё, долголетней жительницы Средней Азии, водное хозяйство — не пустяк.

Вдруг её лицо становится серьёзным и даже сердитым, она произносит то, что, судя по всему, давно хотела сказать: «Нет! слишком красивый!» Я очень удивлена. Ведь я же ей объясняла, что Витя — только друг, а вовсе не «любовь». Но, по-видимому, эта таинственная формула «дружба — любовь» имеет какие-то секретные приметы. Я молчу.

Следующий день — мой последний рабочий день. Заканчиваю таблицы и диаграммы, которые лихо научилась вычерчивать. Скоро обеденный перерыв. Я не дожидаясь звонка и сбегаю в столовую, куда должен прийти Витя. А он уже здесь. В ярко-жёлтой кофте, на ногах шерстяные носки и галоши (по-узбекски ичиги).

Я веду Витю к раздаточному окну, вручаю два талона, и нам выдают на подносе две глубокие пиалы, полные белой рассыпчатой горячей-прегорячей рисовой каши. Я оглядываюсь, где бы раздобыть ложки. Но прежде, чем мне удаётся ухватить одну, Витя вытаскивает вполне хорошую алюминиевую ложку. Оказывается, он с нею не расстанется.

Мы садимся за свободный столик и медленно, блаженно начинаем есть кашу. Мы почти не разговариваем, наслаждение от еды, кажется, парализовало наши интеллектуальные возможности. И, вместе с тем, нам хорошо. Не хочется говорить о работе несмотря на то, что я приготовила целую речь о своих достижениях, расхотелось расспрашивать о девочках, мысль о которых, как заноза, сидит в моём сознании.

Кончается каша в наших тарелках, и вместе с нею уходят последние минуты обеденного перерыва. Мы прощаемся. Витя полуобнимает меня за плечи. «До встречи в Одессе!» Так что же это: Дружба или Любовь?

Остаток дня промчался очень быстро. Я сдаю последнюю работу и ухожу.

Дома тётя Вера с нетерпением ждёт меня, ей очень интересно, как прошло свидание с Витей. Она разочарована моими односложными ответами и вскоре понимающе умолкает. Через несколько минут она появляется из кухни, в руках у неё баночка — обычная стеклянная баночка — и в ней неведомое мне в то время лакомство: мелко нарезанная картошка вперемешку с солёным огурцом (то, что впоследствии станет традиционным праздничным блюдом). Она с улыбкой вручает мне «харч на дорогу» и, по-видимому, получает удовольствие от моей радостной реакции. Затем, не в силах скрыть своё настроение, вновь повторяет убеждённо: «Нет! Ничего не выйдет. Слишком красивый! Я в этих делах разбираюсь!»

Это она, конечно, о Вите. Я не поддерживаю разговор. Молчит и дядя Яков, её муж, который в прежние, дореволюционные годы, совсем молодым человеком, жил в Одессе и был одним из квартирантов моей бабушки. Вот откуда всё добро, которое выливается на нас этими людьми с момента нашего появления в горькие дни военного 1941-го года.

Вскоре я собираю свои нехитрые вещички и ухожу на вокзал. Здесь, как обычно, толчея, неразбериха. В какой-то момент я оказываюсь у заветного окошка (кассы для командированных), получаю бесплацикартный билет (плацкарты закончились) и бегу на посадку к своему вагону. Двери сначала заперты, потом они открываются, и пассажиры штурмуют их, подталкивая друг дружку. Наконец я внутри, и даже нахожу себе сидячее место. С облегчением оглядываю свой багаж — большой баульчик и авоську с драгоценной баночкой, и тут я вижу, что авоська разрезана. Баночка исчезла. В лохмотьях, которые остались от авоськи, болтается заботливо положенная тётёй Верой маленькая алюминиевая ложечка...

В понедельник утром, как всегда ровно к восьми часам, я уже на работе. Здесь вам не Министерство с их началом работы в десять.

Общество с интересом ждёт моих рассказов. Но я знаю, что начинать свой отчёт нужно с Тоцкого. А вот и он, приглашает присесть возле главного стола. С удовольствием собираюсь с мыслями — об этой минуте я мечтала весь голодный день в поезде. Но не успеваю сказать и двух слов, как к Главному подходит секретарша и молча кладёт ему на стол телефонограмму. Я вижу, что она из Министерства: знакомая красная полоса внизу стандартного листка.

Тоцкий читает, его глаза улыбаются, и он пододвигает ко мне эту бумажку: «Присланная из Наманганского Облводхоза Крженицкая Ф. М. справилась с работой добросовестно и грамотно». На телефонограмме резолюция начальника Облводхоза Мичурина:

«Ознакомить товарищей», — и хорошо известная его подпись. Медленно беру ручку и с удовольствием пишу: «Читала. Ф.Кр.».

За дни командировки я научилась, наконец, расписываться по-взрослому!!!

ОБ АВТОРЕ

Фри́ма Ио́силевич родилась в Одессе в 1926 году. Здесь прошло её детство и ранняя юность. Из Одессы, в возрасте 15 лет она уехала в эвакуацию. В 1950 году закончила Одесский кредитно-экономический институт. Более 30 лет преподавала экономику бухгалтерского учёта в средних учебных заведениях Одессы.

С 1983 года живёт в Бостоне, где поселилась семья её дочери.

В Америке Фрима проработала 15 лет координатором в JFCS (Jewish Family and Children Service).

Её перу принадлежат 2 книги: «Воспоминания» (2010), в которой она описывает нелёгкую жизнь своей семьи, увиденной глазами ребёнка, и «Витя» (2018), посвящённую памяти недавно скончавшегося мужа.

14 марта Фрима Иосилевич скончалась.

Приносим глубокие соболезнования её семье.

Давид ГАЙ

ОТ РУКОПИСИ – ДО КНИГИ!

ПИШЕТЕ МЕМУАРЫ?
ПУБЛИЦИСТИКУ?
СТИХИ? ДЕТЕКТИВЫ?

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Издательство **M-GRAPHICS**
предлагает услуги
авторам любого жанра!

Издательство M-Graphics было создано в 2001 году в Бостоне, Массачусетс. За прошедшие 23 года мы подготовили и выпустили в свет порядка 400 книг: мемуары и воспоминания, публицистика и книги для детей, книги по искусству, поэзия и проза русскоязычных авторов-эмигрантов, проживающих в США, Канаде, Израиле и других странах. Мы постоянно оказываем техническую и полиграфическую поддержку широко известному бостонскому журналу «Страницы Бостона» и являемся издателем литературно-художественного журнала «Времена».

M-Graphics полностью готовит книги к выходу в свет: обеспечивает редактирование и корректуру рукописи, создаёт художественное оформление, готовит макеты текста и обложки, регистрирует в системе книгоиздания (присваивает ISBN), а также обеспечивает высококачественную печать книг, альбомов, каталогов в любом переплёте и в любом количестве. Мы поможем создать книгу с нуля или выполним отдельные этапы, предоставим квалифицированную помощь по всем вопросам, которые могут возникнуть при подготовке издания и передаче его в печать.

mgraphics.books@gmail.com

www.mgraphics-books.com

781-990-8778

...А вот одно из недавних выступлений Трампа. Якобы демократические евреи не только не верят в Господа Бога, но и ненавидят Израиль. Каково?!..

Роман Солодов

...Проблема Трампа состояла в том, что, будучи человеком со стороны в политическом истеблишменте, он не имел своей надёжной команды. На ведущие посты он вынужден был ставить случайных людей, которых почти не знал. Другая проблема Трампа — уже сугубо личная — в том, что на словах он бывал куда более крутым и решительным, чем на деле...

Семен Резник

...На средней полке, именно там, где хранились доллары на поездку в Чикаго, лежала перевязанная бечёвкой пачка, несколько более толстая, чем та, что хранилась там раньше. Я торопливо развернул её. На мой взгляд, в пачке находилось долларов на двести больше, чем положено. Снизу лежала записка, коряво, с орфографическими ошибками написанная на мешанине иврита, французского и идиша:

«Муса, это тебе на лишнее беспокойство. Ошибка вышла, но я не извиняюсь. Больше не повторится, иншалла»...

Михаил Гончарок

*А зря ты испугался, мальчик Ося,
Реалий «иудейского хаоса»,
К российскому как раз претензий нету,
Но он-то и сживёт тебя со свету.*

*...О, пагубное лоно чуждой веры!
Всё множатся и множатся примеры:
Твоя судьба и Галича, и Меня.
Отступничество — плод неразуменья.*

Марк Вейцман

...Стайн по-прежнему не давала покоя Хемингуэю. В одном из его лучших романов «По ком звонит колокол» (1940) в руководительнице группы республиканцев-партизан можно распознать черты Гертруды: «пятидесяти лет, с массивной фигурой, лицо которой могло бы послужить моделью для гранитной скульптуры; чёрные курчавые волосы, в витушках; язык как бич — ошпаривает и кусает»...

Ксения Гамарник

*Дай мне, Господи, больше воздуха —
дольше звука и ярче света.
Дай мне слов, непригодных для лозунга,
клеветы, суеты, навета.*

Игорь Джерри Курас

...Вдруг её лицо становится серьёзным и даже сердитым, она произносит то, что, судя по всему, давно хотела сказать: «Нет! слишком красивый!» Я очень удивлена. Ведь я же ей объясняла, что Витя — только друг, а вовсе не «любовь». Но, по-видимому, эта таинственная формула «дружба — любовь» имеет какие-то секретные приметы. Я молчу...

Фрима Иосилевич